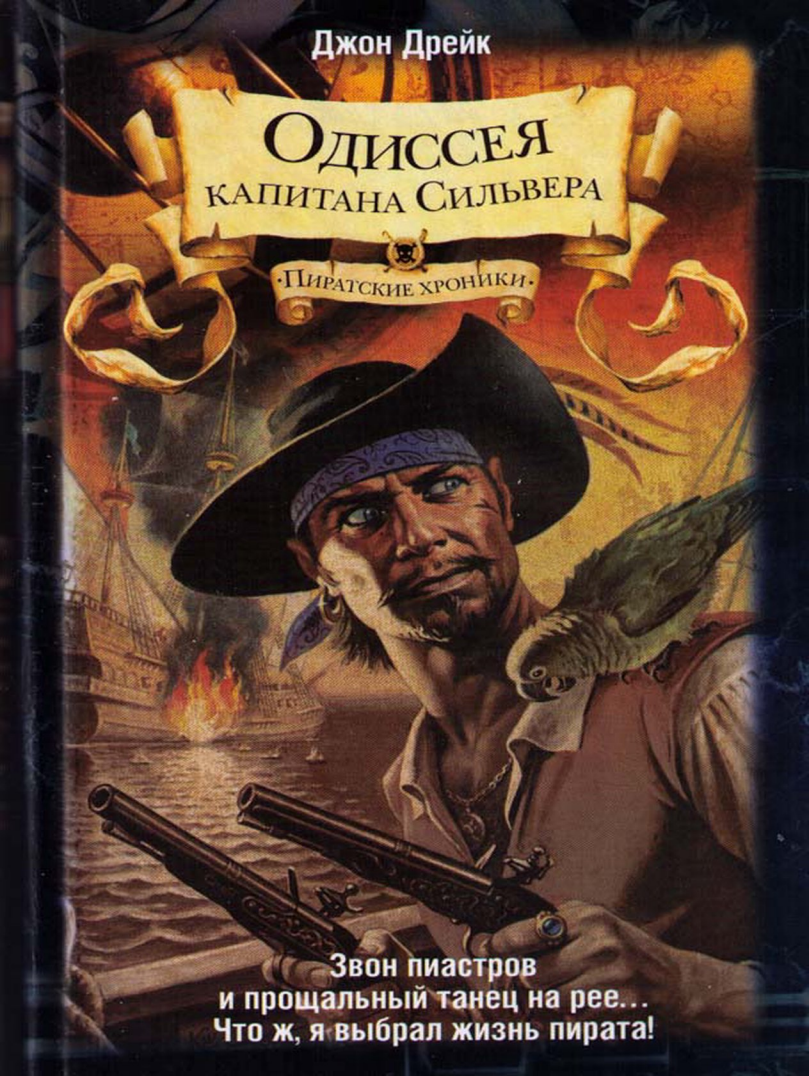
Джон Дрейк

Одиссея капитана Сильвера

Пиратские хроники



Звон пиастров
и прощальный танец на рее...
Что ж, я выбрал жизнь пирата!

Одиссея капитана Сильвера

Джон Дрейк

Аннотация
Джон Дрейк. Одиссея капитана Сильвера
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Примечание

Аннотация

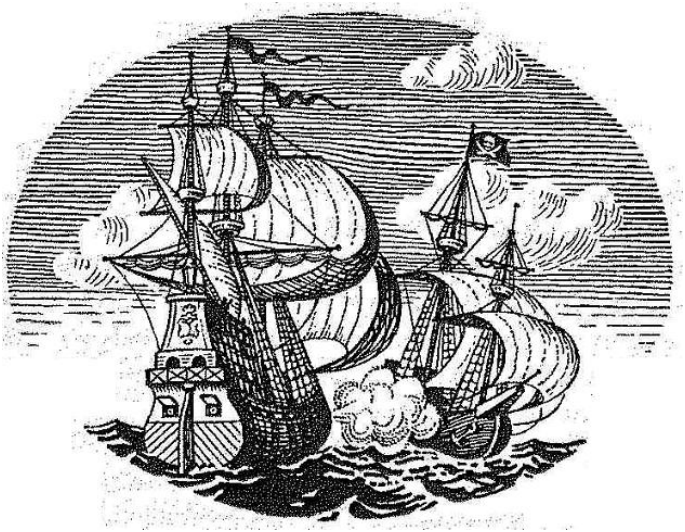
«Одиссея капитана Сильвера» — роман, написанный в лучших традициях авантюрных пиратских историй. Молодой капитан Сильвер, пиратствующий под началом отъявленного мерзавца Флинта, находит в себе мужество противостоять негодяю. Под завывание ветра и лающие выстрелы мушкетов разыгрываются морские сражения, плетутся коварные замыслы, происходят жестокие разборки, устраиваются романтические свидания и разгораются нешуточные страсти.

Джон Дрейк
Одиссея капитана Сильвера

Пиратские хроники

Глава 1

15 марта 1745 года. Индийский океан. У берегов Мадагаскара



Да уж, «Риа де Понтеверда» не какое-нибудь там беззащитное суденышко. Да и найдешь ли в открытом море невооруженный торговый корабль? Почитай, на каждом имеются пушки

разных типов и калибров и все, что к ним полагается: пушкари и порох в картузах, ядра и картечь, пыжи и банники. Конечно, с боевыми кораблями августейших особ торговым суднам трудно тягаться по части артиллерии, но и их непрошеным гостям, будьте уверены, не поздоровится.

Бортовые батареи, поворотные платформы с мортирами, да у каждого члена команды мушкеты, пистолеты, пики и алебарды, сабли и кортики… Пули, порох в рожках, добрый английский пистолетный порох, зернышко к зернышку, не какая-нибудь турецкая сажа. Немало все это добро стоило, тяжким бременем лежало на плечах честного торговца. К тому же занимало драгоценное место на судне, а прибыли, само собой, не приносило никакой…

Но без оружия — никак! К несчастью, не одни лишь мирные мореплаватели ходят по водным дорогам. Встречаются и любители быстрой наживы, те, кто желает продавать товар, не ими купленный. Весьма часто этих, с позволения сказать, джентльменов удается отпугнуть, на худой конец, отбить их наглые наскоки. Но, к сожалению, в этот раз, в шести милях от Байи де Бомбетока, госпожа Фортуна отвернулась от негоцианта.

Португальский бриг «Риа де Понтеверда» и пиратское судно «Виктория» сцепились ноками рей[1] и скрылись в вонючем облаке порохового дыма, почти неподвижно застывшем в жарком влажном воздухе тропиков. Паруса брига свисали клочьями, капитанский мостик был разворочен ядрами, в бортах зияли пробоины, первые пираты уже прыгали на палубу португальцев, перескакивали через обломки рангоута[2] и кучи такелажа,[3] перешагивали через покойников и приканчивали стонавших и вопивших раненых.

У грот-мачты[4] с мрачным спокойствием поджидал пиратов высокий светловолосый англичанин. Рядом с ним, готовые к последней схватке, столпились его португальские помощники. Пираты неслись к молчаливой группе, подбадривая себя воинственными воплями. Полыхнул раструб

---

[1] Примечания: 1

Рея — деревянная поперечина на мачте, к которой крепится парус. Ноки — концы рей. — Здесь и далее прим. ред.

[2] Примечания: 2

Рангоут — совокупность деревянного оборудования судна, к которому прикрепляются снасти и паруса.

[3] Примечания: 3

Такелаж — совокупность гибких частей вооружения судна: снасти, цепи, канаты.

[4] Примечания: 4

Грот-мачта — средняя, самая высокая мачта на парусных и гребных судах.

мушкетона — и Хосе Кармо Коста, капитан «Риа дё Понтеверда», отлетел назад, отброшенный зарядом, который врезался ему прямо в сердце.

Тут же звякнули клинки. Пощады никто не просил.

Англичанин брал не столько искусством, сколько силой, ловкостью и скоростью. В его мускулистом тренированном теле, в длинных руках и ногах не было ни капли лишнего жира. Первого из нападавших, слегка опередившего остальных, англичанин прикончил, раскроив ему череп сабельным ударом сверху. Тяжелый клинок расколол голову пирата до нижней челюсти и вышел наружу, мерзко хлюпнув напоследок. Тут же на англичанина навалилась дюжина головорезов, оглушительно ревущих и жаждущих отомстить за смерть товарища. Ведомый каким-то инстинктом, англичанин умудрился отбросить всю массу пиратов, которые словно срослись друг с другом в лютой ярости. Расчистив пространство и обеспечив себе свободу маневра, он поразил второго из противников в живот, и англичанин, прижав каблуком его голову к залитой кровью палубе, пронзил грудь упавшего саблей.

Третьего он удостоил двух ударов: одним отсек четыре из пяти пальцев, другим вскрыл череп с

лицевой стороны. Четвертому и пятому, длинному тощему брюнету с серьгами в обоих ушах и косоглазому пузатому увальню с абордажным багром, хватило по одному маху, слева и справа, соответственно.

Шестой оказался крепким орешком. Невзрачный коротышка в соломенной шляпе и полосатых штанах ловко орудовал рапирой, казавшейся продолжением его руки. Явно фехтовальщик-профессионал. Англичанин же был любителем. Ему надлежало либо мгновенно стать профессионалом, либо умереть.

Пот струился по лицу англичанина, он пытался возместить недостаток техники скоростью и силой. Задел, саблей горло пирата, но не взрезал его. Рапира замелькала еще быстрее, дважды кольнула воздух, в третий раз успела на дюйм углубиться в бок стойкого англичанина, прежде чем его сабля отбила этот чертов клинок. Тут же последовал укол рапирой в бедро, но верхушка локтя профессионального фехтовальщика отскочила после удара саблей, как макушка пасхального яйца. Рапира задела щеку англичанина, но сабля уже снесла с головы пирата соломенную шляпу вместе с частью волос и скальпа и тут же, изменив направление полета, глубоко врезалась

в шею врага, задержавшись лишь у позвоночника агонизирующего фехтовальщика.

Англичанину приходилось и прежде драться, но лишь на кулаках. По пьянке, из-за юбки — в общем, дело молодое. Обидчикам он спуску не давал, и слюнтяем его никак не назовешь. Но никогда раньше не дрался он насмерть, всерьез, смертоносным оружием, И никогда никого не убивал… до этого клятого дня. А тут — шестерых. Полдюжины!

Англичанин огляделся и увидел, что из всей команды «Риа де Понтеверда» он единственный еще держался на ногах. Остальные убиты или умирали. Пираты деловито резали им глотки… К англичанину тем временем подтягивался еще с десяток морских разбойников. И жив он пока лишь потому, что у них расстреляны все заряды. Пираты выиграли сражение, и этот бешеный никуда от них не денется, чего зря рисковать. Но злы они на эту белесую бестию чрезмерно.

Англичанин развернулся на каблуках, тяжело дыша, обливаясь потом и кровью. Левой ладонью смахнул капли со лба, правой приподнял саблю, метнул взгляд на лезвие. Больше на пилу похоже — так много на нем зазубрин, — но оно еще послужит. А меж тем кольцо вокруг сжималось,

приближаясь к нему остриями сабель, длинных кинжалов и пик.

— Сколько парней угробил!

— Шкуру снять с него живьем!

— Килевать!

— Изжарить!

Предложения сыпались как из рога изобилия, но выполнять их пока никто не спешил.

— Давайте! — сорвался на визг англичанин. Сердце его бешено колотилось, нервы напряглись до предела. Терять ему было нечего, но в окружавшей его толпе не находилось желающих показать всем пример отваги. — А-а-а! — вдруг истошно завопил англичанин, рванувшись на толпу с занесенной саблей.

Пираты отшатнулись, разразившись градом ругательств в адрес этого «придурка» — самый мягкий из доставшихся на долю их жертвы эпитетов. Англичанин отбил копье носатого усача, саблю рыжего ирландца с несколькими шрамами на физиономии и кортик обнаженного но пояс мулата Ирландец уронил оружие и, взревев от боли, схватился за рассеченное до кости плечо.

— Анри! — крикнул через плечо пират с муш-

кетом. — portes moi de la poudre et balle![5]

Толпа зашевелилась, французу сунули патрон.

— Давай, давай! Сделай его, Жан-Поль! — подбадривали пираты. — Замочи сучье вымя!

— Je dechargerai la tete du con![6]

Француз раскусил патрон, всыпал порох на полку,[7] защелкнул; затем загнал в дуло пыж и пулю. Англичанин прыгнул на пирата с саблей, но его отогнали пиками, кольнув в руку и ноги. Осталось лишь обреченно следить за тем, как Жан-Поль не спеша поднял мушкет и прицелился.

Вот и черная дырочка на конце ствола, а за ней — немигающий глаз убийцы. Англичанин прыгнул вправо — ствол повернулся за ним. Влево — Жан-Поль повел стволом обратно. Да что толку в прыжках! Вон, еще с десяток пиратов заканчивают заряжать свои мушкеты да пистолеты.

— Сука драная! — выругался англичанин.

— Благодарю, сударь, — поклонился Жан-Поль, не опуская мушкета. — От такой слышу.

---

[5] Примечания: 5
Дай-ка пороху и пулю! (фр.)

[6] Примечания: 6
А вот я ему башку разнесу! (фр.)

[7] Примечания: 7
Полка (здесь) — затравочная полка пистолета.

Cochon.[8]

— Да и черт с вами! Чтоб вы все сдохли, сволочи! — Англичанин уронил саблю, распростер руки и закрыл глаза. По крайней мере, это произойдет быстро. Не так, как они грозились.

Жан-Поль снова прицелился, нажал на спусковой крючок. Щелчок! Искра, грохот выстрела — три драхмы[9] наилучшего пороха из арсеналов короля Георга взорвались, вышвырнув тяжелую мушкетную пулю из ствола… вверх, по впечатляющей параболе, выше мачт, выше крестов кафедрального собора, выше порохового дыма над местом схватки… Совершив обратный путь, пуля плюхнулась в воду и опустилась на дно морское, где любопытный рыбий народ тыкался в нее носами и оставлял без дальнейшего внимания по причине полнейшей непригодности в пищу.

— Не спеши! — не слишком громко, но вполне авторитетно произнес Натан Ингленд, избранный должным образом капитан пиратского судна, который только что и весьма своевременно для англичанина стукнул кулаком по стволу мушкета. — Полагаю, этого мы пока что сохра-

---

[8] Примечания: 8
Свинья (фр.)

[9] Примечания: 9
Драхма — единица веса, равная 3,74 г.

ним. — Он ткнул саблей в сторону уцелевшей жертвы Жана-Поля. — Эй, ты! — обратился он к англичанину погромче — Оперой глаза! Ouvrez les yenxl..[10] Оглох, что ли? Ты меня понимаешь? Entiendez?..[11] Capisce?[12] — Команда Ингленда состояла из обломков и огрызков человеческих судеб, подобранных в портах полудюжины приморских стран. Поэтому капитан привык свободно переходить с языка на язык, чтобы ни один олух не смог сослаться на то, что не понял приказа.

Англичанин замигал, с глупым видом ощупывая тело, как будто выискивая рану.

— Portugues? — спросил Ингленд. — Francais? Espanol?

— Я англичанин, будь ты проклят!

— Х-ха! И это он своему спасителю! Неблагодарная тварь. Я тебе жизнь спас. По твоей милости у меня народу поубавилось, так что почему бы тебе за них не поработать.

— Я на пиратов не работаю.

---

[10] Примечания: 10
Открой глаза! (фр.)

[11] Примечания: 11
Понимаешь? (исп.)

[12] Примечания: 12
Понимаешь? (ит.)

— А где ты здесь видишь пиратов? — удивился капитан. — Мы все джентльмены удачи, морское содружество, береговые братья.

— Как волка ни назови, он все одно в лес смотрит.

— Гм… — хмыкнул Ингленд, скептически разглядывая долговязого англичанина, которого уже считал новым членом команды. — Ну, болтать с тобой мне некогда, уж извини. Дай охоты особой нет. А как ты крошку Сэма ухлопал, я видел. Неплохо у тебя это получилось, а ведь он среди нас лучший боец был на клинках.

Англичанин не понял, что его похвалили. Решил, что ему предъявляют претензии.

— Надо же, я его ухлопал! Вы отобрали мой корабль и убили всю команду. — Он показал на тело капитана Кармо Косту, от опаленной груди которого еще поднимался дымок — Вот мой капитан лежит, а какой человек был!

Ингленду эта перепалка надоела, Ангельское терпение отнюдь не относилось к числу его достоинств. Он засунул большие пальцы обеих рук за кожаный пояс и забарабанил по нему.

— В общем, дело твое, конечно. Ты человек свободный, решай, я тебя не принуждаю. Я тебя в деле видел и считаю, что тебя можно использо-

вать. Если ты с этим согласен, добро пожаловать. Если же нет… — капитан повернулся к Жану-Полю. — Recharges, enfant![13]…можешь снова закрыть глаза, и покончим дело миром — Ингленд едва заметно улыбнулся.

Француз уже получил из услужливых рук еще один патрон и заряжал мушкет. Капитан по-прежнему постукивал по широкому кожаному поясу.

— Имей в виду, — добавил капитан, обращаясь к англичанину, — как только он зарядит, то сразу выстрелит, не дожидаясь моего приглашения. Можешь мне поверить.

Ругательство англичанина и щелчок взведенного курка мушкета Жана-Поля встревожили присутствующих. Француз прицелился, однако на всякий случай еще раз спросил:

— Je tire, mon Capitaine? Стреляю, кэп?

— Был у тебя шанс, сучок… — усмехнулся капитан.

— Стойте! — крикнул, взмахнув руками, англичанин. Он сделал выбор, на который в таких обстоятельствах решился бы любой Нормальный человек. За исключением разве что святого

---

[13] Примечания: 13
Заряди, сынок! (фр.)

мученика-страстотерпца. Или Спасителя нашего, Господа Иисуса Христа. Но какому капитану нужны в команде Христос либо святой великомученик?

Закончив разговор с англичанином, команда Ингленда принялась на обоих бортах приводить все, что можно, в относительный порядок. Главная задача — восстановить мореходность купеческого брига. Застучали молотки, топоры, посыпалась необходимая в процессе любого труда рабочая ругань. Сращивались лопнувшие концы, латались перебитые реи, заделывались пробоины.

Пираты оказались умелыми мастеровыми, и не диво, ведь от ловкости рук зависела их жизнь. С должным уважением они предали воде покойников и даже палубу вымыли с грехом пополам. Раненых лечил вечно пьяный коновал, которого капитан именовал «хирургом», а остальные пираты вообще избегали упоминать, боясь его пуще виселицы. Этот пыточных дел мастер останавливал кровотечения исключительно кипящей смолой. Другого доктора, однако, взять было неоткуда, поэтому пираты довольствовались тем, что есть.

Уже через несколько часов после схватки «Вик-

тория» и «Риа де Понтеверда» двинулись в путь. Не откладывая дело в долгий ящик, англичанина привели к присяге, устроив традиционный обряд посвящения в общество «джентльменов удачи».

Церемония эта выглядела цирковым аттракционом, однако, по сути, представляла собою переломный момент в судьбе всякого, в честь кого она устраивалась; каждый, кто прошел ее, знал, на что себя обрекал — на возможное «награждение пеньковым галстуком», на виселицу, в случае поимки фрегатом какого-нибудь из многочисленных европейских величеств.

Команда стянулась к грот-мачте, причем главное внимание пираты уделяли не виновнику торжества, а пузатому бочонку с ромом, содержимое которого перетекало сначала в мятые щербатые кружки, а затем, без задержек и проволочек, в обширные пасти пиратов, производя горячительное воздействие на тела и головы. Капитан Ингденд в ознаменование события даже переоделся. Во всяком случае, нацепил лихо, набекрень шляпу с кудлатыми перьями.

Он солидно восседал в массивном резном кресле с высокой спинкой, специально принесенном из капитанской рубки.

Шумное действо несколько напоминало риту-

ал в честь пересечения линии экватора — здесь неофита так же оголяли, намыливали, совершали его омовение и завязывали ему глаза.

Определив подходящий для этого момент, благодушно улыбающийся Ингленд бухнул о палубу семифутовым клыком нарвала,[14] который выполнял функцию его жезла или посоха.

— Эге-гей, многоуважаемые братья! — провозгласил он. — В жизни еще одного несмышленыша наступил торжественный момент. Это дитя становится нашим товарищем, вольным гражданином морей. Стяни с глаз его пелену слепоты, мистер первый помощник, открой ему свет истины нетленной, вложи острый меч в длань его.

Повеление капитана тут же воплотилось в жизнь, и несколько ошеломленный англичанин снова усиленно заработал веками, привыкая к свету и озирая толпу вооруженных пиратов, которые мерно колыхались вместе с ним и судном в неспешном плясе бортовой качки.

— Итак, — продолжил Ингленд, — по святому обычаю, каждый брат, ведающий что-то, препятствующее вступлению этого дитяти в наше

[14] Примечания: 14

Нарвал — единорог, длина тела которого достигает 5–6 м, млекопитающее подсемейства белуховых семейства дельфиновых; левый клык у самцов развивается в спирально закрученный бивень длиной до 3 м.

братство, да выскажется незамедлительно, Или да умолчит об этом вовеки.

Эта пародия на церемонию церковного венчания в данном случае имела сугубо практический смысл. Каждый, кто горел желанием расквитаться с чужаком за потерянного друга — Шестеро убитых англичанином взывали к отмщению, — мог заявить о своем желании и получить шанс стать седьмым в компании покойников. Трупы пиратов спустили за борт с доски, привязав к ногам пушечные ядра. Погибшие моряки «Риа де Понтеверда» такой чести не удостоились — к их животам небрежно примотали балластные камни. Капитанский призыв вызвал тихий гул, народец принялся перетаптываться и переталкиваться. Те, чьими дружками считались погибшие от руки окаянного островитянина, обнаружили вдруг что-то интересное на носках собственных сапог, заметили какую-то редкую птаху небесную или отделались откровенными кривыми ухмылочками. Гудение остальных приобрело несколько разочарованный оттенок: пропало такое развлечение!

— Да будет так! — воскликнул капитан, выдержав приличествующую случаю паузу. — А теперь, новый брат наш, предлагаю тебе подпи-

сать Артикулы, как это сделали все мы до тебя.

Первый помощник торжественно возложил на бочку, служившую Ингленду столом, толстенный гроссбух с медными застежками. Его ассистенты поставили рядом чернильницу и песочницу, положили перо, все честь по чести. Книга в тисненом кожаном переплете служила когда-то доброму негоцианту, объеденный рыбами скелет которого уж развалился на косточки и белеет во тьме морской, а то и донным илом зарос. Страницы, исписанные изящным почерком торговца, грубо вырваны, а на первой из оставшихся рука не шибко грамотного океанского бродяги размашисто и кривовато накарябала текст пиратской присяги.

— Ты грамоте обучен, брат? — поинтересовался Ингленд. — Или прочитать тебе пункты без спешки, чтобы вник, понял и продумал, прежде чем подпишешь?

— Буквы знаю, — буркнул англичанин.

— И читаешь складно?

— Прочту.

— Гм, — несколько удивился Ингленд, ибо, кроме его помощников и пушкаря, ни один из пиратов, даже «доктор», грамоты не знал. — Тогда прочти нам, брат, чтобы все услышали. Не

помешает.

Англичанин подтащил книгу ближе к фонарю.

— Сии Артикулы…

— Громче! — крикнул Ингленд. — Чтобы и эти друзья услыхали. — Он указал на «воронье гнездо» на верхушке мачты, в котором мотались на ветру двое впередсмотрящих.

— Сии Артикулы… — заорал новый «брат» что было мочи. — По доброй воле и в трезвом сознании вступаю я и торжественно клянусь. Артикул первый. Повиноваться командам капитана моего во всех делах, касаемых мореплавания, а равно бой дальнего и ближнего, под Страхом Моисеева закона, как то: сорок ударов линьком, за вычетом одного, по спине оголенной…

Всего пунктов в книге Ингленда оказалось двадцать три, главным образом вполне разумные, очевидные требования, касающиеся дисциплины. Без соблюдения таких правил Невозможна жизнь никакого судна с тех древних времен, когда началась история мореплавания. Не остались забытыми и такие бытовые детали, как курение тайком под палубами и осквернение мочой трюмного балласта. Уличенный в этом мерзавец, поленившийся в темную ночь пробраться на нос, к отведенному для отправления естественных по-

требностей месту, без всяких отговорок выпивал пинту той же жидкости, излитой товарищами по команде. Сурово наказывалось присвоение добычи помимо законной процедуры дележа. По сути, требования эти не отличались от принятых и на других пиратских посудинах, бороздящих просторы Индийской Карибики.

Конечно, иной корабельный устав не обходился и без причуд. Отличались своими особенностями и Артикулы Ингленда. За применение пыток, к примеру, он вешал. Уличенных в мужеложстве положено было связать вместе с зажатым между ними балластным камнем и вышвырнуть за борт. А за изнасилование — совершенно неслыханный пункт в уставе пирата! — надлежало кастрировать. Но даже это пираты терпели, ибо тяга к золоту пересиливала половое влечение, а по части вынюхивания добычи с Инглендом мало кто мог сравниться во всех морях планеты.

Свежеиспечённый «братец» добросовестно проорал все пункты, переводя дух после каждого, и добрался до конца. Далее следовали четыре четкие, вполне читаемые подписи, одну из которых вывела та же рука, что и сами пункты. Остальные имена, изображенные с разной степенью неумелости и безграмотности, чередовались

с десятками, а то и сотнями крестиков, затейливых загогулин и рисунков. Рыбки, птички, слоники, обезьянки… — целый зоопарк. Явления общественной жизни представляла виселица с повешенным. Кто-то ностальгически изобразил сельский домик. В символике преобладали череп и скрещенные кости, подобным же образом расположенные мечи, шпаги, бердыши, мушкеты… Англичанин задержал взгляд на мастерски выполненном автопортрете размером с пенни, не уступающем работе лучших лондонских карикатуристов. В этом неграмотном художнике погиб несомненный талант. Погиб в буквальном смысле слова, ибо портрет и приписанное к нему, как и ко всем остальным меткам, имя аккуратно, по линеечке вычеркнула красными чернилами чья-то заботливая рука, указавшая тем же красным цветом и дату гибели. Много, много строк в списке перечеркивала узкая кровавая полоска.

Англичанин вздохнул, поднял перо, погрузил его в чернила и на мгновение замер. Англичанин он лишь наполовину. Отец его, португальский моряк, женился на англичанке и поселился в Бристоле. Сын его статью и силой удался в отца, от матери унаследовал цвет волос и кожи. Он удрал из дому в тринадцать лет, спасаясь от отцовского

ремня; моряцкому ремеслу учился у других.

Отец дал ему имя Жоао де Сильва. Многие «патриоты» воротили носы от такого имени, но он не находил оснований стыдиться. В отличие от своих соотечественников, Жоао не считал иностранцев, иноверцев и иноплеменников ниже себя лишь на том основании, что они отличаются от него обличьем. Ведь в Святой Книге указано — «человек слаб», без уточнения рода и племени. А жизнь морская показывала, что главное в товарище по команде — как он себя ведет, когда разыграется стихия. И опыт научил Жоао, что в этом вопросе ни национальность, ни раса, ни вероисповедание роли не играют. Но откуда он родом, уроженец Бристоля тоже не забывал, а посему, вздохнув для верности еще разок, решительно подписался: «Джон Сильвер».

Глава 2

4 января 1749 года. Карибское море. Борт боевого судна Его Величества «Элизабет»

Капитан Спрингер с трудом сдерживал гнев.

— Лейтенант Флинт, — процедил он сквозь зубы — клянусь, если я еще раз услышу эту байку, то закую вас в кандалы.

— Ну, если так… — покачал головой Флинт, — то молю Небо, чтобы вас постигло такое же проклятие, как меня. Четыре года с Энсоном, цинга, крушение надежд и корабля, скорби и болячки… А хуже всего — глядеть, как в Лондоне выгружают тридцать два воза золота, и знать, что ни пенни тебе не обломится!

Спрингер искоса осмотрел квартердек.[15] Мичмана и матросы себе на уме, тоже косятся, глядели исподлобья. Мистер Бонс, первый помощник Флинта, буквально поедал лейтенанта взглядом, как будто ждал от него приказаний. На душе у Спрингера кошки скребли. Бонс предан Флинту

---

[15] Примечания: 15

Квартердек — возвышение верхней палубы в кормовой части парусного судна.

до мозга костей. Хорошо, хоть сержант морской пехоты Доусон держится капитана. И Доусон эту перебранку при команде явно не одобрял.

— Мистер Флинт, — капитан выразительно посмотрел на лейтенанта. — На пару слов.

Спрингер отвернулся и отошел к подветренному борту, где остановился, поджидая Флинта. Капитан, конечно, старый морской волк. Неуклюжий, тяжелый, уже почти старик, с брюзгливо отвисшей нижней губой и водянистыми светлыми глазами. Щетина на физиономии такая, что никакая бритва не одолеет, Флинт же — гладкий кот, смуглоликий, за итальянца можно принять. Походочка пружинистая, улыбка лучезарная. Худощав, подтянут, роста среднего, но всем кажется высоким. В общем, мастер пыль в глаза пустить, фанфарон.

Вот они друг напротив друга, сцепились JB споре. Оба в синих длинных сюртуках с начищенными до блеска латунными пуговицами.

Сюртуки — символ их положения. Поношенные, залатанные, вылинявшие на солнце, сшитые из тяжелой шерсти, не подходящей для тропиков. Но это форменная одежда А все остальное — сплошная отсебятина. Штаны, рубахи, башмаки, а пуще всею широкополые соломенные

шляпы, защищающие от солнца. Лишь по сюртукам сразу видно, что они офицеры морской службы Его Величества короля Георга Второго. «Элизабет» вышла в море с недоукомплектованной командой, они оба — единственные на борту штатные офицеры. И спорить при всех — чистой воды безумие.

— Мистер Флинт, — снова повернулся к лейтенанту Спрингер. — Остерегитесь. Если мы продолжим в том же духе, дисциплине на борту конец. Я твердо намерен выполнять приказ и следовать в Сан-Бартоломео…

— И проворонить колоссальную добычу! — завершил Флинт фразу капитана. — Мы назвали эту калошу «Элизабет», но она всегда именовалась «Изабелла ла Католика», и как была, так и осталась испанской во всем, от килях[16] до клотика.[17] И надо это ее обличье использовать. Мы же к любому испанцу подойдем вплотную…

— Но мы с «донами» больше не воюем, черт бы вас подрал! Уж скоро год…

---

[16] Примечания: 16

Киль — продольная балка, идущая посередине днища судна от носовой до кормовой оконечности; обеспечивает прочность и жесткость днигца, а также корпуса судна.

[17] Примечания: 17

Клотик — наделка закругленной формы с выступающими краями на верхнем конце мачты или флагштока.

— Ой, не смешите меня, сэр! — отмахнулся Флинт. — Войны, может, и нет, но мира — и подавно. А тем более здесь. Тут кто кого может, тот того и гложет. Все мы одного пошиба — англичане, «доны», французы. Все грыземся за каждую кость. А я знаю, где нашу добычу купят за наличные без всяких векселей и лишних вопросов.

— : И думать забудь! — прорычал Спрингер, но без особой уверенности. Флинт мгновенно уловил колебание и сменил тон. Чуткий, пролаза! Может обворожить, когда пожелает. Сладким голосом сирены запел он на ухо капитану:

— Слушайте, сэр, все обставим так, что комар носа не подточит, клянусь. В мои планы вовсе не входит подвести вас.

Калитан знал цену словам Флинта и не слишком им доверял, но эта бестия так мягко стелила, что старый волк решился выслушать молодую Лису.

«Ага!» — безмолвно возликовал Флинт. Он понимал, что душу капитана разъедала подавляемая жадность и что если бы нашелся способ примирить эту чувстпом долга, то задачка быстро бы решилась.

— Дело в том, сэр… — начал Флинт, как бы колеблясь.

— Ну-ну?

— Дело в том, что из-за этого паразита Энсона я потерял свою долю величайшего приза и не хотел бы, чтобы вас постигла та же участь…

Рык Спрингера прервал воркование лейтенанта. Флинт задел не ту струну, и дальнейший разговор потерял всякий смысл.

Флинт ходил с Энсоном в знаменитое кругосветное плавание 1740–1744 годов, когда захватили манильский галеон, самый крупный приз за всю историю британского мореплавания. Но незадолго до этого «Спайдер» Флинта сел на рифы у мыса Горн, и Энсон снял команду на свой «Центурион», где офицеры «Спайдера» пребывали фактически в качестве пассажиров. По уверению Флинта, Именно поэтому они Лишились права на долю добычи. Ну да, это ужасная несправедливость, но сколько можно твердить об одном и том же!

— Мистер Флинт, — рявкнул капитан, — немедленно вернитесь к исполнению своих должностных обязанностей, иначе я за себя не отвечаю.

Спрингер резко отвернулся и крикнул сержанту Доусону:

— Людей на палубу, тысяча чертей! С боезапасом! Штыки примкнуть!.

Тут же заорал и Доусон. Во мгновение ока отряд

матросов выстроился на квартердеке, поблескивая штыками, примкнутыми к мушкетным стволам.

— Мистер Бонс! Команду наверх!

— Есть, сэр! — с готовностью откликнулся мистер Бонс, и после пятнадцати минут ругани, понуканий, толкотни и топотни более полутора сотен бравых мореходов сползло с рей, просочилось из трюмов и рубок и скопилось на шкафуте.[18] Там они и переминались с ноги на ногу, щурясь на солнце, ловя дырявую тень от парусного вооружения и рангоута, задирая головы к квартердеку.

Сверху, доверив созерцать свою спину офицерам и солдатам, к команде обратился капитан Спрингер. Он многословно напомнил команде о священном долге выполнить, приказ коммодора[19] сэра Джона Филипса, каковой повелевал занять, укрепить и удерживать островок Сан-Бартоломео. Особо распространился капитан по поводу стратегической важности указанного острова, жемчужины британской короны. Остановился и на страшных карах отступникам и

---

[18] Примечания: 18
Шкафут — средняя часть палубы.

[19] Примечания: 19
Коммодор — в Англии — морской офицер, командующий эскадрой.

ослушникам согласно действующим законам военного времени.

Команда все это не раз слышала. Все знали и о «тайных» каперских устремлениях лейтенанта Флинта. Он не только не делал из них секрета, но и постарался донести до каждого члена экипажа. Поэтому команда понимала, что обращается капитан не к ним, а к самому себе и лейтенанту Флинту. Им обоим капитан Спрингер, очевидно, не слишком доверял и старался поминанием короля и его законов удержать себя и Флинта от искушения.

Похоже, в этот раз капитанская уловка подействовала и судно Его британского Величества «Элизабет» продолжило путь из вожделенной Карибики по запланированному маршруту. Оно направлялось к точке на географической карте, соответствующей широте и долготе, которые сообщил коммодору сэру Филипсу один бедолага. Он чудом спасся от гибели во время крушения португальского барка у берегов Ямайки. «Элизабет» — довольно крупное судно. Восемь сотен тонн. Два десятка медных пушек. Корабль, конечно, старомодный — с латинским парусом.[20] на

[20] Примечания: 20
Латинский парус — треугольный парус

бизань-мачте[21] с вулингом[22] под бушпритом[23] на манер детского слюнявчика и с румпельным рулем[24] вместо штурвала с тросами, — однако вовсе не запущенная посудина, а удобное и даже уютное судно. Неперегруженная, при доброй погоде в природе и в политике, «Элизабет» могла бы показаться раем земным. Так нет же!

Что касается фок-мачты,[25] то это место команда «Элизабет» теперь считала, скорее, адом. Мистер Флинт, потерпев афронт в своих потугах соблазнить капитана, вымицал зло на подчиненных. Как старший помощник капитана он был наделен широкими полномочиями, чтобы изгадить жизнь экипажу, к тому же природа наградила его склонностью к деятельности подобного рода. Отчего ж не наказать того, кто

---

[21] Примечания: 21

Бизань-манта — задняя, меньшая мачта на корабле.

[22] Примечания: 22

Вулинг — особым, способом связанные веревки, скрепляющие бушприт с водорезом.

[23] Примечания: 23

Бушприт — передняя мачта на судне, наклонно выступающая за водорез.

[24] Примечания: 24

Румпельный руль — руль с рычагом, укрепленным на верхней части оси.

[25] Примечания: 25

Фок-мачта — передняя мачта судна.

последним свалился на палубу во время парусных учений! Или того, кто поутру последним поднялся с подвесной койки. До этого любой додумается, Но немногие сообразят, как Джо Флинт, заставить одну смену обедающих приготовить грог другой смене, а затем стоять рядом и глазеть, как те его лакают. Или обязать вахту левого борта загадить палубу правого борта — и наоборот — для последующего отскребания и оттирания.

Мистер Флинт — личность творческая. Уличив гордого владельца трехфутовой косы в таком, к примеру, преступлении, как не понравившееся господину старшему помощнику выражение лица, Флинт приговорил его к усекновению смоленой косы на… один дюйм. На следующий день, однако, он придрался к новому проступку владельца длинной косы… Наказание повторялось до тех пор, пока косу не отчекрыжили по самый затылок..

Заснувшего за вахте матроса Флинт заставил выкинуть за борт любимую обезьянку. У другого любителя тварей божьих он отобрал попугая, дабы птица не гадила на палубу. Хотя все знали, что попугай всегда отлетал от судна, чтобы справить нужду над морем. Но Флинт пожелал заиметь птицу — и все тут. И вот она уже воссе-

дала на его плече, привязанная за лапку.

Еще он придумал фокус для желающих избежать порки — заменить ее игрой во «флинтики».

— Мистер Мерри, — сурово обратился как-то Флинт к очередной жертве. — Я собственными глазами видел, как пы изволили сплюнуть табачную жвачку на спежеотдраенную палубу. Вам за это полагается две дюжины ударов плетки. Не так ли, мистер Бонс?

— Так точно, сэр! — поддакнул следовавший за Флинтом по пятам Билли Бонс. — Я распоряжусь, сэр. Пожалуйте к люку, мистер Мерри!

Джордж Мерри побледнел; остальные, кто оказался поблизости и не имел возможности удрать подальше, увлеченно занялись своими делами, избегая даже глядеть в опасную сторону и вообще стараясь стать как можно меньше и незаметнее.

— Пока не надо, — задумчиво протянул Флинт. — Может быть, мистер Мерри пожелает сэкономить кожу на спине. Ежели захочет, конечно. И если я не буду возражать.

Билли Бонс удивленно разинул пасть, а физиономия Джорджа Мерри засветилась надеждой.

— Сразимся во «флинты», мистер Мерри? Во «флинтики» сыграем? — спросил Флинт, запуская пальцы в зелень перьев попугая.

— Сыграем, сэр! — воодушевленно отозвался Мерри.

— Отлично. Прошу вас, обеспечьте бочоночек, мистер Бонс, да дрын какой-нибудь… вон, хоть тот клинышек.

Бочонок Флийт установил на попа, матроса усадил по-турецки по одну сторону, сам опустился по другую, напротив; положил увесистый дубовый шип на днище бочонка и засунул руки в карманы.

— Подходите, подходите, ребята, позабавимся, веселая игра намечается! — радушно пригласил Флинт жавшихся поодаль членов экипажа — Ну, Мерри, — улыбнулся он своему партнеру, — играем так: я держу руки в карманах, а вы, ваша милость, — на кромке бочонка.

В наступившей тишине Мерри послушно положил руки на край бочонка, согласно указанию.

— Теперь, Мерри, в любой выбранный вами момент попытайтесь схватить эту палочку. Схватите — ваша победа, и о порке забудем. Не поймаете — можем продолжать, пока вам не надоест, а ежели надоест, извольте получить обещанные две дюжины по своей уважаемой бизани.

Мерри задумался. Глянул на Флинта. Перевел

взгляд на шип, покоившийся в паре дюймов от его пальцев, на дне бочонка. От напряженного раздумья он даже язык высунул…

И рванулся к палке.

Хрясь! Неведомо как оказавшийся в руке Флинта шип расквасил ноготь Мерри. Реакция и скорость лейтенанта превзошли все ожидания. За взрывом хохота зрителей никто не услышал вырвавшегося изо рта Мерри крика боли. Попугай на плече Флинта, птица порядочная и благовоспитанная, человеческих безобразий не терпевшая, заскрежетал, захлопал крыльями и разразился потоком ругательств на разных языках мира. Чтобы придать вес своим словам, попугай клюнул Флинта в ухо.

Под еще один взрыв хохота лейтенант сам разразился руганью в адрес попугая, скинул с плеча поводок и отшвырнул забияку прочь. Тот взлетел повыше и уселся на рее, продолжая возмущенно бормотать.

Флинт овладел собой, улыбнулся, вернул деревяшку на днище бочонка, а руки засунул в карманы.

— Продолжим, Джордж Мерри! Или желаете подставить спину?

Мерри снова схватил… то есть попытался

схватить палку, но на этот раз кровь брызнула в стороны из его большого пальца. Он снова завопил, и опять за громовым хохотом команды никто его вопля не расслышал. Еще несколько тщетных попыток, и Мерри, поняв бесполезность своих потуг и плачевность их результата, предпочел альтернативное решение. На что лейтенант милостиво согласился.

Попугай же вернулся к Флинту, потому что никто из команды не отваживался его кормить, а капитану Спрингеру, трезвому или пьяному, все равно, плевать было на «всякие мелочи». Казалось, попугай даже извинялся за свою чрезмерную чувствительность. Он опустился на плечо хозяина, захватил мощным клювом прядь длинных черных волос лейтенанта и медленно протянул волосы сквозь клюв. Впоследствии он восседал на флинтовом плече без всякой привязи, улетая, лишь когда лейтенант учинял очередные безобразия. Постепенно попугай научился заблаговременно угадывать, когда лейтенанту захочется «позабавиться». Тогда он взлетал на мачту и отсиживался там, прежде чем Флинт успевал раскрыть рот. Команда странным образом люто возненавидела невинную птицу. Ее прозвали «Капитаном Флинтом». Когда попугай

покидал плечо хозяина, команда шепталась и ворчала:

— Гляди, ребята! Проклятая птица опять на рее...

Но худшего от Флинта они еще не изведали.

Наказать Джорджа Мерри следовало не как-нибудь, а в полном соответствии с уставами военного флота Его Величества, для чего полагалось получить приказ капитана. Эго всего лишь формальность, но на нее время требуется. В ожидании приказа Мерри заковали в кандалы. В утреннюю вахту на следующий после игры с Флинтом день, как водится, команду собрали, провинившегося привязали к поднятой решетке палубного люка и отполосовали на его спине положенные две дюжины ударов. Поскольку Мерри уже потерпел от Флинта во время самой игры, то и наказание перенес не стойко, как положено храбрецу, — зажав меж зубами кусок кожи, чтобы не издать ни звука, — но с воплями и стенаниями, чем еще более расстроил и без того нерадостную команду.

Мерри отвязали, унесли, палубу вымыли, и вот уже стукнуло восемь склянок. Пришло время полуденных замеров. Во время этой церемонии лейтенант Флинт требовал соблюдения полной

тишины. Затем команду отослали вниз, обедать. Лучшее время дня. На подвесных столах пушечной палубы расставлены полные миски свинины с горохом, пряностями и солениями, сухари да грог.

Шумное, веселое время. Но только не для Джорджа Мерри и его сотрапезников. Джордж сидел, как кол проглотил, неестественно выпрямившись. Он был обернут компрессной бумагой с уксусом — корабельный хирург считал это первым средством для заживления разлохмаченной спины. Пальцы Джорджа перебиты ловким лейтенантом Флинтом, поэтому еду и питье подносили к его рту товарищи.

— Эй, Джордж Мерри! — раздался голос от соседнего стола. — Тебе, должно быть, не сладко?

— Да уж, в пляс не тянет, мистер Ганн, — вежливо ответил Мерри Бену Ганну. Мистер Ганн сидел за столом квартирмейстеров, людей, способных и судном управлять. Это элита команды, и к ним все всегда обращаются, добавляя «мистер».

— Ну да, болит, конечно… — задумчиво протянул 1 | Ганн.

— Угу — промычал Мерри, закусив губу.

— И думается тебе, что не по заслугам тебя отделали.

— Думается…

— Тогда послушай… И вы все послушайте, — пригласил Бен Ганн соседей Мерри и своих собственных, Бен Ганн — человек серьезный и солидный, хотя и странноватый. Его уважают, но и несколько сторонятся. Как будто разум его следует каким-то иным курсом, нежели помыслы его товарищей по команде.

— Все вы, знамо дело, слыхали от Флинта о манильском галеоне. И как его обошли при дележе, потому как он оказался в пассажирах…

— Ну… Еще бы! — отозвались сразу несколько голосов. Не одна голова боязливо обернулась, опасаясь, не подкрался ли незамеченным ужасный Флинт.

— А вот не всю вы историю знаете, ребята.

— Да ну? — присутствующие затаили дыхание.

— Да, не всю. Флинт и половины не поведал. А мне вот довелось услыхать ее полностью — от одного горемыки, который на «Спайдере» с Флинтом служил — Слушатели замерли. От других столов стал подтягиваться народ, уловив настроение соседей. — Пассажиром-то Флинт был, знамо дело. Тут не соврал он. — Бен Ганн хлопнул для подтверждения сказанного ладонью по столу. — Но Энсон и пассажира бы не обидел. Он мужик

правильный, настоящий моряк и джентльмен. Если бы… Если бы не одна штука… — Слушатели сверлили его глазами, но Бен Ганн вдруг смолк, погрузившись в какие-то невидимые потоки своих мыслей.

— Что, что, мистер Ганн? Какая штука, — забеспокоились слушатели. Бен Ганн вздрогнул, очнулся.

— А, да… Да вот, что он на борту «Слайдера» выкинул… — И Бен Ганн снова замолчал.

— Что? — прошептал кто-то. — Что, мистер Ганн?

Бен Ганн вздохнул и тряхнул головой.

— Гадостная штука, жестокая. Счастье наше, что нас тогда на «Спайдере» не было, королями живем здесь, припеваючи, сами того не ценим… Но… Я знаю то, что знаю…

— Что же? Говори, говори! — > забеспокоились товарищи, заерзали, кто-то даже легонько подтолкнул Бена Ганна, чтобы Из того резвее сыпались слова..

Все видели, что Ганн борется с собой, выискивая верные слова. Не дело честного моряка поминать этакое. Ужасную задачу взвалил на свои плечи Бен Ганн, и все окррукающие молча ждали, когда он прервет молчание.

Глава 3

21 мая 1745 года. Индийский океан. Борт «Виктории»

Джон Сильвер и капитан Натан Ингленд прохаживались по квартердеку чуть ли не под ручку, никого не приглашая принять участие в их беседе. Погода стояла благоприятная, судно бежало резво, пушки принайтовлены,[26] матросы по большей части бездельничали.

— Артикулы, Джон. Наши пункты делают нас теми, кто мы есть.

— Пиратами, — уточнил Сильвер.

— Ничего подобного. Если я пират, то и Дрейк пират, и Хокинс, и Рейли, и все остальные. А они пришли к титулам и к легальному благосостоянию.

— Но закон — закон Британии — отправит нас на виселицу, ежели нас изловят.

— Не изловят.

— Но могли бы.

---

[26] Примечания: 26

Найтов — веревка, которой связывают канаты, а также другие предметы на судне.

— Прости, Господи, твою душу, Джон. Что ж, и королева Бесс повесила бы Дрейка, если бы он попался ей в неладное время. Повесила бы, чтобы угодить королю Испании. Она выполняла свою работу, я выполняю спою.

— Но…

— ДЖОН!!! — заорал Ингленд так, что аж паруса вздрогнули и все головы повернулись в его сторону. Физиономия капитана покраснела от гнева. — Чего уставились? Нечем заняться? Поищете — найдете. — Все тут же отвернулись и отправились искать какие-нибудь занятия.

— Во! Видал? Пираты это или свободно объединившиеся люди? — капитан махнул рукой в сторону команды. — Настоящая дисциплина — это самодисциплина, Джон. Дисциплина свободных людей. Наши Артикулы.

— Ну-ну, — поморщился Сильвер.

— Черт бы драл твою твердолобость, — горячился капитан, теряя терпение. — Вот что. — Он остановился, обдумывая пришедшую в голову мысль. — Идем-ка, я тебе кое-что покажу.

Ингленд решительно направился к корме, соскользнул вниз по трапу и ввел Джона в свой кормовой салон.

В отличие от некоторых других капитанов,

командир «Виктории» использовал свой салон для работы, устраивал в нем совещания офицеров, здесь же вырабатывались планы операций. Большой стол, стулья, шкафы, ящики, карты…

— Прикрой-ка люк, — указал он Сильверу на дверь. — Не скажу, что я команде не доверяю, но все же кое-что надо держать подальше от соблазна.

Он нашарил ключ, отпер один из шкафов и указал на лежащую на полке черную книгу.

— Вот они, Артикулы! — торжественно указал он на темный кожаный том. — Теперь и твое имя там, внутри. А вот флаг, под которым мы хороним погибших — Он возложил ладонь на черную ткань. — А вот, наконец… — Он вытащил из глубины шкафа табакерку. Ничего особенного в ней не было. Ни позолоты, на эмали, ни даже резьбы. Такие не носят на виду ради хвастовства. Большая, вместительная, прочная, но простая. Из черного африканского дерева. — Глянь-ка, сынок, и скажи, что это работа кровавых пиратов. — Он протянул табакерку Сильверу.

— И что? — спросил Сильвер, принимая табакерку.

— Что, что… Открой, дубина чертов!

Сильвер расстегнул застежку, откинул крышку,

заглянул внутрь. Ничего… лишь два круглых кусочка бумаги, с дюйм в поперечнике каждый, на каждом следы древесного угля или стершейся сажи.

— Пустяк, бумажонки? — спросил Ингленд и сам себе ответил: — А ведь каждая из этих бумажонок свергла капитана. Одной Летур сместил Дэвиса, другой я сам сместил Летура.

Сильвер подцепил пальцем один из кружков. Перевернул. ***НИЗЛОЖЕН***. Единственное слово на незапачканной стороне. То же и на второй бумажонке.

— И… Что это?

— Черная метка, сынок, черная метка. Средство, которое применяет команда, чтобы снять неугодного ей капитана.

Сильвер ухмыльнулся.

— Как будто детская игра.

— Только лучше в такой игре не участвовать. Капитан, получивший метку, предстает перед судом команды. И никто не смеет тронуть вручающего черную метку, не смеет помешать ему. Никто не имеет права тронуть и того, кто черную метку готовит. Л тот, кому ее вручают, подлежит суду… будь он хоть трижды капитан.

Ингленд завладел бумажками и предъявил их

Сильверу по очереди.

— Эту вручили капитану Дэнни Дэвису, жадному до добычи, до чужих доль. Его повесили на рее. А эта для капитана Френчи Летура. Он навлек на команду слишком много бед. Его мы отправили голышом к Ямайке, десять миль пешком по водице.

— И какой отсюда вывод?

— Вывод, сынок, такой: мы здесь, на борту этого судна, живем по закону. Так же точно, как на борту любого судна короля Георга Английского, короля Людовика Французского или короля Карлоса Испанского. Разные короли, разные законы. И у нас иной закон, но это закон. Наш устав, наши Артикулы. Следовательно, никакие мы не пираты.

Слова капитана звучали столь искренне, с такой убежденностью, что Сильвер кивнул, соглашаясь. Он столько раз уже слышал одни и те же доводы, что утратил способность их опровергать. Да и кому охота думать о себе плохо? Так даже здравомыслящий человек принимает слабо обоснованные гипотезы, если они способствуют его самоутверждению.

— Ну и ладно, хватит об этом, я тебя не для этого пыл пал. — Ингленд смерил Сильвера задум-

чивым взглядом. — Ты неплохой парень, Джон Сильвер, с командой поладил. Знаешь, как они тебя зовут?

Сильвер ухмыльнулся:

— Как не знать!

— Ну, скажи.

— Долговязый Джон.

— Точно. Долговязый Джон Сильвер. Ты и вправду самый у нас долговязый. И один из лучших, не захвалить бы. Прирожденный мореход и вояка бравый. Можешь вести за собой. Так вот, Долговязый Джон Сильвер, я задумал сделать тебя офицером. Мало того, что у тебя хватка подходящая, так ты еще читать-писать умеешь да и в арифметике силен. А это у моряков встречается не чаще, чем яйца у евнуха. Я сегодня же начну готовить тебя на третьего помощника. Что на это скажешь?

— Большое спасибо, капитан! — рука засиявшего от радости Сильвера взметнулась к шляпе в салюте.

— Ты, как я понимаю, и сейчас не лыком шит. Курс держать можешь?

— Смогу.

— Вот и покажи. Пошли к штурвалу.

Они направились на мостик. Обменялись

приветствиями с вахтой, с рулевым и первым помощником.

— Дай-ка мистеру Сильверу попробовать. Курс норд-норд-вест и по возможности ближе к ветру.

Рулевой убедился, что Сильвер перехватил штурвал за торчащие из него рукоятки, и отступил назад, предоставив управление судном стажеру. Ингленд и первый помощник стояли рядом, наблюдая за действиями испытуемого.

Удержать судно на курсе — задача не из сложных, тем более что Сильвер многократно занимался этим на других судах и набил руку, навострился следить за парусами и идти по заданному курсу, не насилуя штурвал, минимальными усилиями, Однако это задача и не из самых простых, поэтому действия Сильвера вызвали одобрительные улыбки капитана и первого помощника. Команда глядела на долговязую фигуру нового рулевого.

— По парусам будут предложения, мистер Сильвер? — спросил Ингленд, слеша толкнув в бок первого помощника.

— Я бы фок-топсель[27] выпустил, капитан, — не раздумывая, отозвался Сильвер. — Судно выдер-

---

[27] Примечания: 27

Фок-топсель — верхний косой парус на фок-мачте.

жит, а рулить легче будет.

Предложенное Сильвером выполнили, и «Виктория» действительно пошла легче, лучше слушаясь руля. Теперь уже и из команды раздались одобрительные возгласы.

— Неплохо, — сдержанно похвалил Ингленд, — Займемся теперь ходовой доской. Расскажи мне, что это за штука и с чем ее едят.

— Есть, капитан! — улыбнулся Сильвер, Так же обстоятельно, как принял, он вернул штурвал вахтенному рулевому и шагнул к колонке нактоуза,[28] в которой размещался компас. Здесь висела на крюке деревянная плакетка с рядами расходящихся от центра отверстий, повторяющих румбы картушки компаса. Из отверстий торчали колышки, прикрепленные к доске тонкими шнурками. — Каждую четверть часа по песочным часам с кормы опускают лаг,[29] определяют скорость судна.

— Хорошо, — кивнул Ингленд, — скажем, определили мы скорость, пять узлов. Что теперь?

---

[28] Примечания: 28

Нактоуз — деревянная, полая тумба, на верху которой устанавливается компас.

[29] Примечания: 29

Лаг — прибор для измерения скорости судна в виде деревянного треугольника на бечевке.

— Пять узлов, четверть часа, курс норд-норд-вест… — Сильвер воткнул очередной колышек в соответствующее отверстие и глянул на капитана. — Цель этого прибора — в течение всей вахты регистрировать курс и скорость судна.

— Верно. А в конце вахты?

— В конце вахты вахтенный офицер — Сильвер повернул голову в сторону первого помощника и отдал честь, — заносит данные о скорости и курсе в таблицу. — Тут Сильвер поджал губы. — А дальше я не силен, сэр.

— Ничего, научим, — успокоил Ингленд. — Но сначала полуденные склянки…

Рында, небольшой колокол, висящий в своем особом «храме» на полубаке,[30] издал четыре пары ударов, возвещая конец предполуденной вахты.

— Восемь склянок! Смена вахты! — заорал боцман. Застучали по палубе босые пятки, вахта правого борта сменила вахту левого, которой пришло время отдыхать. Таков порядок военного флота, и капитан Ингленд не желал иного. Тут же на мостике появился ординарец капитана с большим деревянным футляром треугольной

---

[30] Примечания: 30

Полубак — надстройка над верхней палубой, в носу судна.

формы. Он открыл коробку перед Инглендом.

— Сэр! — почтительно обратил на себя внимание ординарец, и Ингленд вынул из футляра сложный инструмент, конструкцию из эбенового дерева с латунными шкалами и сложной оптикой, снабженную даже крохотным телеекопчиком и всякими винтиками да барашками.

— Всем известно; Долговязый Джон, что эта штука называется квадрант, но далеко не все умеют им пользоваться. Сейчас мы с тобой начнем знакомство с этим в высшей степени полезным изобретением, а последующие уроки преподаст тебе второй помощник.

Ингленд кивнул второму помощнику, тоже державшему в руках квадрант. Вынул свой квадрант и первый помощник капитана.

— Полдень, — сказал Ингленд. — Начало судового дня, и мы сейчас… Что с тобой, парень?

Сильвер не отрывал взгляда от квадранта. И взгляд этот обеспокоил капитана. Предмет этот почему-то поверг Долговязого Джона в ужас. Видел он, разумеется, как судоводители пользуются таким инструментом, но самому прикасаться к этой походной обсерватории не приходилось. Сложность прибора буквально подавляла и вызывала панику. Есть люди, боящиеся высоты или

темноты. Некоторые безосновательно трусят при виде пауков или мышей. Иные не переносят замкнутого пространства или, напротив безграничного. Долговязый Джон увидел себя на краю бездны абстрактного знания, отличного от конкретики бытия, от того, что можно потрогать, погладить или взять в руку.

— Нет, сэр, ничего. Я внимательно смотрю и слушаю. — Трусом Долговязого Джона не назовешь ни в каком смысле. Он заставил себя взять квадрант в руки, вслушивался в пояснения, послушно заглядывал, куда положено, крутил, что велено, и даже задавал вопросы.

Но все потуги были напрасными. Он так и не смог подавить в себе беспокойство. И оно перерастало в страх — Долговязый Джон боялся выказать себя неспособными опозориться перед капитаном и командой.

Позже, в капитанской каюте, когда Ингленд принялся объяснять* ему, что такое широта и долгота, как судно находит путь под куполом небесным, смятение Сильвера лишь возросло. Он вовсю пытался собрать силы, вникнуть в эти пеленги, градусы, минуты, но — никак. Голова его пухла, перегревалась, горящий обруч сжимал лоб, виски, затылок, из глаз текли слезы. А когда

Ингленд, вооружившись элегантным латунным циркулем-делителем с воронеными стальными иголочками, начал объяснять счисление пути, «мертвое счисление», Долговязый Джон закачался и чуть было не рухнул замертво. Уронивший циркуль капитан едва успел подправить траекторию падения незадачливого ученика, ловко усадив его в кресло.

— Что ты, что ты, Джон? Малярия, дери ее нелегкая?

— Нет, сэр. Не могу. Не потяну я. Что угодно… За юлотом нырять… В атаку на абордаж… Что угодно…

— Погоди, погоди, не понимаю. — Капитан озадачился даже больше, чем сам осознавал. У него не было ни семьи, ни детей, а тянуло кому-то передать свой опыт, вырастить смену, что ли… Казалось, лучшего кандидата, чем этот Долговязый Джон, и не найти…

— Не могу, сэр. Ничего я в этих таблицах не понимаю.

У капитана отлегло от сердца.

— Ну, ерунда. Так каждый поначалу думает, не ты первый. Упорство и настойчивость, и все одолеешь.

И они продолжили занятия. Упорства им обоим

не занимать. Они бились не одну неделю, и иногда Джону даже казалось, что он вот-вот начнет усваивать… Но на деле его обучение походило на потуги бесталанного, лишенного слуха музыканта, который пытался воспроизвести всем известную мелодию и плюхал в уши слушателей ноту за нотой, видя на лицах окружающих плохо скрываемую досаду.

— Не понимаю! — поражался капитан. — Я своими глазами видел, как ты с точностью до пенни просчитал в уме стоимость груза. Ты можешь осилить абстрактные цифры. А эту штуковину из дерева и стекла — никак.

— Груз я вижу, могу потрогать. А это же… — Сильвер в отчаянии уставился на инструмент. — Это черная магия!

Ингленд вздохнул.

— Значит, никак?

— Никак. Лучше и не пытаться.

— Ладно, быть по сему. Офицера я из тебя все равно сделаю, шлюпочного, там… оружейного, дисциплинарного… Что-нибудь придумаю. Ты способен вести людей за собой, а это главное. Но людей вести — одно дело, а кораблем управлять — совсем другое. Джентльмен и навигатор… Да, боюсь, тебе этого не достичь.

Глава 4

4 января 1749 года. Карибика. Борт «Элизабет»

Флинта насторожила непривычная тишина, воцарившаяся на пушечной палубе. Да еще в обеденное время… Это молчание команды могло означать лишь злостное неповиновение, граничащее с бунтом. Флинт ощутил возбуждение охотника, подкрадывающегося к ничего не подозревающей добыче. Ему доставляло удовольствие эту добычу терзать. Он бесшумно спустился по трапу и увидел всех этих идиотов, глазеющих на Бена Ганна, Вот они, кретины, разинувшие слюнявые пасти, с которых капает грог…

Блаженное мгновение! Сейчас захлопнется капкан — одно лишь его словечко заставит этих тараканов выпрыгнуть из своих панцирей. Чтобы не испортить удовольствия, лейтенант зажал клюв попугая. Интересно, чем привлек их внимание этот недоносок Бен Ганн. Чуток терпения, и он узнает. Флинта мучило любопытство, ему страсть как хотелось выяснить, что же собирается сообщить этот идиот Бен Ганн… Но Флинта понесло, и он не смог сдержать своего началь-

ственного негодования.

— Эт-то что такое! — услышал он собственный свирепый рык. — Что затеяли? Что замышляете?

Браные мореходы ощутили себя беззащитными курицами перед клыкастой волчьей пастью. Демоны ада вонзили пылающие когти ужаса в матросские сердца. Флинт, сияющий и безукоризненный, гладкий и подтянутый, с попугаем на плече, стоял, грозно уперев руки в бока. Но от реакции моряков он пришел в такой восторг, что разразился гомерическим хохотом. Попугай заквохтал и захлопал крыльями, пытаясь удержаться на плече развеселившегося хозяина.

Флинт щелкал пальцами, притопывал ногой, не в силах успокоиться. Пошатываясь, он направился вдоль столов, рассматривая сквозь выступившие от смеха слезы глупые физиономии окаменевших олухов, дергал их за носы и ободряюще похлопывал по плечам. В этот момент самодовольство полностью овладело лейтенантом, и он уже не помышлял о дальнейших развлечениях.

Флинт казался в эти краткие минуты настолько неопасным, что некоторые особо смелые члены экипажа почувствовали, как страх ускользает из них:, испаряется, выветривается сквозь открытые

люки и пушечные порты. Они даже отважились выдавить из себя улыбку. Но Бена Ганна после этого ничто не могло подвигнуть на продолжение его жуткой истории, и эта недосказанность о грязной тайне в биографии Флинта заставляла людей вздрагивать при одном упоминании его имени и смиряться под игом его произвола.

Спрингер был, конечно, не слепой. Он за всем следил с пренебрежением и ненавистью. Спрингеру стукнуло шестьдесят два. Из них полсотни лет он провел в море — со времен короля Билли, когда Господа офицеры презирали команду. Так его учили, таким он и остался. Драл матросов как Сидоровых коз, не представляя, чем еще можно заставить этих ленивых скотов шевелиться. «Элизабет», зажатая в кулаке лейтенанта Флинта, была, пожалуй, наиболее ухоженным судном из всех, которыми Спрингеру когда-либо доводилось командовать или на которых приходилось служить. Но было в облике и в повадках лейтенанта что-то, беспокоившее капитана Спрингера. Он пытался сообразить, что именно, но так: и не понял.

К сожалению, капитан оказался не в состоянии отличить извращенный садизм лейтенанта от своих жестоких, но принимаемых всеми как

должное методов поддержания дисциплины. Инстинктивно он, однако, сторонился Флинта, высиживая долгие часы в своей каюге, перечитывая приказы коммодора Филипса и изучая весьма приблизительную карту, полученную Филипсом от умирающего португальца. Глаза Филипса сверкали, когда он расписывал блестящее будущее этого острова. Вторая Ямайка! Сахар и деньги, деньги, деньги… Спрингеру хотелось верить, что Филипс не ошибся. От могучего денежного водопада всегда отлетают мелкие брызги…

Помечтав, капитан заорал, потребовав бутылку, и вдруг заворчал, проклиная Флинта с его сладкими речами. Конечно, затея лейтенанта могла принести мгновенный барыш, в отличие от миражей далекого острова, которые к тому же казались особенно бесплотными, если вспомнить патологическую скупость коммодора.

Однако не ведал Спрингер, что коммодору более уже не представится случая проявить свою легендарную экономность. Жизнь Филипса оборвалась во время страшного шторма 13 февраля 1749 года, швырнувшего его эскадру на рифы напротив мыса Моран у Ямайки. Более тысячи душ прибрал Господь в ту страшную ночь. После катастрофы судьба земли Сан-Бартоломео оказа-

лась в руках капитана Спрингера, что привело к полному забвению даже названия этого острова.

Конечно, следовало бы Спрингеру озаботиться настроением команды, дрожавшей под сапогом Флинта. Но как не увидеть множества блестящих качеств лейтенанта! Он знал каждого на борту по имени, знал характеры людей, их странности, особенности. Он отличный навигатор, к тому же аккуратен до чрезмерности: медяшки ярче солнца сияют, палубу можно языком лизать, ни пылинки, ни щербинки. А уж как люди бросаются исполнять отданные им команды — быстрее молнии!

Иные члены экипажа во главе с Билли Бонсом готовы следовать за лейтенантом Флинтом к черту на рога. Бонс — натура без особых сложностей, здоровенный бугай с собачьей потребностью в сапоге, к которому можно льнуть. Он достаточно натаскан, чтобы проложить курс и определиться с широтой. В мышцах у него недостатка не ощущалось, несогласных всегда мог убедить одним ударом кулака. Ума их катало ровно настолько, чтобы распознать таланты Флинта и им поклоняться. Неуклюжему верзиле с плоской грубой физиономией и куцей просмоленной косицей импонировал элегантный хлыщ со скользящей

походочкой и волнистыми кудрями.

Недостатков же во Флинте, с точки зрения Билли Бонса, просто и существовать не могло. Откуда недостатки у кумира? К тому же и общий страх перед Флинтом Бонсу был не чужд. И он лишь добавлял сияния образу кумира.

С Флинтом все упиралось в страх. Природа распорядилась так, что при первой встрече самцы — и люди здесь не составляют исключения — мердт один другого взглядами: могу я с ним сразиться и победить? Никто не мог выдержать взгляда лейтенанта. Чем-то безумным, нездоровым, связанным с потусторонними ужасами, зияли его глаза. Этот ужас сковал и язык Бена Ганна.

У другого офицера такая особенность оказалась бы желанным средством поддержания дисциплины. Но присутствие Флинта служило тяжелой железной крышкой, наглухо привинченной к кипящему котлу. Тем более что жестокость его становилась все изощреннее и обиды жгли души оскорбленных. А капитан Спрингер, одно присутствие которого умеряло бы палаческие инстинкты Флинта, торчал в своей каюте лишь потому, что лейтенант ему, видишь ли, неприятен. Такое развитие событгай неизбежно должно

было привести к взрыву.

Но таинственный остров Филипса упредил грядущий взрыв. Пройдя по накатанным торговым путям к северу, чтобы поймать благоприятный ветер, «Элизабет» свернула на юго-запад и вышла к желанной земле. Спрингер, Флинт и даже высунувший от усердия язык и взмокший от напряжения Билли Бонс подтвердили свою славу искусных навигаторов.

— Земля! — завопил впередсмотрящий с верхушки мачты, вызвав всеобщее возбуждение.

Матросы помчались на бак,[31] полезли по вантам фок-мачты. Спрингер вынес на палубу свою драгоценную карту. Улыбающийся Флинт приподнял над головой шляпу. Все вопили от восторга — редкое мгновение поголовного согласия и счастья.

— Якорь бросить на северо-востоке, мистер Флинт, — приказал капитан, впервые дозволяя лейтенанту заглянуть в карту португальца.

Флинт скосил глаз в грубый эскиз и оскалил зубы в ухмылке, щекоча затылок попугая, как обычно восседающего на его плече.

— Проку-то от этой карты, сэр… Ни глубин, ни

---

[31] Примечания: 31

Бак — носовая часть верхней палубы, идущая от форштевня до фок-мачты или носовой надстройки.

пеленгов. Придется красться на ощупь.

— Ничего подобного, мистер Флинт, — оскорбился Спрингер. Он уже как-то сроднился с картой, да и Флинта терпеть не мог. — Добрая якорная стоянка, нет оснований для беспокойства.

— Гм… — Флинт покосился на физиономию Спрингера, гадая, сколько он уже успел глотнуть рому. — Но ялик с лотом вперед пустим, так ведь, сэр?

— Есть ялик! — отозвался Билли Бонс, маячивший тут же, за Флинтом, «при сапоге», и повернулся к экипажу, чтобы проорать соответствующие указания. Физиономия Спрингера побагровела.

— Отставить! — рявкнул он. — Заткните свою поганую пасть, мистер Бонс, наглая тварь. Я здесь хозяин — и сам поставлю корабль на якорь.

Флинт криво усмехнулся, а у Билли Бонса отвисла челюсть.

— Н-но… — заикнулся Бонс.

— Молчать! Или это бунт? Пушками займитесь! — И Спрингер повернулся к своему бульдогу. — Сержант Доусон, выводите людей. Вооруженная высадка, на всякий случай. — Он повернулся к Флинту и Бонсу. — На всякий слу-

чай.

Прошел час, другой, третий… Судно обогнуло северную оконечность острова, держась на внушительном удалении ог береговых скал, о которые грохотали солидные валы, взбивая фонтаны брызг и обильную пену. По берегам грелись на солнцепеке сотни черных зверей немалого размера, блестящих, как слизни. Те, кто видел таких раньше, называли их морскими львами. Вдоль берега непрерывной чередой тянулись холмы, один из них, подальше, вырос даже в небольшую гору. Деревья покрывали остров Сплошным густым лесом разных пород. Над общей лесной массой возвышались громадные сосны. Кое-кто негромко поделился с соседями соображениями, что островок маловат, чтобы стать второй Ямайкой, но в общем Настрой команды не оставлял желать ничего лучшего. Остров на глазах вырастал, раскрывая свои секреты.

— Вон там! — махнул рукою капитан Спрингер. — Видите? Бухта. Отличная якорная стоянка, сказал бы я.

Флинт направил туда подзорную трубу, вгляделся и кивнул.

— Да, место отличное. Только все же хотелось бы знать, сколько у меня под килем остается, на

всякий случай…

— Чуть! — буркнул Спрингер, настолько распаленный ненавистью к Флинту, что предпочел забыть свой полувековой мореходный опыт, лишь бы только не согласиться с лейтенантом. Мало ли что этот Флинт там бормочет, пошел он куда подальше. Пусть хоть на колени падает, скотина. — Курсовые убрать, топсели на рифы! — гаркнул Спрингер команду и проворчал под нос: — Войдем как по маслу. — Он вызывающе огляделся, но возражений ни от кого не дождался. Народ отводил глаза и расходился по местам, фыркая и что-то бормоча.

На восточном побережье острова установилось относительное затишье. Бухта между низкими покатыми утесами раскрывалась где-то на Три кабельтовых.[32] Залив представлял собой что-то вроде мятой южной вариации на тему норвежских фьордов. Вглубь он тянулся на несколько миль, окаймленный белыми и желтыми песчаными пляжами, за которыми начинались густые кустарниковые и лесные заросли. Далее от берегов рельеф приобретал холмисто-гористый характер. Здесь запросто разместилась бы и ли-

---

[32] Примечания: 32

Кабельтов — единица длины, равная 0.1 морской мили или 185,2 м.

нейная эскадра.

На судне с румпельным управлением рулевой — в данном случае Бен Ганн — манипулирует массивным вертикальным рычагом, находясь под палубой на квартердеке и видя сквозь люк лишь паруса и небо. У него перед носом компас для удержания судна на курсе, но более ничего. При заходе на якорную стоянку он полагается исключительно на команды офицеров. Спрингер стоял у люка, и Бен Ганн, естественно, ожидал команд именно от него. Морская пехота тем временем выстроилась на палубе, готовая отразить нападение неведомого противника, пушкари со своими расчетами заняли места у пушек. На палубе растянули якорный канат, боцманская команда подтянулась к кат-балке,[33] готовая снять стопоры и отдать якорь, а немногие свободные от вахты и иных дел заняли места, откуда открывались наиболее захватывающие виды на остров. Новая, неведомая земля. Может, там золото, серебро… тигры, единороги, дикари… или дикарки!!!

Земля манила, раскрывала объятия, таинственная, неизведанная. Вода была спокойной, ветер

---

[33] Примечания: 33
Кат-балка — кран для подъема и спуска якоря.

— ласковым; судно мягко скользило вперед, уверенно и достаточно быстро. Капитан Спрингер утер нос этому сосунку, показал, как ставит судно на якорь бывалый мореход… Вот капитан набрал в грудь воздуху, чтобы гаркнуть команду «Отдать якорь!»… Но в этот самый момент вся восьмисоттонная громадина из дерева, железа, брезента и парусины, меди и ее всевозможных сплавов, из пороха в бочках, сухарей, свиной и овощной солонины в бочках, ящиках, желудках… — вся эта махина внезапно и жутко замерла. Двое матросов плюхнулись за борт — ноги уперлись в дно. Хрустнула и рухнула вниз верхняя секция фок-мачты. Боцман крыл всех многопалубным матом, Флинт ехидно щерился, команда хваталась кто за что и тоже потихоньку скалила зубы, а капитан Дэниел Спрингер понял, что показал себя полным и окончательным идиотом.

Глава 5

1 июня 1752 года. Саванна, Джорджия

Новость о приближении Флинта облетела Саванну в считанные минуты. Каждая живая душа, если ее только не удерживали цепи, понеслась на берег, чтобы увидеть собственными глазами флот Флинта; взбирающийся против течения мутных вод реки в сорока футах под высоким берегом. Подавляющая часть тысячного населения собралась в орущую, жестикулирующую, возбужденную толпу. Солдаты-«красномундирники», черные рабы, разноцветные детишки, белые купцы, пестрые собаки, разряженные шлюхи, пьяные моряки и даже молчаливые индейцы, последние — в явном меньшинстве. Люди Флинта славились расточительством, и их пребывание в городишке всем шло на пользу.

Капитан Флинт в новом шикарном наряде вышагивал по квартердеку своего судна, его первый помощник Билли Бонс орал, рычал и ругался, подгоняя команду. Три судна бросили якоря, подняв британские флаги из уважения к Его Величеству королю Георгу Второму. Самый крупный из трех

— «Морж» под командованием Флинта. За ним стояли бригантина «Шапель Ивонн» из Гавра и шнява «Эрна Ван Рейп» из Амстердама, две последние с сильно поврежденными и на скорую руку приведенными в порядок рйигоутом и такелажем.

На берегу маялся и потел в респектабельном костюме мистер Чарльз Нил, мужчина плотный, даже жирный. Разумно не приближаясь к обрыву, мистер Нил умудрился, тем не менее, встретиться взглядом с Флинтом. Последний тут же смахнул с головы шляпу и низко поклонился.

Мистер Нил выдавил из себя что-то вроде «э-э» и поднял шляпу над головой. Пыхтя и раздраженно причмокивая, он разглядывал грот-мачту бригантины. «Ясное дело, придется менять эту штуковину, иначе далеко на этой хреновине не уедешь», — качал головой мистер Нил, размышляя, во что обойдется ремонт. Почему бы этим флинтам не подумать о последствиях (под «последствиями» мистер Нил подразумевал издержки), прежде чем ломать дорогостоящее оборудование? Думают ли эти флинты вообще, что во что обходится? Пожалуй, нет, — пришел к горестному выводу мистер Нил.

— Ну-ка, парень, — обратился Чарльз Нил к ра-

бу, затенявшему его Милость солидного размера зонтом. — Дуй поскорее назад, в винную лавку. Скажи Селене, пусть выставляет все лучшее, все столы и стулья в доме, и девиц пусть всех перемоет. А я буду, скажи ей, позже, с капитаном Флинтом.

Нил подумал о Селене. Она не подкачает. Лучшая его девица. Нил усмехнулся. Ей, пожалуй, одной и можно доверять. Всего тринадцать месяцев эта девица здесь, а он на нее целиком полагается. Хотя Селена об этом толком и не знает. И Нил подумал о Саванне, о городе… если эту дыру можно назвать городом… О единственном месте для Селены, где она могла скрыться.

Для такого человека как Чарли Нил Саванна, конечно, мерзкая клоака. Ведь он воспитан и образован, мог бы практиковать барристером в Лондоне… Ну, по крайней мере, в Дублине… Если бы не слишком горячий темперамент и не слишком скорый кулак. И тяжелый к тому же… Мистер Нил вздохнул. Надо же, Саванна и Селена — ровесники. Им по семнадцать лет. Свежекрашеный городишко на берегу реки, отделяющей Джорджию от Южной Каролины, скучный прямоугольник восемь сотен ярдов на шесть сотен, спланирован по римскому типу, квадратики-

линеечки… Хижины из прибрежных сосен и крутая лестница к реке, по которой поднимаются мореходные посудины из Атлантики. Жуткая забытая Богом колониальная дыра на краю света. Затхлая и вонючая. Рассадник болезней. В срубах из необработанных бревен толкутся вперемешку люди, свиньи, лошади, куры, рабы… И все живут в постоянной опасности набегов краснокожих. Возникнут из леса, глазом моргнуть не успеешь…

«Матерь Божья! — поморщился Нил. — Это выгребная яма какая-то!»

Он пожал плечами и тут же вспомнил о плюсах. Здесь не надо постоянно оглядываться, как дома, в Ирландии. Колония короля Георга управлялась советом доверенных, и почти каждого принимали с распростертыми объятиями. Англичане, ирландцы, шотландцы, швейцарцы, немцы; даже отколовшиеся еретики и иудеи — всем дорога сюда открыта, и никто не интересуется их прошлыми грешками там, на старой родине. К примеру, не размазал ли ты по стенке святого отца-иезуита за повышенный интерес к какому-либо третьему лицу…

Лишь испанцев здесь ни под каким видом не принимали, ибо король Георг придерживался твердых воззрений насчет того, кому принад-

лежит Джорджия и кому она никоим образом не принадлежит. Ну, и вообще католиков не жаловали. Поэтому Кормак О'Нил несколько подкорректировал, свое имя и подверг риску бессмертную душу, раскланявшись с нечестивым протестантизмом. Теперь Нил втихомолку утешался тем, что Чарльз не самое протестантское из английских королевских имен, и надеялся, что Господь в конце концов простит его грешную душу.

Наконец, Саванна жила, кипела, росла и ширилась. Близость карибских сахарных островов способствовала торговле. К тому же открывались и многие иные возможности. Законы короля Георга просыпались в Саванне лишь по воскресеньям. А в остальные дни дела вершились на основе взаимного доверия, более благоприятного для экономики, чем любые законы. Вот и в делах со всякими флинтами Нил полагался только на взаимное доверие. Флинт доверял Нилу превратить доставляемые им суда и товары в наличность, а Нил доверял Флинту перерезать себе глотку в случае попытки обмана.

Через полчаса шумная толпа прибыла к. Ниловой винной лавке, почтительно следуя за ведущей шествие парой: Флинт под ручку с Чар-

ли Нилом. Винная лавка представляла собой вытянутый сарай с сотней посадочных мест: длинные столы с прочными скамьями и табуретками. Земляной пол усыпан свежим песком и опилками. При сарае построены прочные флигели для хранения напитков и под кухню. В торце сарая стояли наготове, емкости с пойлом, перед ними — тоже наготове, как, пушкари перед боем, — выстроились девицы, по большей части чернокожие. Войдя в питейный сарай, Нил одобрительно кивнул Селене.

Она кивнула в ответ с достоинством, торжественно и нейтрально, как соседу мало что о ней знающему.

На самом же деле Нил мало что о ней не знал. Главное ему было известно, во всяком случае. Селена была беглой. Того пуще — убийцей. На пороге Нила она возникла с перекинутым через плечо мешком, сварганенным из простыни. Мешок лопался от тяжести золотых и серебряных изделий, похищенных из дома ее бывшего хозяина. И деньги, при ней, вне сомнения, были взяты у неостывшего трупа, сразу же после того, как она прекратила беспорядочно тыкать в него кинжалом… или пристрелила… Или, благослови, Господь, его душу, каким другим манером

проводила в мир иной. Слабое юное создание, хрупкий ангел, ухлопавший мужика весом в 14 стонов.[34] Нил не знал только, Каким способом она это совершила и как добралась до Саванны.

Иной раз Нил дивился этому обстоятельству. Как мелкая шестнадцатилетняя дрянь умудрилась провернуть дельце, которое по силам разве что прожженному рецидивисту? Сбежала без плана действий во тьму ночную, в дикую местность, по которой рыщут кровожадные краснокожие каннибалы, имеющие особую склонность к длинноволосым женским скальпам. Да и белокожие здесь не лучше. Как и везде, впрочем. Каким-то образом Селена оплатила путь, если не деньгами, то иной валютой, которой Господь снабдил «слабый» пол, дабы вводить во искушение пол «сильный». А у нее этой валюты навалом. Просто куколка, и мордашкой взяла, и всем остальным… У любого слюни потекут.

— Ладно, ладно… — одернул он себя. Нилу уже за шестьдесят, так что женские прелести стали ему не по зубам. Его нежные мысли и заботы посвящены исключительно угловатому денежному ящику. Короче, он принял Селену…

---

[34] Примечания: 34

Стон — единица веса в Британии, равная примерно 6,35 кг.

вместе с ее деньгами, сделал своей законной собственностью, обезопасил всеми необходимыми официальными бумагами, перекрасил волка под невинную овечку.

И вот она ведет его в винный сарай и отдает уже честно заработанные деньги. И все в его заведении, как Чарли Нил и ожидал, готово к приему гостей. Есть и что выпить, и чем закусить. Откупорены бутыли, вскрыты бочки. Дым валит из очага, повара кромсают свинину, потрошат рыбу. Оконные ставни распахнуты, пропускают свежий воздух, за окнами болтается парусина, отражая атаку жаркого солнца. В углу уже наяривает домашний оркестр: две скрипки, три дуделки, блестящая труба и мулат-барабанщик.

Королями вплыли в сарай Флинт и Нил, сопровождаемые Билли Бонсом и обладательницей самого пышного бюста во всей Саванне, никогда ни с кем не делившей ложе, ну разве что с настоящим джентльменом, посулившим щедрое вознаграждение. Далее следовали господа судовые офицеры, команда — вот уже и сесть некуда.

И сразу начался бедлам. Селена и ее девицы носились что твои белки, выполняя все законные желания посетителей и едва успевая отбиваться от незаконных, увертываясь от похотливых лап

и шлепая по ним на бегу. Вино и жратва в глотки, деньги в кассу — сплошная идиллия. Гости заказывали музыкантам песни и с энтузиазмом подпевали так, что аж стены дрожали. Кому была охота, могли и сплясать меж столами. Переполненные мочевые пузыри опорожнялись в углах, вспыхивали ссоры и драки, свиньи подбирали объедки. А кое-где, спрятавшись под столами, уже совокуплялись лихие мореходы и местные девы радости — аж посуда над ними, на столешницах, тряслась и звенела. Зрители, сунув головы под столы и выпятив зады наружу, зычно подбадривали актеров.

Нила и Флинта обслуживала сама Селена.

— О, Селена! — Нил принял от нее ромовый пунш.

— Мистер Нил! — поклонилась она хозяину. — Сэр! — Такой же поклон Селена адресовала Флинту, шикарному разряженному кавалеру, каких она еще и не видывала.

— Дорогая! — засиял улыбкой Флинт.

Нил же все примечал, взвешивал и раздумывал.

— Поласковей, поласковей с капитаном, — поучал он Селену, но у нее работы было выше головы, тут уж не до ласк, улыбнуться толком и

то некогда.

Оглядеть капитана и его команду Селена, впрочем, успела. И увиденное ей понравилось. Они на удивление были молоды. Если не считать офицеров, всем едва за двадцать. Загорелые, задубелые, разодетые для отдыха на берегу: белые штаны, башмаки с пряжками, яркие рубахи и чулки, головы обвязаны шелковыми платками. У всех татуировки, в ушах золотые серьги, и на каждом — целый арсенал оружия.

Но главное, что отличало их от обычных торговых моряков, — даже не пистолеты и клинки, а создаваемая ими особая неспокойная атмосфера. Саванна в пятидесятые годы XVIII столетия место не для слабаков, но и по местным стандартам «цыплятки» Флинта казались «коршунами». Однако нынче все они пребывали в добром настроении и за пару часов надрались до бессознательного состояния. Веселье затихло, Флинт и Нил удалились обсуждать дела, Селена и ее команда принялись разгребать свинарник, в который превратился питейный сарай. Селена заскочила в кладовую, чтобы пересчитать бутылки, и услышала сзади звук шагов. Обернувшись, девица едва не подпрыгнула, увидев перед собой совершенно трезвого мужчину в чистой,

незагаженной одежде. Прежде она его не видала. Это явно не одна из тех пьяных свиней, которые очнулись и поднялись на задние копыта, чтобы поискать еще пойла.

Она оглядела незнакомца и нахмурилась. Селена узнала его. Уж о ком, о ком, а о нем она наслышана.

Селена и флинтовых головорезов увидела сегодня впервые, однако в Саванне о них частенько поговаривали, так что поневоле узнаешь — да и Чарли Нил, тесно связанный со своей опасной клиентурой, просвещал девушку. У этой публики сегодня один главарь, завтра другой. Поэтому Нил старался держаться в курсе событий, вникать в дрязги, свары и заговоры внутри этого сообщества.

Потому-то Селена и поняла, кто перед нею. Длинный, светловолосый, широколицый; глаза большие, умные. Очень аккуратный. В общем, такого ни с кем не спутаешь.

Вошедший отвесил Селене придворный поклон, расписавшись в воздухе шляпой.

— Джон Сильвер к вашим услугам, мэм.

— Долговязый Джон! — вырвалось у нее. — Вас называют Долговязым Джоном, так?

— Совершенно верно, мэм, он самый. Ловко

вы меня вычислили. — Он не переставал улыбаться. — Ладное вы создание, сударыня, ловко скроенное. А по речи судя, так самая настоящая леди. Дивлюсь я, как такое могло случиться?

Селена на этот чреватый неприятностями вопрос ответила своим вопросом.

— Долговязый Джон Сильвер. Вы тот самый, которого боится капитан Флинт?

— Да благословит Господь вашу невинность, — в ужасе воздел руки Сильвер. — Откуда столь прелестное существо почерпнуло эти клеветнические измышления?

— Вся эта шушера так болтает, — кивнула Селена в сторону питейного зала.

— Ай-яй-яй — как-то обреченно покачал головой Долговязый Джон, как бы получив удовлетворительное, но не радующее его объяснение прискорбного факта. — Конечно же, бедные ребята… — И он принялся загибать пальцы, называя имена «бедных ребят»: — Джордж Мерри, Бешеный Пью, Черный Пес… — Он нахмурился, как пастор, незадачливые ученики которого никак не могут освоить катехизис. — Даже высокочтимый мистер Билли Бонс… Многие из моих добрых друзей не умеют держать язык за зубами, опрокинув в себя бутылку-другую.

Улыбка доброго дядюшки вернулась на его физиономию, он опустил руку на обнаженное в соответствии с модой плечо Селены и нежно его погладил.

— Не верьте, не верьте этим клеветникам, дорогуша.

Селена, не разделяя его благодушия, стряхнула с плеча крепкую мужскую руку. Она силилась понять, чего этому типу надо от нее.

Долговязый Джон прищурился и слегка склонил голову к плечу.

— Кстати, раз уж мы об этом случайно разболтались… О чем эти пустобрехи там трепали? И почему славный капитан Флинт, храни его Всевышний, должен меня бояться?

— Потому что вы хотите отнять у него корабль, — сообщила она то, что сама лишь недавно услышала из многих нетрезвых уст.

— Чтоб меня черти на куски разодрали! — в ужасе закатил глаза Долговязый Джон — Сердце кровью обливается! Слышать такую клевету из милых уст невинного дитяти! Я-то, бедный, сил не жалеючи, тружусь, стараюсь, чтоб только капитану угодить…

Селену зачаровала игра мимики и жестов собеседника. Она чуть было не поверила, что он

сокрушается совершенно искренне, но Сильвер вдруг шагнул, оказался к ней вплотную и провел рукой по ее щеке. Она попыталась выскользнуть, вдруг поняв, чего он от нее хочет, однако путь к бегству оказался отрезанным. Долговязый Джон зажал «невинное дитя» в угол.

— В любой момент я могу доказать преданность моему дорогому капитану, — продолжал он болтать, уже прижав Селену к себе. — Ибо ежели я чего пожелаю, то и беру, дорогуша.

— Кишка тонка! — снова повторила она то, что слышала у столов. — Потому что вы не умеете ни курса проложить, ни с циркулем обращаться, ни с квардадром… или как его там…

Физиономия Сильвера исказилась, как будто Селена сунула ему раскаленную докрасна кочергу в причинное место.

— Да брось ты! — выдохнул он.

— Да! Слабо тебе! Это работа для джентльмена. Вот капитан Флинт джентльмен, а ты нет. Так-то!

— Флинт? — взвизгнул обиженный Сильвер. — Флинт дже… Ай! Ой, не могу, держите меня!

— Да, — булькнула Селена, но голоса своего не услыхала. Сильвер оглушительно хохотал, держась за нее, чтобы не свалиться от такой сног-

сшибательной новости.

Глава 6

30 января 1749 года. Остров

Матросы жгли капитана взглядами. Судно прочно увязло в песке. Капитан Спрингер побагровел, надулся, задохнулся. Не обладал он ни умом, никаким-либо дарованием, ни даже склонностью к своей профессии. На палубе оказался по воле отца-моряка, а всему, что умел, научился по принуждению, из-под палки, тяжким трудом.

Благодаря ожесточенной храбрости в бою и удаче в мирное время он продвинулся по службе намного дальше, чем сам ожидал, но насчет своих способностей не заблуждался. Не дрогнуть под огнем противника да удерживать в повиновении подпалубную публику, с грехом пополам курс проложить к месту назначения… — вот и все, пожалуй. Куда ему до изощренного навигационного таланта Флинта! Да-да, это все Флинт! Капитан вдруг ощутил себя жертвой заговора этого хлыща. Что ж, если Спрингер напортачил, пусть отвечают другие.

— Суки драные! Недоумки палубные! — заорал он, никого особо не выделяя. — Крысы

сухопытные, черви гальюнные! — И так далее, не обращая никакого внимания на отчаянные вопли матросов, выкинутых могучим толчком за борт и барахтающихся на мелководье. Утонуть они здесь не могли, но перепугались изрядно. Спрингер поливал грязью команду и всех святых, переваливал ответственность, лишь углубляя презрение и ненависть команды к собственной персоне.

— Сержант Доусон! — завопил он, ибо закономерно напрашивался переход от слов к действиям. — Извлеките этого иридурка-рулевого, и я поджарю его на решетке люка в течение пяти минут. И этих придурков впередсмотрящих… И этих придурков, которые за бортом вопят… И!. И…

Он огляделся в праведном гневе, и каждый мудро <>пустил глаза пред пылающим взором залитых ромом глаз старого пьянчуги. Один, однако, замешкался.

— И этого ублюдка! Наглая скотина! Выпялился на капитана!

Ох, на опасную тропу ступил капитан Спрингер.

Прежде всего, исполнение всяческих дисциплинарных воздействий на судне возлагается на боцмана и его команду. Привлечение морской

пехоты — прямое личное оскорбление каждого моряка, равно как и правление штыком и мушкетом. Хуже того, Спрингер решил отхлестать Бена Ганна, рулевого, человека, всею командой уважаемого, — к тому же не за тяжкий проступок, а без всяких оснований, без всякой с его стороны вины. Бен Ганн физически был не в состоянии увидеть опасность, угрожающую судну.

Спрингер громоздил глупость на глупость, прискорбную нелепость на полный идиотизм. Согласно приказу капитана пятерых его подчиненных, одного за другим, обнажив до пояса, привязали к решетке распахнутого люка и отхлестали на глазах у возмущенной команды, искоса посматривающей на Спрингера и на мушкеты морских пехотинцев. Последние, кстати, тоже вовсе не радовались идиотским выходкам старою придурка. Ошкуренного Бена Ганна сняли с решетки в полубезумном состоянии. Разум его пострадал от нелепости происходящего больше, чем тело от физических мук.

Не преувеличивая, можно сказать, что «Элизабет» стала средоточием бед. Настроение упало еще сильнее, чем во время буйства лейтенанта Флинта. Тогда на судне хоть изредка слышался смех; иной раз, правда, истерический. Таким

образом, причиной всему, что впоследствии приключилось на этом острове, стал исключительно капитан Спрингер. Взрыв назревал, но до поры признаки его приближения в явном виде не проявлялись. Более злободневной оказалась потребность вернуть судну плавучесть.

Первым делом Спрингер попытался стащить его с отмели. Теоретически тут не было ничего сложного. Завести перлинь[35] за ствол какого-нибудь многовекового великана на берегу и согнать команду к кабестану[36] — вот и вся недолга. Боцман орет, команда гнет спины, и судно дюйм за дюймом сползает с песчаной банки.

Но злая звезда «Элизабет» вмешалась и в эту отлаженную работу. И дерево нашли на берегу подходящее, но проклятая посудина не двинулась с места, как ми усердствовали матросы. В немалой степени благодарить за это стоит Спрингера, совершившего свой «подвиг» на высшей точке прилива, так что ни дюйма уровня воды выгадать не удалось. С каждым отливом «Элизабет» увязала в песке все глубже. И с каждым прили-

---

[35] Примечания: 35

Перлинь — корабельный пеньковый трос толщиной в 10–15 см.

[36] Примечания: 36

Кабестан — шпиль, лебедка с барабаном, насаженным на вертикальный вал.

вом Спрингер выдумывал новый фокус, столь же бесполезный, сколь и предыдущие.

— Бортовой залп двойным зарядом, растрясем эту старую стерву! — орал Спрингер. Остров подпрыгнул от грохота пушек. Все на острове, казалось, сместилось, покосилось — кроме «Элизабет». Она осела егце глубже.

— Стеньги[37] долой! Шлюпки спустить! Пушки на берег!

Но и попытки облегчить судно не принесли результатов. На берег свезли весь резерв леса, запасной рангоут, продовольствие. Принялись разбирать штатный рангоут и снимать паруса. От судна остался лишь оголенный корпус, но и его пустую скорлупу не смогли сдвинуть с места усилиями команды. Все основательнее засасывал опустевшую посудину донный песок. Спрингер в отчаянии грыз ногти и суставы пальцев. Офицеры глядели на него с нескрываемым презрением, взгляды команды были исполнены пламенной ненависти и страха, вызванного перспективой остаться на этом проклятом острове до конца дней, своих. На берегу, повыше линии прилива, уже раскинулся и пустил корни импровизиро-

[37] Примечания: 37

Стеньга — вертикальный брус, служащий продолжением мачты и предназначенный для крепления парусов.

ванный палаточный городок-склад, Спрингер, разумеется, переживал, в глубине души сознавал свою вину и злился, но впервые за всю свою долгую и непростую карьеру не знал, как поступить.

Лейтенант Флинт, развлекавшийся в последние дни главным образом наблюдением за муками своего шефа, почуял приближение нужного момента. Улыбаясь, он шептался с попугаем, одобрительно вертевшим головой и чистившим перышки.

— Позвольте, сэр? — с робким и почтительным видом обратился Флинт к капитану.

— Мачту тебе в зад, — проворчал Спрингер, даже не оборачиваясь. — Если бы не ты…

— Как можно, сэр! — ужаснулся Флинт. — Я бы предложил…

— Подавись своими яйцами! — тявкнул Спрингер.

— Ай-яй, сэр… — укоризненно покачал головой Флинт. — А ведь мы бы могли еще добраться до Портсмута и доложить коммодору о блестящем выполнении приказа.

— Что? — Спрингер с подозрением покосился в сторону лейтенанта — Издеваешься? Не видишь, что она сидит в жопе по уши! — Спрингер топнул, как будто стараясь загнать судно в песок еще

глубже.

— Бы совершенно правы, сэр, судно увязло безнадежно, — почтительно поддакнул Флинт. — Пропало судно. Но что мешает скроить из него новое? Люди есть, материала хватит, инструмент имеется. Для того, чтобы сладить посудину, на которой можно добраться до Кингстона на Ямайке, а тем более до Испанской Америки, точно хватит.

Спрингер вскинул голову и уставился на наглого мерзавца. Сначала с облегчением, потом с завистью, наконец — с ненавистью. Почему эта очевидная мысль не пришла ему самому в голову?

— Полагаю, сэр, вы могли бы созвать людей и объявить им о своем решении, а также наградить их двойным грогом за труды.

Билли Бонс, как всегда маячивший позади лейтенанта, ясно давал понять, что команда не останется в неведении, кому пришла в голову эта спасительная идея постройки нового судна — как и мысль о двойном гроге.

— Ты мне как кость в горле… — с горечью пробормотал Спрингер. — Все твои происки… Козни…

— Ни в коем случае, сэр — Флинт позволил себе намек на ухмылку, ибо ни о каких кознях не было

и речи. Во всяком случае, до сих пор. Теперь же лейтенант ясно увидел, что момент для козней самый подходящий. Выбора, однако, у капитана не оставалось. Он приказал свистать всех наверх, произнес речь, завершил се обещанием двойного грога и выслушал восторженный вопль команды, воодушевленной перспективой грядущего возвращения домой и предстоявшей попойки. Двойной грог означал полную пинту морского рома на глотку, а кого оставит на ногах такое душевное изобилие?

Следующие два дня оказались для команды счастливейшими за долгую службу, ибо первый из них народ провел в бессознательном состоянии, а весь второй день приходил в себя. На третий день Флинт, Билли Бонс и боцманы приводили команду в чувство с помощью линьков с туго завязанными узлами, смоченных в соленой воде для придания удару вящей убедительности. Повеселились, и будет. Пришла пора воплощать в жизнь капитанский (то есть лейтенанта Флинта) план.

Плотник повел своих людей рубить лес для сооружения верфи и самого судна. Артиллерист организовал изготовление кранов, дерриков и иных необходимых для работы подъемных при-

способлений, затем на манер капельмейстера принялся дирижировать хором двух десятков впрягшихся в пушку матросов, которые, распевая, затащили., орудие на макушку торчавшего неподалеку утеса. Постепенно все пушки распределили по позициям для обороны подступов к лагерю с суши и моря.

Половину морских пехотинцев придали одному из мичманов, который отправился исследовать остров на предмет обнаружения возможных опасностей. Оставшиеся под руководством сержанта Доусона заняли позиции по периметру лагеря, готовые к отражению любой вражеской атаки.

В лагере наладился какой-то распорядок дня. Кок с помощниками занимался продуктами и приготовлением пищи. Ответственный за вино и воду заботился о том, чтобы хватало, в первую очередь, питьевой воды. Корабельный хирург вытаскивал занозы и зашивал рабочие раны. Парусных дел мастер перекраивал старые паруса «Элизабет» на новый лад по чертежам, составленным лейтенантом Флинтом Боцманская команда разбирала старый корпус и сортировала материал и имущество по береговым складам. Часть народу отправили под командой еще одного мичмана вокруг острова с заданием снимать ко-

ординаты и промерять глубины, чтобы составить точную карту.

Фактическим хозяином на острове стал, разумеется, лейтенант Флинт, с энтузиазмом применявший порку для поддержания рабочего настроения и изобретавший все новые и новые наказания для тех, кто ему по каким-то причинам не приглянулся.

— Три дня без воды, родной мой, — возвестил Флинт боцманмату, уронившему ядро и раздробившему себе пальцы ноги. Флинт расценил это преступное деяние как умышленное членовредительство.

— Линьки обоим и пусть дерут друг друга, пока один из них не свалится, — приказал Флинт и повернулся к двоим матросам, уронившим компас за борт лодки на двадцатисаженную глубину, — Приступайте, ребятушки, с Богом, и уж постарайтесь, родимые. Кто сильнее врежет, сам меньше получит.

Богатой фантазией наградила природа лейтенанта Флинта.

— Кляп этой рыбке в пасть и привязать к столбу на солнышке, пусть повялится.

— Лишить грога до прибытия в Англию.

— Две ночи спать не давать.

— Башку опустить в воду и не выпускать до счета «пятьдесят».

— Играем во «флинтики» или две дюжины.

Попугай Капитан Флинт, за отсутствием грот-мачты, значительную часть дня проводил теперь на ветках ближайших уцелевших деревьев.

Будь на месте Флинта любой нормальный человек, руководимые им люди осознали бы очевидную необходимость выполняемой работы. Они отдавали бы этой работе, направленной на избавление их от островного плена, все свои силы и умение. Увы, Флинт не мог отказаться от своих злобных затей. А капитан Спрингер пуще прежнего ломал голову, размышляя, что с этим Флинтом не так. Теперь думать ему мешал груз вины. Надо же, угробил судно и не сообразил, как выбраться из тупика! Капитан почти не вылезал из своей палатки, осушая бутылку за бутылкой, топя горе в спиртном и предоставив все своему старшему помощнику. Лишь изредка Спрингер вылезал на свет божий, когда его понуждал к тому Флинт.

Одно из вторжений Флинта в капитанскую палатку произошло через три недели после неудачного прибытия на остров. Жара давила неимоверно. Палатка капитана скрывалась от

солнца под деревьями, но зной душил и в тени. В самые жаркие часы все работы прекращались, умолкал перестук топоров и молотков, загонявших нагели[38] в деревянные конструкции, затихали вжиканье стругов и звон пил. Команда валилась с ног, все засыпали, кроме тех бедолаг, которым доставалось стоять вахту. Спрингер храпел в своей подвесной койке, распахнув рубаху, в широких штанах, босоногий, с блестящим от пота лицом.

Две фигуры прошуршали по белому песку и скрылись в палатке Спрингера. Флинт и Билли Бонс. На плече Флинта восседал его всегдашний спутник, попугай.

— Прошу прощения, сэр! — заорал Флинт, перекрывая капитанский храп, и постучал в поддерживающий палатку шест так, что парусина закачалась.

— А? Что? — промычал капитан, просыпаясь. Флинт молча глянул на Билли Бонса и кивнул в сторону кучи пустых бутылок под капитанским гамаком. Бонс понимающе поджал губы. Они очень, очень сблизились, эта двое, лейтенант и его помощник.

---

[38] Примечания: 38

Нагели — большие деревянные гвозди или болты, используемые в деревянных постройках и судостроении.

— Прошу прощения за беспокойство, капитан — Флинт приблизился к капитану Спрингеру, подняв руку с рулоном бумаги.

— Будь ты проклят, окаянный, — ворчал Спрингер. — Ни днем, ни ночью., Сука, хорья струя, понос кровавый… — Капитан сомкнул пальцы на латунной рукояти пистолета и ощутил его успокаивающую тяжесть.

Заметив это движение, Флинт криво усмехнулся. Ненависть исказила распухшую физиономию капитана, зубы его скрипнули. Он люто ненавидел Флинта, не понимая, почему. Однако рука капитана замерла на пистолете. Долгая служба привила ему законопослушание и дисциплинированность, и он не мог со спокойной душой всадить пулю в голову офицера, да еще при исполнении служебных обязанностей. Соображал он, однако, туго, толком не проснувшись, совершенно не протрезвев и едва удерживая налитые свинцом веки в разлепленном состоянии.

— Вот карта, сэр. — Флинт предъявил капитану Спрингеру завершенную карту острова. — Я взял на себя смелость присвоить наименования наиболее заметным ориентирам. Вот эта горка, к примеру, — он ткнул в карту пальцем, — Подзорная Труба. Эта — Бизань-мачта. Бот этот заливчик

— бухта Северная, и так далее. Вот здесь, чуть южнее, более удобное место для высадки, только теперь это уже не испробовать, — Он снова оглянулся на Билли Бонса.

— Сдохни, сволочь, — промямлил Спрингер заплетающимся языком. — Ты… Ты… — далее последовало что-то уже совершенно неразборчивое.

— Рад, что вам понравилась карта, сэр, — саркастически усмехнулся Флинт. — Ибо я вычертил ее собственноручно — Он свернул карту и раскатал второй рулон. Этот лист украшало изображение малотоннажного шлюпа, который как раз сооружала плотницкая команда — Но я смею беспокоить вас по другому вопросу. — Он подсунул эскиз под нос капитану. — Вот наша крошка «Бетси», сэр. Шестьдесят тонн, две мачты, в общем, скорлупка — прелесть, — Он метнул быстрый взгляд в сторону Билли Бонса и продолжил: — Шесть пушек и четыре десятка человек. Самое большее — пятьдесят. Большего размера судно нам не осилить, как на духу вам заявляю, сэр.

— Сгинь, сатана, — пробубнил Спрингер и тут же захрапел.

— Таким образом, большинству придется остаться на острове, сэр, — почтительно про-

должил Флинт, как будто не замечая храпа и не повышая голоса. — Остаться и дожидаться помощи. «Бетси» за нею и отправится.

Все так и обстояла, Флинт знал об этом с того самого момента, когда вместе с плотником приступил к работе над проектом нового парусника. На создание судна большего размера не хватило бы возможностей как импровизированной верфи, так и строительной команды. Да и дерево «Элизабет», с грехом пополам служившее в старом корпусе, порой рассыпалось в труху при разборке. Плотник поклялся помалкивать — под страхом смерти от руки Флинта. К тому же лейтенант соблазнил его обещанием включить в экипаж «Бетси».

Но уже размеры стапеля[39] насторожили самых умных членов команды, а от них правду узнали и самые глупые и невнимательные. Флинт же развивал ситуацию в соответствии со своими хитроумными планами. Любой порядочный офицер собрал бы команду, разъяснил обстановку, и любая команда поняла бы невозможность иного расклада. Но лейтенант Джозеф Флинт далек был от честности и порядочности. Соответственно,

---

[39] Примечания: 39

Стапель — наклонный помост на берегу для строительства судна и его спуска на поду.

планы и действия его также изобиловали приемами подлыми и аморальными.

— Благодарю, сэр, — поклонился Флинт. Спрингер хрюкнул, дернулся и снова захрапел. — О! Ужас, ужас! Опасная игрушка… — Флинт вынул из-под ладони капитана пистолет и повернулся к Билли Бонсу. — Давай сюда свою жвачку, Билли. — Он вытянул ладонь ко рту Бонса.

— Чего? — не понял Бонс

— Не «чего», а «чего, сэр». Плюй мне в руку живо.

— Мне плевать… в вашу руку… сэр?

— Живо!

— Я не… Есть, сэр! — Бонс опасливо заглянул в глаза Флинта и не посмел ослушаться. Он склонился над ладонью лейтенанта и вывалил из пасти темно-бурую кучу пережеванной, размолотой в труху табачной жвачки, обильно смешанной со слюной. Флинт без малейшего признака отвращения глянул на полужидкую массу, помял ее, загреб стволом пистолета песку с пола палатки и запечатал сверху вязкой и липкой табачной замазкой. Обработанный таким образом пистолет Флинт ловко, не обеспокоив капитана, вернул ему под бок.

— Вот так, — сказал он спокойно и вытер руки

о рубаху Билли Бонса. — На всякий случай.

— Так точно, сэр, — отозвался Билли Бонс.

Они вышли из палатки и зашагали к берегу, под лучи палящего солнца.

— Завтра начнем строить блокгауз, Билли. И ты пустишь слушок, что капитан Спрингер скоро нас покинет.

Бонс вздрогнул, облизнул губы и засипел. Он собрал всю храбрость и отважился высказать свои соображения:

— Так ведь… Ох, риск… Большой риск, прошу прощения… — проблеял Бонс и добавил: — Капитан. — Это последнее словечко, наиболее почетное в его словаре, он использовал в качестве защиты, как будто руку поднял над головой в ожидании удара.

— Билли, цыпленочек, — произнес Флинт ласково, но не поворачивая головы к Бонсу, а рукой ероша перья большой зеленой птицы на своем плече. — Не надо больше обсуждать моих приказов. Никогда. Если, конечно, хочешь остаться в живых. Ты меня помял?

Бонс навесил на свою могучую фигуру не меньше оружия, огнестрельного и холодного, чем Флинт. Билли был намного выше лейтенанта, шире его в плечах, а руки его — вдвое толще. И

храбрости ему не занимать, не боялся он появляться на нижней палубе без сопровождения боцманской команды, не боялся встрять в драку и разнять буянов. Но тут Билли Бонс затрясся от ужаса. Он прибегнул к испытанной защите членов экипажа, мгновенно выпалив:

— Так точно, сэр!

Глава 7

1 февраля 1750 года. Испанская Америка

Шлюп Его Католического Величества «Эль Тигре» перерезал курс вражеского парусника, осыпая его ядрами двойного заряда всех поочередно бортовых пушек и выбирая для каждой пушки свой момент выстрела.

Десять пушек грохнули и отъехали от борта, выплюнув громовые клубы дыма. Десять длинных пламенных языков лизнули обшивку жертвы, двадцать железных ядер вырвались в воздух, некоторые пролетели мимо и плюхнулись в воду — даже на таком близком расстоянии пушкарям трудно попасть на ходу в движущуюся цель. Но больше половины испанских ядер нашли для себя уголки в корпусе и надстройках «Бетси». На корме, окруженный осколками, обломками, мертвыми и умирающими матросами, орал на команду с целью поднятия ее боевого духа капитан Джозеф Флинт, славный мятежник, завершивший восьмой месяц своей пиратской карьеры.

Карьера получилась беспорядочной, суматошной, богатой взлетами и падениями.

Да, он захватил не один испанский приз, грабя и учиняя резню. Набрал золотишка, и немало, мог и похвастать, если б было перед кем. Но половину людей своих он потерял в заговорах и расправах с участниками бунтов, причиной которым был сам Флинт. Со своими недостатками, к тому же невообразимо разросшимися, он ни в коем случае не подходил на роль лидера. Следуя древнему девизу «разделяй и властвуй», он эффективно разделял подчиненных, но власть его неизменно сводилась к стравливанию матросов друг с другом. Он понимал, что даже если испанский флот не изловит его, то очень скоро до его глотки доберутся собственные люди. Однако Флинт не мог ничего с собой поделать, к тому же в данный момент его занимали иные заботы.

Вот уже с добрый час колошматил «Эль Тигре» бедную «Бетси». Испанец крупнее, лучше оснащен и вооружен, на нем отлично обученная и более дисциплинированная команда. Главная забота испанского капитана — вымести палубу «Бетси» так, чтобы не осталось никого, кто мог бы оказать серьезное сопротивление. Или он поставил себе целью уничтожить противника, а не захватить его?

— Сдаваться надо, капитан! — сквозь грохот

пушек проорал Билли Бонс в ухо Флинту. Посеревший со страху Билли скрючился, как будто хотел слиться с палубой, чтобы очередное испанское ядро не задело его монументальную фигуру.

— Сдаваться? Сдаваться донам? — Флинт истерически засмеялся.

— Побили нас, кэп. — Не поднимая головы, Билли огляделся.

Палуба разворочена, везде валялись убитые и раненые. Пушки опрокинуты, фок-мачта хрустела пересохшим сухарем и шаталась. Оставшиеся в живых матросы озирались, шарили вокруг обезумевшими взглядами, как будто высматривая, куда спрятаться от этого ада. Похоже, они уже близки к тому, чтобы удрать в трюм, к крысам. Флинт взмахнул саблей.

— Трусов на месте! — На него глянули как на лунатика, но тут же забыли о капитане — грохнул пушечный выстрел, и фок мачта свалилась за борт в путанице снастей и парусов.

Команде «Эль Тигре» это явно пришлось по вкусу. Испанские матросы дружно завопили. Их судно пронеслось мимо «Бетси», будто волк, который присматривается, как поудобнее перегрызть жертве глотку. Лейтенант де Кордова, капитан «Эль Тигре», начал разворот, чтобы повернуть

к «Бетси» бортом с неразряженными еще пушками. С маневром он переусердствовал. Можно также сказать, что ему не повезло. Оверштаг[40] не получился, судно вышло из ветра, паруса «Эль Тигре» захлопали, капитан в досаде топнул ногой и заорал на команду, срывая злость и спешно выправляя ситуацию.

Ухватившись за этот шанс на спасение, Флинт заставил своих трусов освободиться от фок-мачты и направить «Бетси» по ветру на остатке парусов. Беспомощно пробултыхавшись несколько минут, «Бетси», наконец, неуверенно поковыляла. Не проползла она и мили, как испанец выправил положение и бросился вдогонку. Матросы Флинта рванулись к люкам, но бравый капитан рубанул саблей по первому же подвернувшемуся под руку, и остальные сразу вернулись к исполнению своего священного долга… Надолго ли?

— Пропали мы, кэп, — проныл рядом Билли. — Не уйти нам.

— Билли, радость моя, — бросил ему Флинт. — Еще раз это услышу, покажу тебе, какого цвета твоя печень, клянусь.

Бу-бум-м-м! — грохнула пушка. Но это не кур-

---

[40] Примечания: 40

Оверштаг — поворот парусного судна против встречного ветра.

совая пушка испанца. Все головы повернулись в сторону крупной быстроходной шхуны, приближавшейся с севера. До нее оставалась всего миля, и расстояние быстро сокращалось. Наблюдатели ее не заметили — покойники плохо видят, — а остальным было не до горизонта, они и на противника-то поднять глаза боялись.

— Бог и дьявол! — крикнул Флинт. — Видишь флаг?

— Лопни мои глаза, черный, как и наш! — изумился Билли Бонс.

Фок- и грот-мачты шхуны венчали развевающиеся на ветру черные флаги, на каждом изображены человеческий череп и скрещенные сабли под ним. Шхуна взяла курс на «Эль Тигре», капитан которого отвернул от «Бетси» и направился навстречу новому неприятелю.

Силы противников казались примерно равными. Парусники почти одинакового размера, с равным числом пушек и членов экипажа. Приблизившись на расстояние пушечного выстрела, новый пират сбавил скорость и затеял перестрелку с испанцем, стараясь занять выгодную позицию для бортового залпа. Той же тактики придерживался и лейтенант де Кордова. Осторожные противники сожгли уйму пороха, не

добившись никакого толку. Ни один не хотел подвергать себя повышенному риску.

Это прощупывание продолжалось несколько часов, в течение которых «Бетси», не принимая участия в схватке, успела снабдить пень, оставшийся от фок-иачты, реем-поперечиной с навешенным на нее прямым парусом. Кое-как расчистили палубу, выправили пушки, разобрались с задачами остатков экипажа, больше боявшегося Флинта и Бонса, чем испанцев, И вот «Бетси» шаткой походкой поплелась по ветру в сторону дуэлянтов, которые лениво переплевывались ядрами.

Флинт направил свое судно в единственно возможном направлении, ибо покалеченная посудина могла следовать с грехом пополам, лишь придерживаясь ветра, Флинт намеревался пройти мимо сражающихся кораблей, между ними — как придется, — лишь бы подальше убраться от этого проклятого места. Но лейтенант де Кордова увидел то, что увидел: к нему приближался еще один противник под черным флагом. Двое на одного!

Де Кордова опустил голову, вздохнул и попросил прощения у Господа и у христианнейшего короля. Боезапас истощен, ни пороху, ни ядер не

осталось. Пушки раскалились так, что под ними дымились лафеты. Люди устали, с ног валятся, и если дойдет до абордажа… Лейтенант де Кордова еще раз вздохнул и вышел из боя. Он утешал себя тем, что это печальное решение, хотя и казалось оно на первый взгляд трусливым, по здравом размышлении нельзя не признать мудрым.

У Флинта и его команды с души свалилась страшная тяжесть. Они избавились от верной гибели. Пираты завопили от радости — и услыхали ответные торжествующие возгласы со шхуны под черным флагом. Эти крики их несколько отрезвили. «Эль Тигре» удалялся к горизонту, стремительно уменьшаясь в размере, а со шхуны спустили катер, в котором шустро собрался экипаж, и посудинка понеслась к «Бетси».

Тут каждый на «Бетси» призадумался, спаслись они или угодили в лапы другому зверю. Ясное дело, испанцы, скорее всего, перевешали бы всех или почти всех без долгих разговоров. Но чего ждать от этих? Конечно, суда одного флага приходят на помощь друг другу, если это, скажем, флаг короля Георга. Но черный флаг с черепом… Флинт стоял, закусив губу, и следил за приближением катера. Уж он-то точно не стал бы помогать никому на свете. Но не вступать же в новое сражение!

Даже этот катерок быстроходностью превосходил искалеченную «Бетси». Вскоре он уже стукнулся о борт, и посланники победителя полезли на судно Флинта.

Первым ступил на палубу долговязый блондин, солома волос которого водопадом ссыпалась из-под шляпы. Длинные руки, длинные ноги, живое лицо. Сразу видно боевого командира. Долговязый оглядел «Бетси», прикинул ущерб, покачал головой. Флинт шагнул к нему навстречу, и блондин перевел взгляд на капитана судна.

— English? Franqais? Portuges? — спросил он.

Глава 8

1 июня 1752 года. Джорджия, Саванна

Долговязый Джон дико ржал, но вполглаза все же наблюдал за девицей. У него аж нутро свело от того, что он услышал. Джон едва удержался на ногах от такой новости: Флинт — джентльмен! А с каким видом она это произнесла! С какой невинной убежденностью! Весь отдавшись безудержному смеху, сквозь выступившие на глазах слезы Джон Сильвер все же не выпускал из поля зрения ни девицу, ни конуру, в которой оказался.

Единственный выход — дверь. Стены толстые, прочные. Высокое окно забрано толстой железной решеткой, дабы уберечь запасы спиртного от таинственного исчезновения темной ночью. Еще не отсмеявшись, Долговязый Джон толкнул дверь ногой и закрыл единственный путь к бегству.

Эти действия его продиктовало то обстоятельство, что «Морж» не один месяц провел в море, а женщин там не сыщешь. Как и практически любой моряк, Долговязый Джон, сойдя на берег, стремился наверстать упущенное.

Закончив смеяться, Джон вытащил платок и вытер гллаза. Вздохнув, он улыбнулся Селене, следившей за ним гораздо более внимательно, чем он за нею. Она ждала дальнейших действий долговязого нахала, прекрасно понимая, что у него на уме. Все другие девицы заведения, она это тоже знала, лежали кто где, по большей части животами кверху, а покрывали их вместо одеял пьяные храпящие моряки, заснувшие меж женских ног и грудей. И каждая из девиц зажимала в ладони золотишко, которое — за небольшим отчислением в кассу Нила — представляло законный заработок честной труженицы.

— Спасибо, дорогая, давно я так не смеялся, — изрек Долговязый Джон. — Как тебя звать-то, красавица? Страсть как ты мне приглянулась. Я не вру.

Слова Джона Сильвера не были пустой лестью. Джону и вправду нравилось то, что он мог разглядеть в тусклом освещении жаркой кладовой. Единственное одеяние девицы составляло тоненькое хлопчатобумажное платье, которое приличия ради прикрывало ее наготу, но отнюдь не прятало в высшей степени соблазнительных рельефов.

— Селеной меня звать. И я не такая, как осталь-

ные.

Она приняла решение и установила свои правила. Осталось теперь лишь обеспечить их соблюдение

— Конечно, не такая, — охотно согласился Долговязый Джон, улыбнувшись. Он вытащил большую золотую монету и повертел ее в пальцах.

— Нет.

— Да ну? — удивился Сильвер, сощурившись на Селену — Пожалуй… — задумчиво протянул он. — И вправду, ты не такая, как эти шлюхи, нет. Ты — товар что надо, крошка моя. — И он вытащил еще одну монету. Она усмехнулась. Он вытащил третью. Столько денег Селена иными средствами не смогла бы заработать и за год.

— Не-е, Джон Сильвер, бесполезно. Я не такая и никогда такой не буду.

— Х-ха! Ты еще скажи, что девственница. В Саванне-то!

Она заморгала, обдумывая этот вопрос в свете знаков внимания, оказанных ей мистером Фицроем Делакруа, прежним ее владельцем. Долговязый Джон ухмыльнулся, неправильно истолковав ее замешательство.

— Давно бы так, пташка моя. Что для них хоро-

шо, и для меня неплохо. И я не жмот — коль надо заплатить, жаться не стану.

Он взмахнул тремя монетами и хлопнул ими о дно ближайшей бочки. Посчитав финансовую сторону вопроса урегулированной, Джон Сильвер окинул беглым взглядом помещение.

— Тихо, как в церкви.

Он сбросил шляпу и стянул рубаху через голову. Сложения своего Долговязому Джону стыдиться не приходилось: сильные руки, плоский живот, внушительная выпуклость штанов. Селена подавила порыв к бегству, ибо путь к отступлению Долговязый Джон отрезал. Мощные руки схватили ее и оторвали от пола.

— Я же сказала, что я не такая! — крикнула она, сверля взглядом его глаза, оказавшиеся совсем рядом.

— Ну, мадам, у вас и аппетит!.. — Долговязый Джон покосился на свои золотые, тускло поблескивавшие на дне бочки. — Сколько ж тебе надо? — Он ухмыльнулся. — А за эти три золотых мне ничего и не купить? Даже поцелуйчик?

Он потянулся губами к ее рту, но она резко отвернула голову. Его язык скользнул по черной шелковистой коже ее шеи. Селена замерла, как будто окаменела. Джон сдался, оставил ее, озада-

ченный и раздосадованный:

— Разрази меня сто громов, сколько ж тебе надо? Ты милашка, спору нет, но это ж не Лондон, да и ты все-таки не краля короля Георга.

— Я уже сказала. Я не такая.

— Ой, не надо!

— Я не такая.

— Вот попугай!

— Я не такая!

— Нет?

— Нет!

— Шлюха!

— Ублюдок!

— Сука ты!

— Нет!!!

Неудовлетворенность распалила Сильвера, он замахнулся, но ударить столь физически слабого противника у него не хватило духу. Он зарычал, выругался, вздохнул и наконец-то задумался над тем, что услышал.

— Ты и вправду не…

— Ты что, глухой?

— Но у Чарли все девицы…

— КРОМЕ МЕНЯ!

— Гм… ишь ты… А как же…

Он не знал, что и сказать. Слов не находилось.

Извиняться Джон Сильвер не привык, но чувство вины вдруг навалилось на него. Как будто он вел себя очень нехорошо, хотя что это он такого сделал нехорошего? Но словно какой-то шип она воткнула ему в грудь, эта черная крошка. Долго он не мог понять, в чем дело, ибо давно уже таких чувств не ощущал.

Долговязый Джон подобрал рубаху и деньги и вышел, грохнув дверью. Во дворе он столкнулся с Полли Портер, которая отправилась проветриться, оторвавшись от заснувшего Билли Бонса. Полли, всегда готовая к услугам, гостеприимно раскрыла объятия, но он не смог себя пересилить. Что за радость ерзать по жирной потаскухе, когда мыслями он все еще с той хрупкой миниатюрной черной фигуркой, замершей перед ним в винной кладовой!

Когда Долговязый Джон вышел, Селену затрясло. Она храбро держалась перед лицом опасности, но тут ноги подкосились, зубы застучали и из глаз хлынули слезы — много слез. Она молода и одинока, а мир такое опасное место…

Глава 9

3 апреля 1751 года. Вирджиния. Плантация Делакруа

Селена пыталась сопротивляться, но мать вдвое превосходила ее весом и втрое силой. Девушка лишь по возможности уклонялась от ударов. Агрессивное поведение матери пугало Селену больше всего. Мать сердилась и пыталась образумить свое дитя.

— Что делать, а? Что ты делать, а? — кричала она, волоча Селену за собой. — Ты думать, ты не такая, как все? Ты думать, ты лучше? Ты…

Слов ей, однако, не хватало. Английским она толком не владела, поэтому переключилась на язык своей родины, который, в свою очередь, почти не понимала Селена. Услышав «африкан-ский» язык, надсмотрщик тут же вонзал носок своего сапога под зад провинившемуся — или куда придется.

Но в этот раз мать Селены не просто говорила «по-африкански», она орала, не боясь, во все гор-ло. Дневные работы завершились, спускались сумерки, и люди подходили к дверям хижин,

интересуясь, кто и из-за чего там шумит, нарушая вечерний покой. Увидев и поняв, они смеялись или жалели, в зависимости от характера. Мужчины, глядя на Селену, облизывались и думали о чем-то своем, а женщины хохотали, хлопали себя по ляжкам и визжали счастливым хором.

— Твоя очередь, твоя очередь! — кричали женщины. — Теперь ты такая же, как и все другие. — И они кивали друг дружке, довольные, что эта задавака наконец-то займет свое место.

— Где твоя мисс Джини? — дразнили они. — Позвать ее из Парижа?

Дети прыгали, смеялись, довольные развлечением, хоть и ничего не понимали. Подрастут — поймут. Особенно девочки.

Ярд за ярдом мать волокла Селену; Они миновали линию хижин, показался большой хозяйский дом; В траве сварливо скрипели кузнечики, на небо выползла луна, сияли и подмигивали звезды. Дети отстали, потому что оказаться у хозяйского дома никому не хотелось. Все понимали, что от него нужно держаться подальше.

Большой дом сиял светом и гремел музыкой. Хозяин и хозяйка принимали гостей. Белые гости приезжали издалека, там ни один из негров не бывал. Перед домом скопилось множество коля-

сок, но мать тащила Селену не туда, не к фасаду — туда рабам тоже ходить не разрешалось. Они приблизились к аккуратному дому с верандой и выбеленными дощатыми стенами, в котором жил надсмотрщик Сэм, в отдалении от развалюх черного народа и близко к дому хозяина, чтобы не надо было долго звать.

Сэм существо особое. У него на ногах сапоги, на голове шляпа белого человека, ему даже оружие доверили. Сейчас он сидел на крыльце, положив ружье на колени.

Мать подтащила Селену к ступенькам. Сэм молод и силен, за силу его и произвели в надсмотрщики, он с любым негром без всякого ружья справится. Увидев Селену, Сэм восхищенно покачал головой.

— Ого-го, созрели яблочки! — воскликнул Сэм и запустил руку за пазуху Селене. Она рванулась, «яблочки» соблазнительно затрепыхались, а мать изо всей силы ударила Сэма по руке.

— Нет, нет! — закричала мать. — Убрать лапы! Не твое!

Сэм зарычал и поднял мушкет, чтобы ударить наглую тварь, посмевшую его оскорбить.

— Лапы прочь держать, ниггер! — закричала ему женщина. — Моя Селена для хозяина, да!

Хозяин для нее все сделать, да! Селена сказать, спустить шкуру с задницы Сэма, и хозяин отодрать черную задницу, да! Сэм сидеть на животе, ха-ха!

Сэм замер. Верно орет паскудная баба. Запросто. Понравится хозяину девчонка, и чего он для нее не сделает… особенно такую мелочь, как с раба шкуру спустить… Мало, что ли, Сэм такого навидался… Только сам пока не пробовал. Да и не желал бы. Он опустил ружье.

Сэм молча повел женщин к «особенному дому», выстроенному в ложбинке у реки, скрытому деревьями поодаль от хозяйского строения, чтобы не оскорблять взгляда жены хозяина. Чего госпожа не видела, того и не было на свете. А если и было, то только к лучшему, малое зло большому помеха.

Сэм вынул из кармана ключ и отпер дом. Он зажег свечи, поглядывая искоса на женщин, разинувших рты от нежданного обилия вещей, неведомых полевому рабу: ковры, шторы, резная мебель, шелка, сатин и полотно, огромная кровать, большие зеркала, картины в позолоченных рамах, на которых изображены голые белые женщины, пухлые и соблазнительно потягивающиеся. Сегодня здесь были еще и большое корыто

с водой, мыло, полотенца и яркие платья.

— Займись девицей, да поживей, — грубо бросил Сэм, спасая ущемленное достоинство. — Чисто вымой да выряди как надо, не то твой черный зад останется без кожи.

Он усмехнулся, повернулся к двери и вышел. Мать Селены вздохнула.

— Раздевайся.

— Нет.

— Раздевайся. Как я тебя мыть, если ты в платье?

— Я домой хочу. Меня не для этого растили.

— Нет. Ты здесь. Ты здесь.

— Почему?

Этот простой вопрос прорвал плотину терпения матери Селены. Из глаз ее полились слезы, а из уст посыпались жалобы и ругательства. Она называла дочь злой и жестокой, желающей, чтобы всю ее родню распродали кого куда. Мать, отца, братьев и сестер.

— Ты всех продавать! — озвучила мать затаенный страх каждого раба. — За реку продавать! Все-все! Меня продавать, папа твой, сестры-братики… Ты хотеть нас продавать?

— Нет! — топнула Селена. — Но почему я?

— Масса хотеть тебя. Поэтому он тебя пускать

жить в большой дом, поэтому платья и смешные слова. Он хотеть тебя смешная игрушка.

— Нет! Мисс Юджини… Джини меня любит!

— Ха! Джини любит! Джини любит, когда ты маленький, она маленький. Ты черный ниггер-кукла для белый госпожа. Джини — Париж, ты — здесь, здесь.

— Нет!

— Нет? Почему ты тогда обратно в поля, обратно в наш дом, вон из здесь?

— Это все из-за тебя! Ты мне велела улыбаться хозяину.

Мать от возмущения закусила губу. Она поискала нужное слово и удовлетворенно кивнула, найдя его.

— Я велеть улыбаться, потому что так надо.

— Надо! Тебе просто надо, чтобы я тебе натаскала барахла, пока я хозяйская кукла, пока ему не надоела.

Если бы черная, как ночная тьма, кожа женщины могла покраснеть от возмущения, она бы покраснела. Но ввиду невозможности этого мать просто схватила дочь за волосы, содрала с нее платье, засунула в корыто и принялась тереть мылом и губками так, как будто хотела содрать с нее кожу. Затем она схватилась за полотенца,

за гребни для волос и засунула Селену в первое попавшееся платье.

— Ты меня теперь слушать, Селена, — пророкотала она, как недовольный бульдог, — Мне так больше не надо. Топать не надо, ругаться не надо. Я тебя баловать, потому что ты красивый.

Она отступила на шаг, уперла руки в бока и пригнулась чуть ли не к носу Селены.

— Теперь ты мне платить. Теперь ты шевелить задом для масса хозяин. Шевелить задом стараться. Думать о папа, мама, братья-сестры. — Она разозлилась, голос ее повысился и исказился: Если нет, иди, где хотеть! Ты мне больше нет! Нет кушать, нет спать, нет вода, нет огонь! Ничего нет! Иди, где хотеть! Слышать меня?

Они молча смотрели друг на друга, глаза в глаза. Затем дочь отвела взгляд. Вид я, что бежать она не собирается, мать громко сказала: — Х-ха!

Она привела все в порядок, вывесила в сторонке полотенца, выволокла корыто и вылила из него воду. После этого, не возвращаясь больше в дом, зашагала по дороге к своей хижине, к мужу и восьми оставшимся ей, выжившим детям.

Добрая женщина возвращалась к семье. Она делала для семьи, что могла. Для всех, и для Селены тоже. Сейчас она, не зная того, ощущала то

же самое, что чувствует осыпанный орденами маршал, спасший армию ценою жертвы полка. Только она, в отличие от маршала, всю дорогу до дома рыдала.

Селена тоже рыдала, но сидя на мягкой кровати. Потом она что-то швырнула в угол, что-то разбила об стенку. Погляделась в зеркало, подивилась платью, снова уселась на кровать. В голове роились мысли, но все какие-то бестолковые. Выхода никакого, остается только послушаться мать.

Что ж, она решилась. Сначала расправилась с предательницей, мисс Юджини. Мужественно и бесповоротно, сама, без всяких советчиков. Далее — долг перед семьей. Отец, мать, братья, сестры… Долг… Что ж, долг так долг. Она переключилась на ожидание хозяина. Но того все не было, и она, не привыкнув бодрствовать после дня тяжелой работы, закрыла глаза и заснула..

Разбудила ее тяжесть и вонь. Сопящее дыхание, слюнявый рот… Жирное тяжелое брюхо с жесткими пряжками-застежками давило на тело… Пухлые ладошки пьяного хозяина сжимали ее девичью грудь.

Сорокашестилетний мистер Фицрой Делакруа давно отработал способ обращения с девицами-рабынями. Ему нравились бутончики,

молоденькие, но при грудях, и, разумеется, чтобы никто с ними до него ни-ни… И делай с ними все, что хочешь. И не надо возиться, тратиться, да еще и часами уламывать, как этих белых цац. И никакого риска подцепить какую-нибудь дрянь. Множество преимуществ для честного плантатора.

В данном же случае добавлялся еще один нюанс: эта кукла росла рядом с его дочерью, вместе с нею воспитывалась, приобрела манеры белой женщины, могла толково беседовать. Давно уже Делакруа ждал этого момента. Так что не только ради европейского образования отослал любящий папаша свою дочь в далекую Францию.

Не разделяя хозяйских устремлений и спросонья не вспомнив о своем мудром решении, Селена принялась ожесточенно отбиваться, и у нее тут же зазвенело в ушах. Делакруа засмеялся, задрал подол платья и набросил его на лицо Селены. Удерживая ее за запястья, он погрузил нос в мягкую мохнатость ее промежности, зарычал… впрочем, скорее захрюкал от удовольствия. Придя в благодушное расположение духа, Делакруа перевалился на бок, чтобы избавиться от штанов и выпустить на волю свое налившееся кровью, напрягшееся мужское «достоинство». Освободив-

шись от тяжести тела хозяина, Селена вскочила и бросилась к двери… которая оказалась запертой на замок.

Делакруа оглушительно захохотал и, качаясь, направился к ней, стреноженный спустившимися до лодыжек штанами. Над его торчащим членом нависало студенистое брюхо. Он протянул руки, чтобы сгрести Селену, но она, пользуясь его пьяной неустойчивостью, увернулась, схватила серебряный подсвечник и взмахнула им над головой хозяина. Он успел поднять руки, и удар пришелся по левому локтю. Делакруа отшатнулся, потерял равновесие и тяжко плюхнулся задом на пол, вытянув ноги перед собой.

— Ых! — тяжко выдохнул он и, морщась, потер локоть. — Будь я проклят!

Его пожелание тут же осуществилось, ибо оказалось предсмертным. В результате вызванного падением сотрясения из желудка рванулась полупрожеванная смесь съеденного и выпитого. Делакруа судорожно вдохнул собственные рвотные массы, захлебнулся, выпучил глаза, забился и минуты через две замер у ног Селены с лиловой физиономией, вывалившимся языком и выпученными глазами.

Философы и гуманисты могут сколько угодно

указывать на непричастность Селены к кончине Делакруа, на то, что он сам виноват в своей позорной смерти — в постыдной ситуации, в пьяном безобразии, со спущенными штанами, — однако миром правят не философы и не гуманисты. Селена прекрасно понимала, что ее ждет. Живая рабыня, обнаруженная рядом с мертвым хозяином, тут же отправится вслед и ним.

Селеной овладел ужас. Мысли метались, не находя выхода. На плантации не спрячешься, да ей никто и не поможет, ибо любого, кто окажет ей содействие, просто повесят. Первым делом бросятся искать в доме матери — да мать ее и не примет. А вне плантации раскинулся громадный неизвестный мир, которого Селена никогда не видела. Теперь придется с этим миром знакомиться, руководствуясь лишь своим юным умишком, знакомиться так, чтобы ее не поймали.

Глава 10

1 июня 1752 года. Саванна, Джорджия

В мире Селены на жалость к самой себе времени не оставалось. Когда ее перестало трясти, Селена вернулась к работе.

Она вошла в распивочный зал, перешагивая через пьяных и обходя их, и попыталась навести хоть какой-то порядок. Некоторые из посетителей зашевелились, потребовали еще выпивки. Она обслужила пьянчужек, растолкала остальных девиц и привлекла их к работе.

Ближе к вечеру, когда уже зажглись фонари и Флинт с Нилом появились в винной лавке, попойка снова набрала силу. Флинт и Нил выглядели братьями. Довольные делами и собой, они решили позволить себе принять каплю-другую, Флинт лихо смахнул со стола кружки и миски, а заодно распихал в стороны и трех-четырех соседей, расчищая себе место. Появление капитана приветствовали дружным ревом. Музыканты продрали глаза и добавили шума..

Флинт вскочил на стол, вскинул голову и завел песню, вызвав новую бурю приветствий. Песню

эту команда сочинила самостоятельно, а пел ее капитан, когда приходил в особенно доброе расположение духа. Петь Джозеф Флинт умел, и голос ему Бог даровал отменный, незабываемый. Он запевал строки песни, а команда оглушительно подхватывала припев, повторявшийся через строку.

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Ио-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведет до конца.

Ио-хо-хо, и бутылка рому!

Кому на закуску не хватит свинца,

Ио-хо-хо, и бутылка рому!

Накормит навечно виселица!

Ио-хо-хо, и бутылка рому!

Песня продолжалась, грозя все новыми ужасами, но Флинт так сиял, что все пребывали в прекрасном настроении и только смеялись всяким упоминаемым капитаном напастям.

Завершив пение, он вернулся за стол, сияя во славе своей. Нил тоже улыбался, хотя флинтова музыка его вовсе не очаровала. У него в голове еще звучала высокая гармония расчетов, связанных

с содержимым трюмов двух судов, приведенных Флинтом. Селена подала им ром. Флинт поднял стакан и поклонился ей, окинув девицу быстрым взглядом. Заметив заплаканные глаза и мрачное выражение ее лица, он нахмурился.

— Какой мерзавец посмел обидеть вас, моя африканская Венера? — спросил он, вставая. Нежно приподняв голову Селены пальцем за подбородок, Флинт уставился в ее лицо изучающим взглядом. — И ведь точно плакала. Ужасно! Скажи мне, кто эта скотина, и выну из него живого печень, нарежу на узенькие полосочки, и он сожрет все до кусочка.

Чарли Нил заморгал и беспокойно заерзал. Другой может ляпнуть такое и ради красного словца, но Флинт…

— Не обращай на нее внимания, Джо, — сказал Нил, поднявшись. Золото, конечно, может заставить власти колонии закрыть глаза на многое, но есть все же определенные пределы, которых не следует переступать. — Брось. Таких девиц здесь десяток на пенни. — И он даже отважился придержать Флинта за руку.

Флинт не оценил вмешательства лучшего друга. Он слегка помрачнел и повернул голову в сторону Нила, сначала ткнув взглядом его руку,

а затем посмотрев в глаза. Прекрасные глаза у капитана Флинта, осененные длинными женскими ресницами. Но Нила этот взгляд отбросил обратно на сиденье, не хуже удара.

— И-извини, Джо, — пробормотал Нил. — Извини, извини. — И он умиротворяюще поднял руки.

— Спасибо, Чарли, — тихо произнес Флинт — Только поверь мне, эту даму не следует сравнивать с другими. И цена ей не одна десятая пенни.

— Да-да… Конечно, конечно… — забормотал Нил, усердно кивая головой.

— Очень рад, что мы с тобой всегда в согласии, — сказал Флинт и отвернулся от Нила. Он достал шелковый платок, подчеркнуто нежно промокнул уголки глаз Селены. — Так кто же этот негодяй, дорогая моя? Кто обидчик? Только одно словечко, только имя.

— Неважно, — отмахнулась Селена, видя умоляющий взгляд Нила. Конечно же, она не хочет расстраивать своего главного защитника. Нил облегченно вздохнул. Флинт пожал плечами и не стал настаивать.

— Богом клянусь! Нил, где ты нашел такую красу? Прячешь у себя дома? — Флинт засмеялся, сверкнув двумя рядами белых зубов. — Почтите

нас, сударыня! — Он с поклоном указал на стул. Селена колебалась, но Нил бешено закивал головой, и она тоже слегка склонила голову. Что касается Нила, он бы сбагрил Флинту любую девицу, а то и всех сразу, лишь бы от греха подальше.

Флинт усадил Селену, как джентльмен благородную даму, разряженную в шелка и кружева.

Команда неверно истолковала действия своего капитана, поняв его дурацкие фокусы как какую-то игру с дешевой потаскушкой. Матросы заржали, со всех сторон посыпались сопровождаемые смачной руганью советы, как ее лучше… того… и все в подобном духе. Глаза Флинта сверкнули, и Билли Бонс, не удалявшийся от капитана и лучше других понимающий, что в какой момент должно произойти, отступил на шаг и занял безопасную позицию.

БАХ! БАХ! — прогремели два выстрела из тяжелых пистолетов, которые Флинт молниеносно вытащил из-за пояса. Он пальнул влево и вправо, ни в кого специально не прицеливаясь. Пистолеты тут же вернулись за пояс, а в руках Флинта появилась вторая пара, поменьше. Он угрожающе оглядел помещение.

— Молчать! — заорал Флинт, унимая мужской рык и женский визг, вызванные выстрелами.

— А-а-а! — не унимался кто-то — Рука! Рученька моя сучья, мать вашу!

— Кому больно? Покажись! — приказал Флинт.

— Я, Этти Болджер. — Раненый встал. Рука висела плетью, из развороченного пулей плеча кровь хлестала потоком.

— Бог меня благослови! — ужаснулся Флинт. — Этти Болджер, надо же! Дрянная рана, старый приятель. Здорово болит?

— А то нет… с-сука ты… Разрази тебя гром…

— У-у-у-у… — прокатился по помещению гул множества глоток.

— Я тебе помогу, Этти. Унять твою боль?

— Ну-у… — отозвался Болджер, парень, очевидно, не из самых сообразительных.

Один из пистолетов Флинта тявкнул.

— Больше не болит? — спросил Флинт.

Этти не ответил. Он не мог более ничего сказать. Да и никто не мог. Две сотни людей молчали, подавленные страхом перед этим необъяснимым, непредсказуемым чудовищем

— Вот и отлично, — сказал Флинт, — Если еще у кого что болит… Или если кто-то хочет что-нибудь высказать по поводу этой дамы, — он грациозно поклонился Селене, — пусть выступит сюда и все скажет мне, Джо Флинту. — Он указал на место

перед собой. Последовавшую за его словами паузу заполняло лишь жужжанье мух. Флинт чарующе улыбнулся и сел, забыв об остальных, как будто ослабив на время свою бульдожью хватку, и шум постепенно стих, а страсти забылись.

Селена все еще смотрела на Флинта круглыми глазами. В ушах ее звенело от грохота выстрелов, раздавшихся вплотную, рот ее открылся от изумления.

— Ну! — Флинт засмеялся и пальцем подтолкнул ее нижнюю челюсть вверх, закрыв девичий ротик. Он столько же времени пробыл в море, сколько и Джон Сильвер, сколько и вся его команда. И так же нуждался в женщине. Впрочем, не так же. Его потребность, как и все, что его касалось, отличалась От потребностей остальных. Флинту требовались чрезвычайная красота и чрезвычайные обстоятельства. Красоту он обнаружил, остаюсь уладить остальное.

Флинт умел вести себя просто чарующе. И остроумием блистал, и кучу интересных историй знал, по большей части, правда, жестоких, с кровавыми развязками, но и такие истории, оказывается, могут веселить. Селена смеялась. Он даже умудрился сострить по поводу четверых матросов, потащивших к выходу обмякший труп

Этти Болджера. Флинт старался понравиться. Он ловил каждое слово Селены, угадывал ее желания. Заказал ей угощение, сам подливал и подкладывал, интересовался, вкусно ли, сладко ли, не крепко ли…

Селена дивилась, однако чувствовала себя польщенной. Ни рабы, ни свободные, ни черные, ни белые до сих пор так ее не жаловали. В утонченном лице этого джентльмена-разбойника она не видела признаков страсти, иногда разгоравшейся в других. От него не разило потом, грязью и ромом, как от других. Зубы его ровны и белы, лицо чуть ли не женское, красивое, а одет — просто неслыханно.

Селена успокоилась. Она улыбалась; смеялась, хохотала.

А Чарли Нил благодарил всех святых, что так легко обошлось… Ну да, всего один труп, один выстрел, нечаянный, разумеется… Начальство поймет, войдет в положение. Во всяком случае, ничья разлохмаченная печень на полу не валяется, и то слава богу.

Еще того лучше, Чарли почуял, что намечается выгодная сделка. И чутье его не обмануло. Вот Флинт завел речь о Селене, о ее возрасте, планах и надеждах, оказавшихся мелкими и легко вы-

полнимыми: чистая постель, полный желудок, немножко доброты… Наконец Флинт сделал решающий ход.

— Мое дорогое дитя, — начал он, напустив на физиономию полную серьезность. — Я оставил в Англии дочь твоего возраста, которую, разумеется, не хотел бы видеть в таком гнезде порока, как это, — он обвел интерьер широким жестом, захватившим и Нила, который уже прикидывал сценарий торга и конечную; цену товара, а также свои действия по замене ценного сотрудника питейного заведения. — Прости мне поспешность моего решения, продиктованного чисто филантропическими устремлениями…

Селена чуть не подавилась этой словесной конструкцией, столь необычной в шумном и грязном питейном зале, в малярийном гнезде приатлантического захолустья.

— Я предлагаю тебе, дорогое дитя, стать моей подопечной, жить на борту моего судна, пользуясь моим покровительством.

Глаза Селены расширились до установленных природой пределов. Глаза Нила сузились в две еле заметпых щелочки. Селена мечтала о свободе. Нил калькулировал прибыль.

— Согласна ли ты, дитя мое? — спросил

Флинт. — Клянусь Всемогущим Существом, которое создало небосвод и землю под ним, что тебе нечего бояться.

Все сказанное им звучало так убедительно, что Билли Бонс, не проронивший ни слова, как зачарованный, кивнул и отозвался, чуть слышным эхом:

— …Нечего бояться…

Селена посмотрела на Флинта. Перевела взгляд на Нила. Оглядела сарай, пытаясь сравнить Флинта с каждым, кого встречала на своем веку. Флинт на этом фоне сиял одинокой звездой в ночи.

— Я согласна, сэр, — выдохнула она. На этом Флинт завершил с Селеной и повернулся к Нилу. Здесь переговоры заняли больше времени. Нил имел все положенные документы, подтверждающие его право собственности на Селену. Он нес ответственность за скопленные ею деньги и заявил, что деньги эти, разумеется, отправятся вместе с Селеной. К чести Нила следует отметить, что он потребовал от Флинта заверений, что деньги останутся в собственности Селены, когда она перейдет под его попечительство.

Все эти формальности, однако, совершились без трений, ко взаимному удовлетворению, а соответствующие записи в гроссбухе Нила показали,

что сделка принесла ему ожидаемые барыши. По заключении переговоров Флинт встал и предложил Селене руку.

— Мистер Бонс, фонари и гребцов. Я возвращаюсь на судно.

Маленькая процессия оставила дом Нила и направилась к берегу под серенаду тысячи кузнечиков. Впереди Флинт вел под руку Селену. Краткий путь, спуск, затем переправа от берега до борта «Моржа», о который стукнулась разогнавшаяся посудинка, Флинт помог Селене подняться на палубу, и вот она уже дивилась путанице такелажа, непостижимой сухопутному взгляду и еще более таинственной в ночной мгле, морщила носик от запаха смолы и дерева, соли и рыбы, всякой дряни, мирно гниющей в дальних углах.

— Прошу в каюту, дорогая моя — пригласил Флинт. Вахтенные и гребцы заухмылялись, принялись переглядываться, перемигиваться и переталкиваться; Билли Бонс выразительно положил кулак левой руки поверх локтя правой, что в древнем международном жесте символизировало напряженный фаллос. Знамо дело, вся эта активность была абсолютно беззвучной и протекала, с помощью Божией и всех Его ангелов, вне поля зрения Флинта.

— Располагайся в моем салоне, — сказал Флинт. — Тебе приготовят ванну со свежей водой и чистую одежду. — Он повернулся к своим людям. — Мистер Бонс, надо обеспечить даму одеждой.

— Женского нет ничего, капитан, но мужское самое-самое маленькое отыщу и доставлю, рубаху, штаны, чин чином.

— И чтоб все чистое, Билли, цыпочка, чистенькое!

— Будет сделано, сэр!

И вот Селена осталась одна в просторном кормовом салоне Флинта, под квартердеком. Прекрасное помещение, обильно меблированное, со столами, креслами, стульями, комодами, украшенное резьбой и росписью. На стенах сверкают сабли, палаши, таинственные навигационные инструменты. В подвесных фонарях горят свечи, в центре установлена ванна с водой, устеленная парусиной для пущей гладкости. Вся эта роскошь вызвала неприятные воспоминания — дом у реки в имении хозяина. Там тоже была шикарная мебель и ванна с водой… Селена тряхнула головой, отгоняя отзвуки прошлого. Здесь она одна, чуть ли не впервые в жизни. Чудеса, да и только! Она заперлась, стянула через голову единственную

свою одежку, подвязала волосы и скользнула в приятную прохладную воду.

Флинт следил за ней.

Его спальная каюта примыкала к кормовому салону, в переборке он проделал неприметную дырочку, к которой и прижался глазом. Все отличью видно: и руки, и ноги, и все рельефы тела, начиная от плеч и ниже — выпуклости и впадины, бедра и ягодицы… Дыхание Флинта потеряло ритмичность, рот наполнился слюной, член напрягся мучительно и болезненно.

Флинт застонал. Позор и проклятие! Он не мог проделать с женщиной того, что так легко и естественно получалось у последнего матроса его команды. Ему приходилось прибегать к уловкам, вот как сейчас. Он сунул руку в штаны и заработал ею, как будто откачивал воду из трюма.

Глава 11

1 февраля 1750 года. Испанская Америка

Флинт уставился на широколицего капитана с соломенными волосами, который, похоже, неплохо изъяснялся на нескольких языках.

— Я англичанин, сэр, — ответил Флинт. — Меня зовут Флинт, я командир этого судна. — Он снял шляпу и поклонился. Флинт понимал, что сила не за ним, поэтому вел себя вежливо. К его удивлению, долговязый тоже сдернул шляпу и отвесил поклон.

— Джон Сильвер, капитан, к вашим услугам. Я с доброго судна «Морж», до сего утра бывшего под командой капитана Джона Мэйсона, Господь упокой его душу.

— Ваш капитан погиб в бою? — удивился Флинт. Тоже, бой! Умудриться погибнуть во время короткой перепалки… Флинт, однако, подлаживался под своего странного посетителя. Если сильный хочет поиграть в джентльмена, слабому остается лишь подыгрывать.

— Погиб, сэр, — горестно вздохнул Сильвер. — Такой капитан! Один из лучших, служивших

под началом доблестного капитана Ингленда, каковой чести я и сам удостоился.

— Капитан Ингленд? Знаменитый пират Ист-Индии?

Флинт поразился без всякого притворства. Об Ингленде и о его баснословных призах он был наслышан.

Сильвер как-то странно улыбнулся.

— Не пират, сэр, нет. Джентльмен удачи. Один из береговых братьев и истинный флибустьер старого стиля. Таким был капитан Ингленд, таким был и капитан Мэйсон. Как только он заметил, что «доны» вас одолевают, он сразу принял решение прийти к вам на помощь. Так поступил бы и Ингленд.

У Флинта шумело в голове. Он не знал, что отвечать. Он понимал каждое из услышанных слов. Но мистер Сильвер составлял из этих слов фразы, смысла которых Джо Флинт осилить никак не мог.

— Вы пришли к нам на помощь, — выдавил из себя Флинт; деревянным голосом, с крайней осторожностью. Инстинкт подсказывал, что с этим парнем надо держаться повежливей, никуда не денешься. Потому что у него и судно больше, да и пушек и людей с лихвой.

— Да, сэр. Мы пришли к вам на помощь, как и заведено со старых добрых времен, как и должны поступать джентльмены удачи. — Он улыбнулся, пожал Флинту руку, глядя ему в глаза, просто, как будто и без задних мыслей. Потом улыбнулся попугаю, прижавшемуся к уху Флинта.

— Славная птица, сэр. Говорит, что добрый христианин, а живет веки вечные.

Сильвер вытянул руку и погладил зеленые перья. Птица дружески ткнулась клювом в его руку. Брови Флинта полезли на лоб. Большинство держалось от зеленого попугая подальше, опасаясь за свои пальцы — и не без основания, надо признать.

— Гм… э-э-э… — промямлил Флинт, так и не поняв намерений Сильвера, но начиная подозревать — скоро что-то прояснится. Во всяком случае, уже очевидна, что Силь вер живет старыми снами, мифами дабайками полувековой давности. А то, может, и чокнутый. Флинт склонялся к последнему заключению, но решил подождать поступков Сильвера, которые последуют за его словами.

Но и дела озадачили Флинта. Сильвер и его люди принялись пособлять экипажу полуразвалившейся «Бетси», помогая раненым, откачивая

воду, расчищая палубу и ремонтируя корабль на скорую руку. После того как уладили самое необходимое для удержания судна на плаву, Сильвер вернулся к Флинту для продолжения разговора.

— Капитан Флинт, я прошу прощения, но так дело не пойдет.

— Не пойдет? — Флинт почувствовал, что по спине прошелся холодок. Вот она, развязка! Он уже представил себя с перерезанной глоткой, летящим за борт на корм рыбешке, крупной и мелкой.

— Нет, сэр, не пойдет. Вас восемнадцать уцелевших да два десятка увечных, судно протекает в нескольких местах, корпус трещит, рангоут в щепки, такелаж рвань… — Сильвер скептическим взором скользил по руинам «Бетси». — И наладить тут ничего толком не получится, уж прошу прощения.

— Мы ведь построили «Бетси» из остатков другого судна, — попытался Флинт защитить свое детище. — В условиях весьма неудобных, с большими трудностями.

— Что не в Бристоле построено, оно, конечно, видно — улыбнулся Сильвер и продолжил: — Так вот, я хотел бы предложить вам с вашими людьми и всем, что можно спасти, перебраться к нам

на борт «Моржа» и стать нашими товарищами.

— Гм… — Флинт ждал подвоха, не понимая, в чем ловушка — А… как же «Бетси»?

— Так ведь… Какая она теперь «Бетси»? Бочка неуправляемая, а не «Бетси». Давайте-ка лучше к нам.

Флинт колебался, размышляя о добыче и понимая, что она ему больше не принадлежит. Добыча достается тому, кто сильнее. Но сразу сдаваться не хотелось. Он опять принялся подыскивать слова.

— Но… э-э… — Непроизвольно взгляд его метнулся к люку в палубе. Сильвер, разумеется, этот взгляд заметил.

— Конечно, капитан, — Сильвер поскреб пальцем нос. — У вас груз в трюмах. Что ж, тоже дело. Перегрузим на «Моржа» и уладим по справедливости, доля на долю, честь по чести, как добрые партнеры.

— Добрые партнеры… — попугаем отозвался Флинт. Невероятно, но, кажется, этот странный Сильвер и вправду имел в виду именно то, что говорил.

— Может, и больше, чем просто партнеры, — продолжал Сильвер. Он слегка склонил голову к плечу, смерил Флинта взглядом — Вы, вроде, настоящий джентльмен, сэр, и умеете кораблем

управлять, курс прокладывать… Таблицами владеете, квадрантом и арифметикой….

Флинт снова занервничал. Черт его поймет, чего он крутит, куда клонит! Но Сильвер еще не закончил.

— Видите ли, сэр, капитана Мэйсона ядром, почитай, пополам разорвало, не склеишь. И обоих помощников убило, такая незадача… Еще один парень есть у нас, но он пока только учится, так что в открытом море некому судно вести. Держать курс мы сумеем, а вот кто его проложит?

— А-а-а… — У Флинта отлегло от сердца. Он почувствовал себя выше и сильнее, и язык развязался; — Дорогой друг, я очень рад, что наши интересы совпадают. Как я, так и мой первый помощник и штурман, мистер Бонс, оба в состоянии: вест судно по небесным светилам.

Облегчение на лице Сильвера обозначилось столь ощутимо, что Флинт чуть было не прекратил опасаться какой-нибудь западни, приготовленной ему хитрыми спасителями.

Прошло несколько часов. С «Бетси» за это время перенесли на борт «Моржа» груз, пожитки экипажа, все, что можно снять полезного. Затем пришла очередь людей. Почтили покойников. Тут Флинт наконец поверил, что Сильвер и его люди

и вправду из иного теста, чем он сам, — Сильвер не пошвырял трупы за борт, как это заведено было на «Бетси». Все проходило как будто под флагом короля Георга. По настоянию Сильвера каждого покойника зашили в его собственную подвесную койку, к ногам прицепили по пушечному ядру. Затем народ обнажил головы, через борт перекинули доску, и один за другим, под переливы дудок боцмана и боцманматов, усопшие скользнули в глубину.

Флинт огляделся на «Морже». Порядки здесь не те, что на «Бетси». Вылощенные палубы без плевков, экипаж общается свободно. Под палубой фонари, голых светильников нет. Такой порядок завел Ингленд, придерживался его и Мэйсон. Сильвер отдал команду, народ принялся за работу. Флинт проложил курс на Саванну, к берегам Джорджии — главным образом, чтобы обзавестись боезапасом. «Морж» в перестрелке с «Эль Тигре» растерял порох и ядра чуть ли не полностью, а оставшиеся на «Бетси» припасы полностью испортила проникшая сквозь пробоины вода.

Откатила горячка срочной работы, наступило затишье, пошли знакомства, разговоры, обмен сплетнями, вживание в новую команду, выиски-

вание мест для коек. Упорядочили смены приема пищи. Флинт более всего интересовался Джоном Сильвером, или же Долговязым Джоном, как его звали за гвардейский рост.

Флинт следил, как Долговязый Джон ловко порхал по судну, сбегал по трапам, иной раз карабкался по вантам. Он знал весь свой экипаж и находил для каждого доброе слово. Читал и писал очень неплохо, а в счете оказался на удивление ловок, что и продемонстрировал при пересчете и разделе приза. Но в остальном — матрос матросом, вплоть до мозолистых ладоней с въевшейся в них смолой.

Больше всего Флинта впечатлило, как Сильвера уважает команда. Без оплеух и ругательств они вскакивали и бежали исполнять приказы Долговязого Джона, отдаваемые им спокойным голосом. Но стать его говорила о том, что ударить он может и что удар у него сокрушительный.

В течение следующих дней и недель Флинт наблюдал за происходившим на «Морже», и в его уродливой душе зародилась какая-то чахлая симпатия к Сильверу, как зеленый росток из навозной кучи. Будь Флинт способен к самооценке (а он не был к ней способен), он заметил бы: все, что ему нравится в Сильвере, прямо противопо-

ложно его собственным качествам.

Мысли Флинта о Сильвере словами не выражались. Он их толком даже и не осознавал, но в глубине его скрюченного разума возникло и крепло это страшное и тревожное ощущение.

Через несколько дней после того, как остатки экипажа «Бетси» влились в команду «Моржа», при мягкой погоде и благоприятном ветерке Сильвер собрал свою команду и людей с «Бетси». Джон объявил, что надо сделать все по правилам, честь по чести и подписать Артикулы. Флинт ничего не понял, но некоторые его люди уже знали, о чем идет речь.

— Я ставлю свою метку, — сказал Израэль Хендс.

— А я б сперва глянул на это дело, — проворчал Билли Бонс.

— Глянул бы? — удивился Флинт, пытаясь поверить, что Бонс решился на что-то нежданное.

— Да, кэп. Арте… Артиклы… Черт… Артикулы. Береговые братья. У них такой тут порядок.

— Какие братья?

— Береговые, кэп, — терпеливо повторил Билли Бонс, как будто просвещал неразумного малыша. Сам он уже побеседовал с одним-другим членом экипажа «Моржа» и нахватался отрывочных

сведений об этом.

— Дубина, — отозвался Флинт шепотом — Береговые братья остались в прошлом, еще когда твой дед пешком под стол гулял…:

— Вот тут у нас судовые Артикулы, — не дав Флинту завершить фразу, громогласно возгласил Сильвер, предъявляя толстую книгу, очень похожую на ту, в которой он лихо расписался когда-то в присутствии капитана Ингленда. — Я прошу мистера Флинта прочитать ее громко для всех, кто в грамоте не силен. — И он вручил книгу Флинту. — Погромче, сэр. Чтобы все слышали.

Флинт открыл книгу и просмотрел рукописные статьи. Обвел взглядом загорелые лица, глаза, выжидательно уставившиеся на него. Резво несся на попутном ветру «Морж», ветер играл в парусах, фалах,[41] пузырилась и журчала вдоль бортов вода. Флинт не стал ломаться, откашлялся и принялся читать. Лишь в одном месте он споткнулся, где имя капитана Мэйсона вычеркнула аккуратная красная линия.

— Здесь что? — спросил Флинт.

— Пока ничего, — успокоил Сильвер — Пока держим курс и следуем в гавань.

---

[41] Примечания: 41

Фалы — снастм, служащие для подъема и спуска парусов и флага.

Когда Флинт дочитал до конца, ему и всем, поднявшимся на борт «Моржа», предложили в этой книге расписаться. Даже лежачих раненых подняли на палубу для этого. И они последовали приглашению. Флинт, Билли Бонс и еще пара-другая вписали свои имена, остальные же отметились крестиками и иными знаками. К концу церемонии Флинт, к своему изумлению, изменил о ней мнение. Сначала ему приходилось скрывать презрение к этому детскому кривлянию — таковым он считал принесение пиратской присяги. Но затем он осознал весь ее смысл. Они же тут как дети, и книга оказывала на них магическое воздействие. Книга, слова, торжественная обстановка… Все это придавало преступному промыслу налет законности, которого лишилась команда, отколовшаяся от флота короля Георга.

Однако неожиданности на этом не закончились.

— Теперь мы все веселые друзья, — обратился Сильвер ко всей команде, ставшей единой с новичками с «Бетси». — По традиции следует избрать капитана. Пусть любой брат выступит и предложит, кого он пожелает.

— Долговязый Джон! — тут же раздался рев мощных глоток. — Капитан Сильвер!

— Нет, ребята, — возразил Сильвер. — Не получится. Капитаном должен быть джентльмен с квартердека, способный вести судно в открытом море. — Сильвер не сводил взгляда с Флинта, который онемел от неожиданности, полагая, что вся эта бессмыслица ему снится…

«Неужто этот идиот отдаст мне корабль? — думал Флинт. — Что за чушь!»

Но Долговязый Джон еще не закончил.

— Каждый знает, что я не навигатор.

— К черту навигацию! Нам нужен капитан Долговязый Джон! Да здравствует Долговязый Джон! Кто другой хоть вполовину такой же моряк, как он? — раздались крики из команды.

— Ур-ра-а!

В воздух полетели; шляпы, над головами вздымались сабли и мушкеты. Но Сильвер покачал головой и поднял обе руки над головой, призывая к молчанию.

— Нет-нет, ребята, и на этом точка. Мой голос за капитана Флинта. Он настоящий джентльмен, вышел из флота короля Георга. Что вы скажете о капитане Флинте?

Да ничего они не хотели говорить о капитане Флинте. Они и слышать о нем не хотели. Даже те, кто пришел с ним с «Бетси». Особенно те, кто

пришел с ним с «Бетси». Уж они-то знали, чего ждать от Флинта. Но сладкоречивый Сильвер всех уговорил. Откуда у него такой дар убеждения? Все от Бога, ибо слишком ученым его никак не назовешь, книг он не читал, с наставниками не общался. Все искреннее, от души.

Флинт наблюдал за происходящим, как из ложи в театре. Изумлению его не было предела. Сильвер отдавал ему команду, сервировал капитанство на тарелочке — в это Флинт не мог поверить. Сильвер, в котором все качества руководителя совмещены в наилучшем сочетании! Сильвер, от которого команда не хотела отказываться! Это не только вне понимания, это почти невыносимо. Флинт не верил, что такое может длиться долго. Он мучительно подозревал ловушку, но не видел ее, и это беспокоило его еще сильнее. Оставалось лишь ждать развития событий.

Глава 12

25 июня 1752 года. Южная Карибика. Борт «Моржа»

Ночь. «Морж» ныряет острым носом в тяжкую волну. Бак задраен наглухо, чтобы поменьше черпать из-за борта.

Джобо принайтовил раненых к подвесным койкам, и Долговязый Джон мотался в воздухе вместе с остальными. Его охватил жар, он бредил, приходил в сознание, снова забывался. Он мучался. Страшная рана жгла, зудела, мозг горел от сознания накатившей беспомощности. Джон стонал и молился Богу, которого давно оставил. Сначала он просил о возвращении ноги, умолял Творца Вселенной сотворить ему одну-единственную конечность, чтобы снова оказаться здоровым, чтобы не остаться жалкой развалиной.

Когда Долговязый Джон понял, что это невозможно, он возжелал смерти. Теперь он умолял не только Бога. Он бы и без Бога обошелся, будь у него под рукой заряженный пистолет. Он просил всех: Джобо, Израэля Хендса, Селену. Никто не пришел к нему, только Селена, да и та в мечтах.

Его разум едва держался на ниточке, по юмора в нем хватило, чтобы искажавшая лицо мучительная гримаса приобрела сходство с ухмылкой: при мысли о Селене, как и всегда, он ощутил желание. Смешно…

— Ха-ха, Джон Сильвер, — проскрипел он сам себе. — Хоть одна здоровая конечность у тебя осталась.

И он вспомнил, как впервые встретился с Селеной. Тогда он увидел плакат на стене в гавани на берегах Саванны в Южной Каролине:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ УБИЙЦА

Награда в 50 гиней золотом обещана мистером Арчибальдом Делакруа тому, кто доставит на плантацию Делакруа под Кемденом

МОЛОДУЮ НЕГРИТЯНКУ СЕЛЕНУ.

Без клейма;

шестнадцати годов отроду, стройного сложения,

росту в пять футов и три дюйма.

Волос густой, фигура хорошая, без изъянов,

лицом красива, зубы белые.

Глаза большие, нос милый, руки длин-

ные.

Законная собственность мистера Фицроя Делакруа,

какового она подло и жестоко убила.

Сильвер заснул, во сне Селена явилась ему. Но когда он проснулся, рядом сидел Флинт. Еще не открывая глаз, Джон услышал скрежетание и царапанье попугая. Он разжал глаза, попытался подавить тошноту и слабость. Ему не хотелось проявлять слабость в компании Флинта.

— Джон, дружище, — озабоченно обратился к нему Флинт. — Как дела, приятель? Ноги не хватает?

Долговязый Джон попытался вспомнить, где он и что случилось. Оглядевшись, он обнаружил, что находится в носовом кубрике, на баке, в койке. Сильвер попытался всмотреться в расплывающуюся фигуру Флинта с зеленым пятном попугая на плече, который мотал головой и щипал хозяина за ухо.

— Джон, дружище, это твой старый друг Джо Флинт, я пришел на помощь.

Долговязый Джон различил улыбку на физиономии Флинта, понял, что он с ним один на один, и почувствовал себя крайне неуютно. Другие,

очевидно, выздоровели или перемерли и отравились кормить рыб.

— Давно я здесь? — спросил Долговязый Джон.

— Давненько, старый друг, давненько. — Флинт оскалил в улыбке белые зубы. Чарующая улыбка у мерзавца, ничего не скажешь.

— Джобо! — позвал Долговязый Джон. — Дай рому, ленивая скотина.

— Нет здесь Джобо, друг, я один, специально пришел, чтобы с тобой перемолвиться словечком наедине.

— Джобо! Израэль! Джор… — еле слышный шепот Сильвера прервался. Правая рука Флинта перекрыла его рот.

— Что может быть прекраснее? Два старых друга вместе. Жаль, что это ненадолго.

Флинт вытащил нож с длинным узким лезвием. Он перехватил рот Долговязого Джона левой рукой, а правой поднес стилет к его носу. Попугай захлопал крыльями, взлетел с плеча Флинта и вылетел в люк.

— Не беспокойся, друг, я быстро, ради старой дружбы. Быстро и незаметно. Надо, надо, что поделаешь….

21 февраля 1749 года. Остров

Билли Бонс тяжело шагал, по песку, направляясь к часовому возле гальюнной траншеи.

Луна рассеивала ночную тьму, поэтому часовой легко распознал мистера Бонса по могучей фигуре и синему офицерскому сюртуку с рядами блестящих пуговиц. Ну, и пыхтеть так, как мистер Бонс, тоже никому в команде не удавалось. Пыхтенье его звучало здесь протестом против затрудняющего ходьбу мягкого песка и жаркого климата.

Часовой вытянулся по стойке «смирно» и кисло прикинул, к чему это толстое чучело вздумает сейчас придраться. Начальство всегда найдет, за что устроить взбучку, если задастся целью отравить жизнь служивому. Мало того, что он торчит здесь, у вонючей ямы, следя, чтобы матросы аккуратно присыпали свое дерьмо песочком, так еще этот мистер ублюдок Билли приперся посмотреть, аккуратно ли содержатся испражнения. Обычно караулы проверяли мичмана, и ничем страшным это не грозило. Мичман на ходу бросал: «Все в порядке?» — и быстро скрывался, зажав нос. Но теперь часовой почуял, как на спине, вроде, ледок вырос. «Бог ты мой!» — по-

думал он, сообразив, что ежели сам мистер Бонс наведался проверить караул, то вслед за ним может объявиться и мистер, чтоб ему его попугай глаза повыклевал… ФЛИНТ!

— Пыфф-пуфф… Вольно… Все в порядке?

— Так точно, сэр! — отрапортовал часовой, не слишком доверяя команде «вольно».

— Ффуфф… — изрек Билли Бонс и всмотрелся во тьму, как будто там скрывались несметные орды дикарей с копьями и отравленными стрелами. И чего он туда уставился?! Остров-то необитаемый, это всем давно известно.

— Поглядывай — наставительно изрек Билли Бонс.

— Есть, сэр!

Вопреки ожиданиям часового Билли Бонс не удалился, более того — снизошел до беседы.

— Дьявольская жара…

— Так точно, сэр!

— Только лихорадки нам не хватало, сто чертей в задницу…

— Так точно, сэр!

Еще пара глубокомысленных замечаний мистера Бонса, и у ямы появился некий Эммануил Пью. Звали его Бешеным Пью, а все из-за того, что говорил он как-то странно, все сбивался на

непонятную речь… Да и в голове у него намешано было немало.

Мистер Билли Бонс молча попыхтел, выжидая, пока Пью справит над ямой нужду, натянет штаны и застегнет пряжки, после чего удостоил Пью вниманием.

— Эй, ты! Загребай толком, не то я тебе всю спину разгребу!

Пью в ужасе подпрыгнул и завалил песком чуть ли не полканавы, чтобы только угодить мистеру Бонсу.

— А теперь марш в лагерь, — приказал мистер Бонс — А я рядышком пройдусь, постерегу твою задницу, чтоб тебя ненароком кто-нибудь в океан не смахнул.

Часовой, облегченно вздохнув, проследил, как удалились от канавы обе фигуры, одна — громоздкая, пыхтящая и регулярно клянущая все вокруг, другая — тощая, нервная и кособокая.

«И поделом Пью, — подумал часовой. — Глядишь, поумнеет, придурок…»

Бешеный Пью, однако, не случайно оказался жертвой Билли Бонса, как решил часовой. Именно ради него мистер Бонс и пожаловал к вонючей канаве. И снова Билли подивился острому глазу Флинта, его способности заметить привычки и

проникнуть в матросские головы. Флинт знал, что Пью ходит к яме позже других, чтобы никто ему не мешал, не толкал и не отвлекал Ну, есть такие люди на свете. И наблюдательность Флинта дала Билли Бонсу возможность побеседовать с Пью наедине, чтобы никто не подслушал. Так Бонс изложил Пью некоторые соображения, кое-что предложил, кое о чем выспросил, не рискуя ни своей головой, ни головой собеседника. А уж лейтенант Флинт тут вообще ни при чем, в случае чего. Он-то при беседе не присутствовал! Более того, Флинт первый бы обвинил Бонса, если бы кто-нибудь подслушал его беседу с Пью и донес на обоих. И повесил бы без разговоров. Так-то…

В ходе задушевной беседы Билли Бонс прощупал Пью, объяснил ему, что капитан Спрингер решил обойтись без него, но есть способ этой беде помочь. Пью поначалу ошалел от изумления, но вскоре свою выгоду понял.

В течение следующих недель Билли Бонс столь же задушевно и по тому же сценарию побеседовал еще с некоторыми членами команды, присмотренными Флинтом, Беседы всегда проводились в отсутствие третьих лиц и, разумеется, в отсутствие лейтенанта Флинта. Все отобранные оказались, как один, умелые моряки, способные в

совокупности составить ядро команды. Бен Ганн — рулевой, Израэль Хендс — помощник пушкаря, Питер Блэк, более известный под прозвищем Черный Пес, — плотник, Дарби МакГроу — оружейник. Все они вместе с парусных дел мастером Бешеным Пью стали ключевыми фигурами плана Флинта, но были и другие. Ведь надо же кому-то и паруса ставить, и палубу скрести…

Весь опасный план родился в голове Флинта, но риск он переложил на горб Билли Бонса. Джо Флинт вовсе не был таким знатоком человеческих душ, каким себя мнил. Он ценил юмор ситуации, в которой Бонс стоял между его особой и опасностью, Флинт представлял, как Бонс опешил бы, осознай он, как подставил его мудрый лейтенант. Однако преданность Флинту подвигла бы Билли на этот риск, даже если бы лейтенант был с ним честен и откровенен. Но на такое прозрение Джо Флинт не был способен.

Тем временем на берегу Северной бухты рядом с трупом «Элизабет» успешно развивался зародыш ее дочурки «Бетси». Команда плотника заложила киль, подняла шпангоуты,[42] принялась за

[42] Примечания: 42

Шпангоуты — поперечные брусья в. — остове судна, служащие основой для обшивки.

обшивку. Вживили бимсы,[43] приспособили к новым мачтам старые реи, принялись за оснастку, перенесли помпы и кабестаны — в общем, делали все, чтобы судно смогло выйти в открытое море.

В процессе этой полезной и весьма важной деятельности мистер Флинт тоже не бездельничал, он занимался сооружением внушительного укрепленного пункта в другом конце острова. На общение с Билли Боксом у него, разумеется, не оставалось времени. Флинт увел с собой примерно половину команды, взяв месячный запас пищи и все инструменты, которые позволил; забрать плотник. Они совершили переход через остров, во время которого Флинт внимательно вникал в особенности местности. Место он выбрал на поросшем лесом холме, почти на вершине которого выбивался наружу ручеек прозрачной, прохладной воды.

— Свалить весь лес в радиусе мушкетного выстрела, — приказал Флинт двум гардемаринам, которых захватил с собой в качестве помощников.

Флинт поскреб ногтем макушку своего попугая. Это вошло у него в привычку — так лейтенант

---

[43] Примечания: 43

Бимсы — балки, соединяющие борта корабля; служат основанием палубы.

делал, когда углублялся в размышления. Гардемарины переглянулись, затем прикинули объем работы и порадовались, что им самим не придется махать топорами.

— Ветки обрубить, стволы окорить, они пойдут на сруб. По этому плану построим блокгауз. — Флинт вытащил скатанную в трубку бумагу и огляделся в густом, жужжащем множеством насекомых и пахнущем смолою лесу. Толстые стволы взмывали из песчаной почвы. Природа не предусмотрела здесь стола для лейтенанта Флинта. Ни куста, ни валуна, ни складки местности. Буквально не на что положить план.

— Эй, Биллингсгейт! — крикнул Флинт одному из матросов, стоявших поодаль с тяжелым рулоном парусины для палаток. — Живо сюда! — Матрос скинул с плеча ткань и поспешил к Флинту. — Ну, молодец, — сиял улыбкой Флинт. — На колени, живо, — Флинт тычком в затылок помог матросу занять желаемое положение на всех четырех точках. — И не вздумай дергаться; шкуру сниму.

Соорудив себе живой столик, Флинт разложил на нем план. Как и все, что делал лейтенант, план оказался грамотно выполненным и аккуратно вычерченным. Планируемая постройка пред-

ставляла собой бревенчатый форт с бойницами; окруженный палисадом из заострённых бревен. Гардемарины склонились над планом, изучая его. Наиболее умный — или, наоборот, менее сообразительный — мистер Гастингс, пятнадцати лет, нахмурился.

— Прошу прощения, сэр, но этот план предназначен для обороны от уже высадившегося противника. Было бы лучше ориентировать укрепление на оборону со стороны… Ай!

Его прервал врезавшийся в ребра локоть более сообразительного товарища, мистера Пови. Гастингс вскинул голову и увидел улыбку мистера Флинта. Гардемарин, разумеется, был совершенно прав. Блокгауз Флинта представлял собой полную бессмыслицу. Угрозу представлял только океан, так что в целях обороны следовало обезопасить батареями те немногие места, куда могли приблизиться суда и лодки с десантом. Но, с точки зрения лейтенанта, постройка блокгауза была идеей мудрой, ибо подчеркивала его, Флинта, полную неосведомленность относительно подлых замыслов мистера Бонса в другом конце острова.

— Мистер боцман! — крикнул Флинт, и Том Морган, исполняющий обязанности боцмана,

появился из-за деревьев. — Сломайте-ка ветку да всыпьте этому юному умнику пару дюжин по заднице. — Гастингс побледнел. Флинт повернул голову в сторону второго гардемарина. — И этому столько же. Такой же наглый. — Лучезарно улыбаясь, Флинт почесал затылок попугая. — Что за манера у молодых людей поучать старших!

Через две недели блокгауз уже стоял, готовый к использованию. Вместо леса вокруг простиралась обширная поляна, торчали пни, оставшиеся от деревьев, из которых выстроили крепость. Это сооружение позволяло вести огонь во все стороны; его окружал шестифутовый палисад, способный задержать противника, но не дававший ему укрытия.

Если бы в этом блокгаузе и вправду была нужда, он бы прекрасно выполнял свои функции. Флинт подумал даже о такой мелочи, как накопительный бассейн для источника. Он приказал притащить в блокгауз большой корабельный котел, выбить из него дно и погрузить в землю возле истока ручья, и бак постоянно оставался заполненным свежей водой.

Завершив строительство, Флинт оставил в блокгаузе гарнизон из четырех морских пехотинцев и повел свою команду в обратный путь, к Северной

бухте, к «Элизабет», «Бетси» и капитану Спрингеру. Длинная вереница тяжело нагруженных, согласно замыслу Флинта, людей растянулась по лесу. Без потерь не обошлось, и они оказались существенными. Один матрос сломал ногу, другой потерялся, четверо натерли плечи ремнями мешков до пузырей, четырнадцать человек пострадали от ожогов ядовитых растений, Флинт усердно принялся лечить страдальцев. Всем, кто не уберегся от местной ядовитой крапивы, он прописал по дюжине за небрежность; две дюжины за глупость получил заблудившийся; по три дюжины — матросы с натертыми плечами за неумение приладить груз; а сломавшего ногу ожидали, как только он сможет снова стоять, аж четыре дюжины ударов за то, что привел себя в состояние, непригодное для несения службы.

Кроме этих наказаний Флинт изобрел и другие пытки для почти всех членов похода. Из трех сотен матросов и младших командиров мало кто остался с целой спиной и с неущемленным достоинством. Унизить человека Флинт был большой мастер.

«Бетси» тем временем приобрела вид настоящего судна, хотя и меньшего, чем ее матушка «Элизабет». Плотницкая команда, заканчивала

смолить и красить конструкции, чтобы хоть ненадолго задержать прожорливых жуков-древоточцев. Оставалось налечь на кабестан и спустить судно в воду по уже проложенным и смазанным направляющим стапелям.

Флинт увидел, что настал момент истины. В отдалении от лагеря он устроил встречу ключевых участников заговора, включая Билли Бонса, Израэля Хендса и Черного Пса, то есть самых умных. Каждому из них Флинт лично разъяснил, что им предстоит исполнить, и заставил каждого повторить столько раз, сколько требовалось, чтобы они как следует поняли и запомнили. Хендс и Черный Пес схватили с лету, но с остальными олухами пришлось повозиться, сдерживая себя и погоняя их, пока они с грехом пополам, мямля и заикаясь, не повторили свои задания.

Наступила самая ответственная фаза операции, ибо теперь уж Джозеф Флинт не мог более отговориться незнанием. Теперь опасность угрожала ему лично.

Глава 13

25 июня 1752 года. Юго-западная Атлантика. Борт «Моржа»

— Чего тебе тут надо? — раздался сердитый голос за спиной.

Флинт дернулся, как от удара. Он гордился своей способностью обнаруживать любого, кто пытался подкрасться к нему незамеченным, а тут его застали врасплох. Должно быть, потому, что он так увлекся делом. К любому занятию Флинт подходил добросовестно.

— Селена, дорогая… — пробормотал он, не оборачиваясь.

Долговязый Джон услышал быстрые шаги, увидел ее голову и плечи рядом с фигурой Флинта. Он разглядел улыбку Флинта и злость на ее лице.

— Израэль Хендс! — крикнула Селена. — Живо беги сюда!

Послышались еще шаги, и появился Израэль Хендс. Теперь над Сильвером нависли три расплывающихся силуэта. Словно какая-то игра, в которой он, Долговязый Джон Сильвер, не участвует, за которой даже следить толком не может.

Вот они: ненавидящий его Флинт, Селена… Сильвер надеялся, что она относится к нему получше… И Израэль Хендс, покорный раб Селены, не смеющий к ней и пальцем притронуться.

На Флинта Селена не обращала внимания. С ним толковать не о чем. Она обратилась к Израэлю Хендсу.

— Следи за ним днем и ночью. — Она оттолкнула руку Флинта, изображавшего живейшее участие и сострадание к искалеченному боевому товарищу, от лба Долговязого Джона.

— Есть, мисс Селена!

— Следить, не спуская глаз, — подчеркнула Селена. — Установи вахту. Чтоб комар не пролетел. Как в Бристоле заведено, понял?

В Бристоле Селена не бывала; как и что там заведено, понятия не имела. Не знала даже, что Бристоль — это большой город и порт. Но слухом ее Господь не обидел, соображением тоже, и она понимала, как следует себя вести с моряками. Флинт фыркнул, изображая веселье, но Израэль Хендс сохранял полную серьезность. Он вскинул руку ко лбу и топнул в форменном морском салюте.

— Есть, мисс Селена! — повторил он.

— Живо организуй!

— Есть, мисс Селена! — Израэль Хендс исчез.

Селена перевела взгляд на Флинта. Тот обдумывал развитие событий. Это его судно. Он командует кораблем. Но в то же время это судно и Долговязого Джона. У каждого свои сторонники. Так же, как Билли Бонс человек Флинта, Израэль Хендс смотрит в рот Долговязому Джону. И команда делится поровну. Последний бой поубавил народу, но соотношения не изменил. А тут вот еще командирша выискалась.

Флинт лучился улыбкой, про себя же сыпал проклятиями и гадал, сколько это еще протянется.

Внимание его привлекли шум и смех, донесшиеся с квартердека. Он нахмурился, навострил ухо, замер. Придуриваются, для беспокойства нет оснований. Он повернулся к Селене.

— Благословенна будь, дорогая, — елейно вымолвил Флинт. — Оставляю эту скорбящую христианскую душу на твое попечение, ибо Господь, похоже, забыл о нем. — Он перевел взгляд на Долговязого Джона — Не так ли, приятель?

Флинт удалился.

Селена нагнулась над Долговязым Джоном, подняла его руку. Койка закачалась.

— Что он тут делал? Тебе больно?

— Нет, — сумел вымолвить Долговязый Джон и

даже попытался шевельнуть головой, воодушевленный ее интересом к его особе. Вспыхнувшая в его душе искра радости действительно погасила боль. Он вздохнул.

— Пить…

Селена исчезла и тут же появилась с кружкой.

— Пей. — Она поднесла кружку к губам, приподняла его голову. Затем опустила голову и отерла лицо. Селена оставалась бесстрастной, никто не видел ее улыбающейся. Лицо ее было вообще как будто без всякого выражения, не понять ее. Но то, что она делала, говорило лучше слов. Она задержалась у Сильвера до возвращения Израэля Хендса с корабельным хирургом Коудреем и его помощником Джобо, мокрым и нетвердо держащимся на ногах.

— О-о, мистер Сильвер, рад, что вы очнулись, — сказал Коудрей. Он виновато моргнул и добавил: — Сожалею, что оставил вас одного. Я приказал этому оболтусу сидеть с вами, — он грозно глянул на Джобо. — Но капитан Флинт выдал ему бутылку и гинею и велел напиться.

— И он нарезался, как свинья, — подхватил Израэлъ Хендс. — Но мы нашли-таки эту крысу

лазаретную, подвесили его на булинь[44] да окунули в воду, за борт. И макали, макали, покуда он не очухался. — Он повернулся к Джобо. — Как, приятель, полегчало?

— Ну… — неуверенно согласился Джобо.

— Смотри, теперь без фокусов! — грозно отрезала Селена, глядя на Джобо, и снова переключилась на Хендса. — Остаешься старшим. Отвечаешь мне за него.

Коудрей только поднял бровь, слушая, как чернокожая девица уверенно командует моряками, а Долговязый Джон чуть было не рассмеялся. Но тут же потерял сознание.

Когда он очнулся, рядом «несли вахту» Израэль Хендс и Джобо. Они точили лясы, играли в кости на долю добычи. Долговязый Джон покосился на них. Сомневался он, что эта парочка сможет помешать Флинту учинить затеянное.

---

[44] Примечания: 44

Булинь — веревка для вытягивания наветренной стороны паруса к ветру.

Глава 14

24 марта 1749 года. Остров

Наутро после тайного совещания, когда Флинт лишился путей отступления и слишком многие узнали о его преступных намерениях, он отправился к капитану Спрингеру.

Капитан беспробудно пил уже которую неделю подряд. Выглядел он, по мнению Флинта, не лучше, чем погубленная им «Элизабет». Он буквально заживо разлагался, гнил в своей палатке. Флинт выругался. Судя по тому, как Спрингер выглядел, дело затянется еще на неделю, а то и дольше. То есть на столько, сколько потребуется, чтобы привести Спрингера хотя бы к подобию нормального обличья. Вследствие невменяемости капитана Флинт отыскал обслуживавшего его бедолагу. Этого матросика Флинт передал Билли Бонсу с указанием внушить ему, что его хозяин с этого момента не должен получать ни капли спиртного, как бы он ни просил и чем бы ни угрожал.

Флинту повезло — Спрингер оказался не из слабого десятка. Печень этого пьяницы очищала

его нутро настолько успешно, что позволила ему достаточно протрезветь в течение одного дня.

Еще день прошел в борьбе с раскалывающей череп капитана головной болью. И после очистительной рвоты Спрингер наконец смог ходить и разговаривать. На следующее утро его удалось отмыть, побрить и облачить в чистое белье. Флинт снова явился к капитану с докладом. Как заместитель капитана и его представитель на время недомогания Спрингера, Флинт поведал о ходе событий в нужном ключе и с точно отмеренной дозой несоответствия реальности, потребной для того, чтобы направить действия капитана по ложной тропе, верным, с точки зрения Флинта, курсом.

Совершив все необходимые подвиги, Флинт скромно, чуть ли не подобострастно замер перед капитаном, держа шляпу в руках. Спрингер уставился на лейтенанта желтыми, с красным подбоем, глазами, наполненными ненавистью такой тяжести, что оставалось лишь подивиться, как капитан не ушел в землю по горло. Но долг свой Спрингер знал — во всяком случае, воображал, что знал, — и исполнить его не колебался.

— Построй команду, придурок, — проворчал он. — Все из-за тебя, и ты за все ответишь, дай

только в эскадру вернуться.

— Есть, сэр, — кротко промурлыкал Флинт, потупив глаза. Он выслушал еще с десяток напутственных ругательств и направился исполнять приказ. Найдя первым делом Билли Бонса, он вдолбил ему последние наставления.

Через полчаса каждая живая душа на острове, за исключением четырех морских пехотинцев, оставленных охранять бесполезный блокгауз, торчала на солнцепеке перед палатками и почти готовой к отплытию «Бетси». Засевшая на песчаной банке, разобранная по досочке, «Элизабет» как будто с укором взирала на происходящее.

Спрингер тяжело взгромоздился на ящик, чтобы продемонстрировать себя народу. Он нещадно потел в сюртуке и шляпе, но форму приходилось соблюдать, особенно с учетом донельзя гадкого настроения команды. Спрингер такого еще не видел, а посему выставил подбородок и ожесточенно сжал кулаки. Он не потерпит от подчиненных какого-то там «настроения»!

При нем стояли, тоже в традиционных синих мундирах, лейтенант Флинт (а при лейтенанте Билли Бонс), мичмана, гардемарины, хирург, казначей да группа младшего командного состава, включая боцмана, пушкаря и плотника.

Присутствовали также двадцать девять морских пехотинцев при мушкетах и штыках под командой сержанта Доусона и двух капралов.

Перед капитаном Спрингером выстроились, разделенные на вахты правого и левого борта, примерно две сотни палубного, парусного, трюмного и иного корабельного люда. Спрингер скрипнул зубами, возмущенный наглостью матросни, ворчащей и мрачно, исподлобья косящейся на своего капитана.

— Молчать на палубе! — гаркнул капитан.

Не слишком точно они выполнили приказ, но, во всяком случае, экипаж ожидал, что капитан преподнесет, и дождался. Не очень много сказал Спрингер и не слишком умно. Не оратором он родился на этот свет. Капитан рявкнул, что дело матросов повиноваться и исполнять свой долг перед Богом и королем Георгом, и упаси Господь отлынивать от этой святой обязанности! Так как всю команду и без того замордовали всяческими придирками и наказаниями, то услышанное никого не воодушевило. Однако Спрингер не ведал предыстории, проспав все самое существенное в пьяном состоянии, и продолжил речь, перейдя к теме первого плавания нового суденышка.

— Наш новый корабль готов к выходу, он дой-

дет до Ямайки, — проскрипел капитан, ткнув тростью в сторону «Бетси». — Доброе судно, полста народу поднимет запросто…

Тут его речь прервал животный рык матросской толпы.

— Молчать! — заорал Спрингер, но сам не услышал своего голоса. Флинт едва сдержал смех, радуясь тому, как мастерски вступили подготовленные им актеры.

— А как насчет «донов»?!

— Что, если они вернутся?

— У-у-у-у-у-у!..

— Ы-ы-ы-ы-ы-ы!..

— Что? — опешил Спрингер. — Какие «доны»?

— Которых видели с Подзорной Трубы!

— Которые искали место высадки!

— Которые всех нас здесь перережут!

Орали уже не только актеры Флинта. Никого не радовала перспектива попасть в лапы испанцев. Лягушатники или голландцы — одно дело… Ну, там, португальцы еще куда ни шло… Но «доны»…

— Мистер Флинт, — обратился Спрингер к подчиненному. — О чем эти дуболомы болтают?

— Ума не приложу, сэр, — ответил Флинт с ухмылкой. — Может, у них и спросить?

Спрингер вгляделся в глаза Флинта, силясь понять, что за каша тут заваривается.

— Сукин сын, — выругался Спрингер, прикидывая, что ему делать дальше. Его нерешительность команда истолковала как реакцию уличенного.

— Глянь, ребята! — крикнул Израэль Хендс — Он же все знал, сразу видать! Хотел бросить нас в зубы испанцам!

— Нет, нет! — закричал Спрингер — Нет! Судно возьмет добрых пятьдесят человек, может, и больше, и я вернусь за…

— Кто эти пятьдесят? — в ужасе завопил Джордж Мерри. — И кто останется? — На волне эмоций, захлестнувшей матросскую массу, Мерри, который умом не блистал, уже настолько вжился в выученную им роль, что верил каждому своему слову.

Толпа взвыла и подалась вперед.

— Сержант! — завопил капитан, но Доусон уже скомандовал;

— Го-товсь!

Двадцать девять мушкетов легли на левые руки стрелков и щелкнули курками. Но это толпу не отрезвило.

— Сволочи! — завопил Израэль Хендс, приступая к исполнению самой ответственной части

отведенной ему роли. Он вытащил из-под одежды пистолет, достаточно маленький, чтобы его можно было спрятать, и понесся вперед, пользуясь тем, что стволы мушкетов пока еще смотрели в небо.

Хлоп! Пистолет в руке Хендса плюнул пламенем, дымом и пулей, раздробизшей челюсть одного из морских пехотинцев. Первая кровь! Бедняга бился и вопил, но его товарищи выпрямились, как их учили, и вскинули оружие…

— Целься! — отдал приказание Доусон.

Хлоп! — выстрелил второй из пары пистолетов Флинта. Черный Пес послал пулю Бог весть куда. Рев толпы усилился, из нее в строй стрелков полетели двухфунтовые ядра шарнирной пушки, заблаговременно распределенные среди заговорщиков Билли Бонсом. Один из морских пехотинцев упал без сознания, оглушенный ударом.

— Стреляй! — завопил Спрингер.

— Пли! — скомандовал Доусон.

Ба-ба-ба-ба-бах! Двадцать семь мушкетов дохнули жарким залпом, опалив физиономии и волосы тех, кто успел подбежать почти вплотную. Капитан Спрингер вытащил свой пистолет и добавил шума, разрядив оружие в Израэля Хендса, мчав-

шегося к нему с ножом.

Пятнадцать нападавших рухнули, сраженные мушкетными пулями, а капитан Спрингер свалился с ящика без большого, указательного и среднего пальцев, оторванных разорвавшимся стволом его пистолета, и лишившись также глаза — его выбил отлетевший осколок ствола. Оглушенный и ослепленный, он не заметил, как Израэль Хендс, не обращая на него внимания, пронесся мимо, догоняя мистера Флинта, мистера Бонса, Черного Пса, Джорджа Мерри и около полусотни других.

Эти избранные скрылись в джунглях, а оставшиеся моряки схватились с морской пехотой и офицерами. Штыки, кортики и сабли против ножей и кулаков.

Перезарядить мушкеты, разумеется, не оставалось никакого шанса. Дикая драка продолжалась до полного истощения сторон. Уцелевшие с ужасом пытались понять, что они натворили. Точнее, что с ними натворил хитроумный лейтенант Флинт.

Успокоились навеки сорок пять человек, включая большинство морских пехотинцев и гардемаринов, сержанта Доусона, капитана Спрингера, почти весь младший командный состав и мно-

жество матросов. Раненых оказалось намного больше, были среди них и тяжело пострадавшие. Но еще тяжелее оказались последствия морального плана. Большинство уцелевших были отныне мертвы в глазах закона, поставили себя вне его. Служба, которую они предали, отправила бы многих прямиком на виселицу.

Уцелевших морских пехотинцев это не касалось; Двоих гардемаринов — тоже, как и всех тех, кто дрался за короля и его закон. Но остальные показали себя мятежниками, к тому же самыми гнусными. Таких королевский флот никогда не простит — они убили своего капитана. Жизнь этим преступникам могло спасти лишь вечное изгнание; в случае же поимки военно-морской суд обеспечил бы им путешествие на небо с помощью петли-удавки, перекинутой через блок шлюпочной кран-балки.

Уцелевшие разбились на две группы, меньшая из которых включала гардемаринов, морских пехотинцев, казначея, унтер-офицеров и матросов, оставшихся верными присяге. Вооружение этой группы человек из тридцати составляли два мушкета, несколько пистолетов и кортиков. Вторая группа, скорее, толпа численностью сотни в две, унесла все оставшееся оружие. Пользуясь

правом сильного, эти люди заняли лагерь и первым делом принялись заливать горе спиртным.

Когда они уже едва держались на ногах, их посетил капитан Флинт во главе группы трезвых, дисциплинированных и должным образом вооруженных матросов. Оружие для них Флинт заблаговременно спрятал в джунглях, Флинт прибыл с благородной целью восстановить порядок и покончить с мятежом, так всем и объявили. Не столь важно, кто в эту ахинею поверил, но последовала еще одна бойня, ибо подлинной целью Флинта было уничтожение всех тех, на кого он не мог положиться.

Закат застал в лагере менее сотни выживших. Флинт стоял в умирающем свете дня, почесывал попугая и улыбался.

— Теперь, Билли, — обратился он к существу, преданному его особе больше, чем зеленый попугай, — мы, похоже, стали, наконец, свободными людьми, можем пополнять закрома. Жаль, что мистер Спрингер сразу не сообразил, что к чему, и заставил меня столько хлопотать. — И Флинт засмеялся.

Однако еще не раз взошло солнце, прежде чем Флинт получил то, чего усиленно добивался. Прежде всего, с «Бетси» предстояло много возни,

да и с оставшимися на острове верными присяге моряками следовало разобраться.

Некоторые из этих недотеп сами приковыляли в лагерь, по одному и парочками, умоляя дать чего-нибудь поесть. На остальных устроили настоящую облаву, с гиканьем и улюлюканьем. Отличное развлечение получилось — так, во всяком случае, воспринял это мероприятие Флинт, ибо он и возглавил операцию, предоставив Билли Бонсу заниматься оснащением «Бетси».

— Бей их, ребятушки! В лапшу руби!

Но тут его ожидало разочарование. К безмерному его удивлению, матросы повели себя очень, очень нехорошо. Их, видишь ли, сдерживали какие-то туманные представления о совести, По их разумению, люди взбунтовались, потому что им, оставленным на острове, угрожала смерть от лап «донов». Морскую пехоту они били, потому что те в них стреляли. Но резать глотки своим товарищам по команде они не желали. А пленные гардемарины мистер Гастингс и мистер Пови и вовсе оказались любимцами команды. Флинт орал и ругался, но почувствовал, что лучше не настаивать. Он понимал, что не все в команде полные тупицы. Иные очень хорошо понимали, что Флинт отобрал команду у капитана Сприн-

гера силой. И что, следовательно, у Флинта тоже можно на тех же основаниях отнять команду. Эта проблема как будто уселась на втором плече самозваного капитана, симметрично с попугаем.

И поэтому все пленные остались в живых.

В конце мая 1749 года «Бетси», наконец, полностью оборудованная, при пушках и припасах, вышла из Северной бухты, волоча на буксире баркас с пленными «лоялистами». В баркасе их было двадцать три человека. Посудина просторная, так что расположились они свободно. По настоянию команды им выделили запас пищи и воды, что оказалось весьма кстати, ибо вскоре после выхода «Бетси» в море, во тьме ночной, буксирный трос каким-то чудом развязался и баркас бесследно сгинул.

Флинт определил это происшествие как несчастный случай, весьма счастливо решивший проблему — «Бетси» избавилась от тупиц, не желавших добывать богатство честным морским разбоем. Команда предпочла поверить словам своего нового капитана и окончательно соскользнула на сомнительный путь пиратства.

Флинту повезло. Он взял один приз, другой, третий… Не один месяц бороздила «Бетси» просторы Карибики, пока фортуна не повернулась

к ней боком.

Повезло и баркасу. Мистер Гастингс принял команду. Экипаж баркаса наладил парус, нес вахту, рационировал продукты и соблюдал дисциплину. Без инструментов, по солнцу, звездам, чутью и везению Гастингс привел баркас с девятнадцатью выжившими в Ла Плату, где испанцы приняли его как героя.

Через пять месяцев лейтенант Гастингс вернулся в Англию, где весть о мятеже Флинта стала сенсацией. Газеты не скупились на специальные выпуски, Гастингса наперебой приглашали в клубы и салоны, в парламенте обсуждали снаряжение экспедиции для поимки негодяев и спасения несчастных, которые могли остаться на острове Флинта.

Но здесь Гастингс не в силах был помочь. Широты и долготы острова ему никто не сообщил, точные координаты этого клочка земли посреди океана знали лишь Джозеф Флинт да Билли Бонс, а для остального человечества островок представлял собой иголку в стоге сена.

Глава 15

1 июля 1752 года. Юго-Западная Атлантика. Борт «Моржа»

— Diem adimere aegritudinum hominibus! — изрек мистер Коудрей, удалив перевязку с обрубка ноги Долговязого Джона, — Как у вас с латынью, мистер Сильвер?

— Никак, — выдавил Джон, Он стиснул зубы и сжал кулаки в ожидании боли. Джобо уже висел всем телом на одной его руке, а Израэль Хендс на другой, Во время предыдущих перевязок Долговязый Джон не раз, изрыгая проклятия, рвался из койки.

— Иными словами, «время излечивает все раны». — И Коудрей ловким движением сдернул последние тряпицы с культи Долговязого Джона. Изуродованный остаток конечности выглядел как толстый конец баранього окорока, свисающего с крюка в мясной лавке, только бледнее. На нем не наблюдалось ни следа воспаления, здоровая рубцовая ткань нарастала поверх обрубка, надежно закрывая мышцы и кость.

— Veniente occurrite morbo, как сказал Персий, —

вернулся к латыни Коудрей и снова перевел: — Что означает: дави болезнь в зародыше, на первой стадии. Этому правилу мы и последовали. Надо сказать, весьма успешно.

Коудрей сыпал латынью, потому что пребывал в добром настроении, а доброе настроение вызвал удачный исход весьма сомнительного случая. Ему удалось спасти жизнь безнадежного, казалось, пациента. Так, болтая, доктор сменил повязку, причем Сильвер с удивлением отметил полное отсутствие боли. Впервые. Долговязый Джон поверил, что может выздороветь;.

Закончив дело, Коудрей вымыл в ведре руки, опустил рукава и улыбнулся пациенту.

— Итак, сэр, — заговорил он, неосознанно возвращаясь к тону и манерам времен давно минувших, когда лечил почтенную публику: купцов, олдерменов, даже дворян. — Я имею удовольствие обещать вам доброе исцеление и хотел бы предложить прогуляться на свежем воздухе. Как вы относитесь к этой идее, сэр?

— Во-во! — обрадовался Израэль Хендс. — Ребятам поправится. Поехали!

Долговязый Джон колебался. Постоянная боль истирает даже сильных и храбрых, и он боялся, что будет страдать при перемещении. Коудрей

сразу понял причину его нерешительности.

— Мистер Хендс, — сказал врач. — Приведите еще двоих, и мы перенесем пациента с койкой, не причиняя ему лишнего беспокойства. И будьте столь добры, приготовьте все наверху.

Хендс нахмурился и взглянул на Долговязого Джона. Не пристало моряку выполнять приказания костоправа.

— Давай, — слабым голосом согласился Сильвер.

И вот его вместе с гамаком уже осторожно несли по трапу четверо моряков. Джон не пожалел о своем согласии. Как свеж и тает воздух после долгого заточении ииизу! Как приятно соленый ветер напрягает паруса, треплет волосы и щекочет ноздри! И эти чайки, что неугомонно носятся над судном, Матросы приветствовали Сильвера, смеялись, предлагали фрукты и грог, В глазах Долговязого Джона появились слезы, еще немного, и он, чего доброго, начал бы всхлипывать. Все искренне радовались ему, даже приспешники Флинта, возвращение Сильвера ненадолго объединило всю команду.

Джобо и Израэль Хендс надежно закрепили койку с Долговязым Джоном, и тут на палубе появились Селена и Флинт. Оба улыбались, и душу

Джона затуманило темное облако, из которого мог грянуть гром.

— Джон, собственной персоной! — радостно воскликнул Флинт. — Наконец-то пожаловал наверх. — Флинт заметил, как взгляд Долговязого Джона метнулся к Селене, и улыбнулся волчьей улыбкой. — Мы с Селеной как раз обсуждали мой план закопать добро на старом острове, о котором я тебе рассказывал.

Флинт замолчал, почесывая макушку попугая и наслаждаясь беспомощным гневом своего поверженного противника.

— Помнишь мой старый план, Джон? — Флинт наслаивал улыбку на улыбку. — Вижу, вижу, помнишь. И рад будешь узнать, что мы с мистером Бонсом направляем туда судно как раз за этим.

Глава 16

16 февраля 1750 года. Атлантика. Борт «Моржа»

Партнерство Флинта и Сильвера привело к захвату исключительного приза. Лишь благодаря умению Флинта «Морж» оказался в нужное время в нужной точке Атлантики.

Чтобы объяснить свой план Сильверу, Флинт разложил карту на столе в малой «дневной» каюте капитана под изломом квартердека. «Морж» резво бежал вперед под всеми парусами, в маленьком помещении едва помещались Флинт, Сильвер и еще пара-другая членов импровизированного военного совета. Палец Флинта порхал над картой, то и дело тычась в разные ее точки, а Флинт сопровождал движения своего пальца разъяснениями. Вот, наконец, он придавил пальцем портовый город Сан-Фелипе на восточном берегу острова Нуэстро Сантиссимо Сальвадор, так сказать, лицом к родной Испании.

— Широта пятнадцать градусов, три минуты и тридцать секунд. Долгота пятьдесят пять градусов почти точно. — Флинт нахмурился. — Если

можно доверять этой чертовой карте.

Карту составили испанские картографы.

— Да неплохо вы глядит, кэп, — осмелился вступиться за карту Билли-Бонс. — Глубины, пеленги. — Он ткнул в бумагу толстым пальцем, — Все честь по чести.

Сильвер наморщил лоб, всматриваясь в тонкий рисунок карты, но смог разобрать лишь тритонов, дельфинов и раковины, обильно украсившие края карты и художественный картуш с ее названием Голову Сильвера сдавил железный обруч боли, как и всегда, когда он пытался вникнуть в кошмарные понятия широты и долготы.

— Жирный, богатый остров, торгует с Кадисом, — продолжил Флинт. — Каменный форт, и всегда пара фрегатов на рейде. Зорко стерегут городишко.

— Значит, нам туда нос совать не след, — изрек Билли Бонс.

С его мнением согласились все, включая и Долговязого Джона. Что ж тут неясного.

— Разумеется, мы туда не полезем, — подтвердил Флинт, проводя пальцем по широте Сан-Фелипе от острова в океан. — Будем курсировать вдоль этой линии вне горизонта порта, поджидая птичку, летящую на запад, и погоним

ее на сушу.

Головная боль усилилась, карта в глазах Долговязого Джона расплылась, он перестал постигать, о чем они здесь толкуют.

— Хоть режь меня, ничего не понимаю, — воскликнул Сильвер с досадой. Он не таил своих слабостей. Присутствующие переглянулись. Флинт усмехнулся и хотел подколоть слабака, но высказался каким-то совершенно для себя неожиданным манером.

— В чем дело, Джон? — спросил он. — Вся эта навигация — несложный фокус, попутай выучит. — Он дернул птицу за хвост, вызвав ее возмущенный клекот — Он ругается на пяти языках, не любой из нас гак сможет. Ну, ты, давай! — крикнул Флинт попугаю и тряхнул его.

— Mierda! Coho! Ти m'cmmerdesl[45] — завопила птица под общий смех.

— Видишь? Простой фокус, ему можно научиться. Так же и с навигацией. Другое дело — воодушевить людей на бой, повести на врага. — Флинт улыбнулся. — Вот искусство, признак настоящего мужчины; это мы уважаем.

Остальные согласно загудели, ибо слова Флин-

---

[45] Примечания: 45
Mierda! Сопо! Ти m'emmerdes! (исп., порт., фр.) — Дерьмо!

та не только звучали удачным комплиментом, но и соответствовали дарованию Сильвера. Билли Бонс и Израэль Хендс переглянулись, удивленные тем, что Флинт в кои-то веки молвил о ком-то доброе слово. Флинт и сам себе поразился, не показывая виду. Впервые в жизни он встретил человека, который ему нравился, которого он уважал.

Сильвер улыбнулся, закивал, головная боль отпустила. Он благодарно пожал Флинту руку, еще больше удивив мистера Бонса и мистера Хендса, после чего погладил восседавшего на плече Флинта попугая.

— Добрая птичка, добрая, — приговаривал Сильвер. Попугай нежно пощекотал пальцы Сильвера большим крюкастым клювом, которым раскалывал в щепки бразильские орехи.

— Что, Джон, хочешь отбить у меня друга? — спросил Флипт.

— Ни в коем случае, Джо. Ни птицу, ни чего другого.

Мистер Бонс и мистер Хендс не успевали изумляться. Попугая ненавидела и боялась вся команда, и последним, кто отважился тронуть его, стал Черный Пес. Он как-то попытался, оказавшись с этой пташкой наедине на верху грот-мачты,

свернуть ей шею и лишился двух пальцев на левой руке.

Результатом проявленной Флинтом чуткости оказалось полное исчезновение как головной боли, так и чувства вины, мучившего Сильвера по поводу навигационной немочи. Никогда больше — пока длилась дружба с Флинтом — не переживал он по поводу широты и долготы, таблиц и карт, квадрантов и секстантов.

Простой план Флинта сработал безупречно. Шестнадцатого февраля «Морж» навалился на трехмачтовый испанский парусник «Донья Инес де Вильяфранка», осыпал его сцепками ядер, стремясь сокрушить рангоут, сорвать реи и паруса, парализовать судно и команду.

Капитан Хосе Мартин Рамирес сразу понял, что корабль его обречен. Испанию он покинул в сопровождении двух великолепных фрегатов, приставленных к нему для охраны груза. Бурное море оторвало «Донью Инес» от фрегатов, и капитан уже неделю переживал, опасаясь именно того, что и произошло. Назвать капитана Рамиреса трусом никто не смог бы. Он разрядил мушкет в толпу вопящих дикарей, а затем пустил в дело длинноствольное оружие, как гренадерский сержант использует алебарду для выравнивания

своихлюдей в линию.

— Para Dios, Espaha, et Las Senoras! — крикнул он. — За Бога, Испанию и дам!

На судне находились шесть женщин, жены и нареченные господ из Сант-Яго. Три из них еще девственницы, и за каждую из дам капитан готов был отдать жизнь. К несчастью, не все члены команды капитана Рамиреса разделяли его благородные чувства. Некоторые отчаянно трусили еще до начала боя.

Пираты дали залп из ручного оружия, скрылись в дыму, а в защитников испанского судна посыпался град свинцовых пуль.

— Fuego![46] — крикнул капитан Рамирес — Santiago! Santiago![47] — раздался древний священный клич христианских рыцарей, с которым они изгнали из Испании мавров. Грохнул залп с испанской стороны, капитан Рамирес отшвырнул мушкет и бросился вперед с саблей в руке, чтобы принять смерть с честью.

Ему удалось прикончить одного из нападавших, проткнув его голову насквозь через

---

[46] Примечания: 46

Fuego! (исп.) — Огонь!

[47] Примечания: 47

2Santiago — Сантьяго — испанское имя Святого Иакова, которого испанцы считают своим небесным покровителем.

разинутый в вопле рот. Он на всю жизнь оставил отметину на щеке Билли Бонса. Но Билли тут же врубил свою саблю в плечо Рамиреса, вплотную к шее, и храбрый испанец рухнул на палубу, заливая ее потоками алой крови.

Лишившись капитана, испанцы после непродолжительной мясорубки побросали оружие и запросили пощады. Долговязый Джон снизошел к их мольбам и прошелся рукоятью сабли по головам некоторых своих увлекшихся коллег по ремеслу, чтобы не дать им перерезать испанские глотки.

Флинт в недоумении следил за Сильвером. Он бы с них шкуру снял, живьем бы выпотрошил, пальцем глаза бы выковыривал, варил бы их. Он бы… Флинт стер пот со лба и хлюпнул слюной. Что ж, у Сильвера свои привычки, и под его командой люди трудятся — грех жаловаться. Хотя он, Флинт, и не понимает почему.

— Ломай люки, ребята! — прогремел Долговязый Джон. — Пленных вниз, ром и вино наверх, сыры и окорока тащите!

Пираты воодушевленно завопили. Полдюжины конвойных повели пленных на бак

— Долговязому Джону ура!

— Ура! Ура! Ура-а!:

— Капитану Флинту ура! — тут же подхватил Билли Бонс.

— Ура! Ура! Ура-а! — прозвучало с таким же энтузиазмом.

Победители размахивали клинками, палили из оставшихся неразряженными пистолетов и мушкетов, обнимались, плясали и прыгали между усеявшими палубу обломками, сотрясая израненное судно…

Затем матросы «Моржа» взялись за ломы и топоры и принялись крушить люки. Они вломились в каюту капитана с ее коврами, книгами и образами святых, взломали замки шкафов и ящиков. Там пираты нашли яркую ткань, нарезали ее на полосы, обмотали ими мачты и себя. Затем выволокли на палубу бренди, копченую свинину и свежие куриные яйца.

А вот и то, что лучше всего на свете: большие, прочные, окованные железными полосами ящики, а в них испанские серебряные монеты, не сосчитать! Знаменитые испанские монеты в восемь реалов, самая желанная в мире валюта.

— Пиастры! Пиастры!

— Дублоны! Дублоны!

— Талеры! Талеры!

— Восьмерики! Восьмерики! Восьмерики!!!

Слово «восьмерики» казалось волшебным талисманом, сдвигающим горы и унимающим штормы.

Попугай Флинта заразился общим восторгом и включился в пиратский хор желанным солистом, вызвав новый приступ восторга буйной толпы.

— Пьястр-р-р-ры! Пьястр-р-р-ры!

Но оказалось, что торжество еще не достигло высшей точки. Взломав дверь очередной кладовки, пираты обнаружили шестерых дрожащих испанок. Одна из них, наиболее решительная, увидев пиратов, прижала к своему лбу маленький пистолет, нажала на спуск — и ее спутниц обрызгал дождь из мозга, капель крови и осколков костей черепа. Остальных, шокированных, перепуганных до смерти, вытащили наверх, к похотливо взвывшей толпе.

Сильвер нашел еще один неразряженный мушкет и выстрелил в воздух. После этого он вразумил нескольких наиболее активных прикладом и призвал вспомнить подписанные ими Артикулы.

— Не касаться женщины против ее желания! — проорал он. — У вас хватит денег на всех шлюх Индии и Вест-Индии.

Но на этот раз его не желали слушаться. В от-

вет раздалось рычание зверя, у которого отняли добычу.

— Отвали, Джон! — орали ему. — Сгинь, или раздавим!

Бах! Бах! Флинт выстрелил из двух пистолетов в воздух, с бешеной скоростью зарядил их и прыгнул к Долговязому Джону, остановившись рядом с ним между командой и женщинами.

— Кто первый? — спросил он, направив стволы пистолетов на толпу. — Какая падаль отказывается от своей подписи?

За Флинтом, разумеется, сразу же последовал Билли Бонс. Перед командой плечом к плечу стояли трое самых устрашающих членов команды «Моржа». Тут к Долговязому Джону подступил еще и Израэль Хендс. Все, представлению конец.

— Живо убери их вниз, с глаз долой, — прошипел Флиит Бонсу, и тот погнал женщин к ближайшему трапу, поторапливая их ударами плоскостью своей окровавленной сабли. Грубо, конечно, но что поделаешь! В испанском Билли не стен, а по-английски дамы не понимали. Лучше разок плашмя саблей по ягодицам, чем смерть в результате грубого насилия сотен распоясавшихся самцов.

— За дело, ребята! — воскликнул Сильвер,

желая побыстрее перенаправить внимание команды. — Не оставлять же денежки без присмотра.

Но пираты еще кипели похотью и злостью. Сильвер подтолкнул Флинта локтем и сценическим, слышным каждому шепотом пробормотал:

— По пять сотен на каждого выйдет, разрази меня гром! Как, капитан?

— Не меньше! — согласился Флинт. Нагнувшись к открытому сундуку, он захватил горсть монет и швырнул в толпу. Это вызвало оживление, суматоху, борьбу за желанные восьмерики и привело к смене настроения.

— Глянь на них, Джон, — нежно промолвил Флинт, — Точно свиньи у корыта.

— Что ж, — отозвался Сильвер, — они ради таких мгновений и живут — Он пристально посмотрел на Флинта и подмигнул, — Спасибо, друг. Я, честно говоря, не надеялся выдюжить, но Артикулы есть Артикулы.

— Это точно, — согласился Флинт, чувствуя себя не очень уютно под взглядом Долговязого Джона.

— Вообще-то, после того, что о тебе болтают, я такого от тебя не ожидал.

Сильвер слышал о Флинте много разного, в

том числе и о затеянном им кровавом мятеже на таинственном острове.

— Плюнь на кривотолки, — отмахнулся Флинт — Я держусь того, что подписал.

— Слова настоящего мужчины! — похвалил Сильвер, решив судить о Флинте по поступкам и не имея ни малейшего представления об их истинных причинах.

Пыхтя и отдуваясь, поднялся на палубу Билли Бонс. Он нырнул в толпу матросов, изловил двоих, на которых, как он считал, можно было рассчитывать: Тома Аллардайса и Джорджа Мерри. Билли схватил их за шкирки и стукнул лбами, чтобы привлечь внимание. Осыпая их ругательствами и страшными угрозами, он отправил обоих вниз, стеречь испанок, вооружив каждого парой пистолетов, рожком с порохом и мешочком пуль. Потом направился к Флинту.

— Выполнено, капитан, — доложил Билли Бонс, коснувшись пальцами шляпы. — Девки в той же конуре, со своей покойницей, и два обалдуя их стерегут, Черный Пес и Джордж Мерри.

— Велика ль на них надежда… — поморщился Флинт, и Билли Бонс ухмыльнулся. Зрелище довольно редкое. Скорее увидишь, как в Портсмуте сходит на берег белый медведь, а пингвин за ним

тащит его сундук.

— Я за них спокоен, — сказал Билли Бонс. — Я объяснил, что отрежу им, ежели подведут.

— Ладно, теперь на нижней палубе будет какой-то порядок. Хватит, позабавились, — проворчал Флинт.

— А с этими что? — спросил Сильвер, указывая на столпившихся в кучку на баке испанцев.

— Х-ха! — Флинт ухмыльнулся. — Чик! — он резко дернул большим пальцем у себя под подбородком.

— Нет! — твердо возразил Сильвер. — Высадить на остров, отпустить в шлюпке с парусом и провиантом… Это по-английски. Но не убивать. Мы джентльмены удачи, а не пираты.

— Ох! А есть разница?

— Есть!

— Да ну?

— Есть!

Флинт вздохнул и закусил губу. Он огляделся, почесал макушку попугая, вернувшегося на плечо сразу после завершения кровопролития. В голове у него забрезжило понимание того, что Сильвер искренне верил этой ерунде насчет джентльменов удачи и искренне стремился жить по своим драгоценным Артикулам. Флинт от-

нюдь не дурак, он сообразил: Сильвер вцепился в свою мечту, чтобы не видеть, в кого он превратился. Джозеф Флинт считал это смешным. Но Сильвер ему нравился больше, чем любой другой встречавшийся на его пути человек. А у Флинта никогда не было друзей.

— Ну, как пожелаешь, — сказал Флинт, наконец, и оглядел судно от бушприта до кормы. — В любом случае корыто слишком велико для продажи. Наши клиенты хотят что-то покомпактнее. Я б его сжег к чертям. Но мы вот что сделаем… — и он прищурился, помолчал, подыскивая слова. — Как джентльмены удачи и веселые ребята, мы обдерем с него все, что можно… — Долговязый Джон молча кивнул. — И отпустим этих придурков вместе с их бабами. — Флинт повернулся к Сильверу, как будто ожидая одобрения. — Что скажешь на это, Долговязый Джон?

— Есть, капитан, — ответил Сильвер с улыбкой облегчения, — верное дело, капитан, так держать.

Команда «Моржа» обобрала «Донью Инес», сняв с нее все, что нравилось и что можно было уместить у себя. Израэль Хендс запасся порохом и позаимствовал прекрасную курсовую девятифунтовую пушку барселонского литья, естественно,

со всем ее боеприпасом. «Водяному» приглянулись бочки испанца, лучше сохранявшие воду, чем старые бочки «Моржа», но его ждало разочарование. Люди уже настолько измотались, особенно с пушкой Хендса и ее ядрами, что послали «Водяного» ко всем чертям. «Водяной» пожаловался Флинту, но тот отправил его туда же. Флинт видел, что на сегодня предел уже достигнут. Тем более во имя дела, в которое он сам не верил.

С закатом «Морж» отвалил от «Инес» в просторы Карибики, оставив испанцев сращивать мачты, латать паруса и благодарить Деву Марию за сохраненные им жизни.

Испанцы похоронили своих мертвых, включая бедную девушку, поторопившуюся выбить себе мозг ради спасения чести. На «Морже» в это время царило буйное веселье — пили во здравие, наяривал скрипач, настил палубы скрипел под мельтешившими в плясе босыми пятками и каблуками. Флинт нашел друга и утешал себя, что ради этого можно вытворить и глупость-другую, вроде этих жестов с испанцами. Джон Сильвер тоже нашел друга и верил, что наставил его на путь истинный, на верный курс.

Оба они ошибались, но дружба их не была

фальшивкой. Каждый нашел в другом нечто жизненно важное, отсутствующее у него самою. Вместе они становились сильнее, чем взятые по отдельности, а результат дал печально знаменитую карьеру капитана Джозефа Флинта, пирата, а не «джентльмена удачи».

Самое интересное заключалось в том, что мало кто осознавал истинный характер партнерства этих двоих. Мало кто понимал, что капитан Флинт — не один человек. И феноменальный успех сопутствовал Флинту, лишь пока длилось это партнерство.

Глава 17

5 октября 1750 года. Лондон, Ковент-Гарден. Таверна Холланда

— Глянь-ка, Фредди, — сказал Алан МакКей, сахарный магнат — Хрупкий эльф с троллем-страшилой на поводу.

Фредерик Бертон, владелец пивоварен, удостоил вниманием пару, оставившую гремучую булыжную мостовую и входившую в ресторан.

— Чтоб меня зажарили! Это же Гаррик, актер. А что за чучело вздумал он сюда приволочь? Горилла какая-то…

Возглашая, с его точки зрения, очевидное, Бертон ожидал от присутствующих полного с ним согласия, но вместо одобрения получил от одного из друзей толчок тросточкой под ребра.

— Осел ты, Бертон, — проворчал хозяин трости мистер Дэвид Кентербери, банкир. — Это же Джонсон. Лексикограф Джонсон.

— О! — воскликнул Бертон, выхватывая из кармана очки, — О! — повторил он, насаживая очки на нос. — А! — И он схватил свою трость, чтобы присоединиться к приветственному грому

тростей, стучавших в пол. Так гости мистера Холланда встречали отнюдь не всякого.

Как и любая большая или таверна, заведение Холланда представляет собой клуб, с членством и правилами. Вытянутый в длину зал разделен на отсеки невысокими перегородками, которые позволяют сидящим в них — в каждом две скамьи и стол — как сохранять некоторую обособленность, так и быть в курсе, кто присутствует в зале и кого только что впустили в дверь. А впускали сюда не каждого. Разные люди предпочитали разные клубы. У Холланда можно было встретить господ коммерсантов, ученый народ, издателей, книготорговцев, художников — если, разумеется, эти последние признаны и в моде, И благородных кровей господа заглядывали к Холланду.

Но если бы сунуться к Холланду вздумалось иностранцу, сектанту или же мелкому торговцу-разносчику, он непременно услышал бы:

— Мест нет, сэр! Нет, миль пардон!

Мест «не было», даже если в зале пустовала половина отсеков. Прочих же, как то: солдат, матросов, ирландцев и собак — отшивали руганью, презрительным взглядом, а то и пинком. Из шлюх Ковент-Гардена к Холланду допускались лишь наиболее почтенные и чистые.

Двое новоприбывших, без сомнения, имели право доступа в этот парадиз. Их приветствовали все, кто здесь присутствовал. Вошедшие сильно отличались один от другого, и приветствия восприняли по-разному. Один из них, Самюэль Джонсон, грузный господин лет сорока с лишком, но выглядевший намного старше, на голове имел старомодный «физический» парик, на манер поверенного в делах. Передвигался он, отдуваясь и пыхтя, раскачиваясь из стороны в сторону, потрясая увесистым задом, необъятным брюхом и несколькими подбородками. Одеждой он похвастать не мог, зато всевозможнейшими дарованиями обладал столь же необъятными, сколь и брюхом. В заведение Холланда мистер Сэмюэль Джонсон ступил впервые.

Второй вошедший, Дэвид Гаррик, наимоднейший актер, молодой, мелкий, в сравнении с Джонсоном просто прыткий кроха; очень, опять же в отличие от Джонсона, аккуратный, одетый в жилет с золотой вышивкой, шелковый сюртук с кружевными манжетами и воротом, также отделанным кружевами. В общем, он был прямой противоположностью Джонсону, если судить по внешности. И парик на нем по моде — с буклями по бокам и косицею сзади, с лентой, завязанной

кокетливым бантиком. Знаменитый актер имел весьма приличное состояние, его принимали с распростертыми объятиями везде, в том числе и здесь, в клубе-таверне Холланда, — но не из-за его богатства, а благодаря неоднократно выказанной им остроте ума и языка.

— Гаррик, Гаррик! — гремело со всех сторон. — К нам! Сюда, сюда!

Гаррик улыбался во все стороны, разводил руками и, наконец, все с той же улыбкой на сахарных устах, повернулся к Джонсону. Тот тоже попытался продавить улыбку сквозь жировые складки физиономии и наугад ткнул рукой в направлении МакКея и Бертона.

— Джентльмены, — произнес Гаррик, усаживаясь. — С большим удовольствием пользуюсь случаем представить вам господина, который вскоре подарит миру несравненный словарь нашего возлюбленного языка.

— О, сэр! — почтительно выдохнул Бертон, пожимая пртянутую ладонь с трудом втиснувшегося за стол ученого. Весь Лондон ожидал выхода в свет великого творения Джонсона, над которым он трудился один-одинешенек и который, как известно каждому честному британцу, оставит далеко позади знаменитый словарь француз-

ского языка, выпущенный после десятка лет хлопот бесчисленными Docteurs de l'Academie Francaise[48] (много ли от них проку!).

— Сэр… — прохрипел Джонсон, сминая пальцы бедного Бертона, как использованную салфетку.

— Мистер Джонсон, — продолжал Гаррик, — позвольте представить вам мистера Бертона, знаменитого пивовара, и мистера. МакКея, плантации которого на Ямайке дают половину сахара, потребляемого в Лондоне.

— Сэр! — МакКей улыбнулся в ответ на комплимент.

— Плантатор, сэр? — Джонсон повернул в сторону МакКея глазные яблоки, не шевеля грузной головой. — Сахар — благороднейшая из травок. Изысканная сласть, извлеченная из простейшего растения.

— Как продвигается ваш словарь, мистер Джонсон? — спросил Бертон. — Когда мы его, наконец, сможем взять в руки? — Он глянул на Гаррика. — Сей джентльмен постоянно его цитирует. Бездна остроумия, сэр, мы просто с ног валимся со смеху.

— Остроумия? — Джонсон насупился. — Моя

[48] Примечания: 48

Docteurs de l'Academic Francaise (фр.) — доктора Французской академии.

цель учить, а не развлекать.

— Вы скромничаете, сэр, — возразил Бертон. — Скажем, определение дерева мне просто врезалось в память: «крупная трава, достигающая высоты непомерной, сделанная из древесины».

Окружающие дружно захохотали. Снова грохнули в пол трости.

— Хм… — издал какой-то неясный звук Джонсон, шевеля губами и пальцами, обуреваемый смешанными чувствами. Что ж, кому не приятно, когда его так приветствуют, хотя и не вполне заслуженно. — Нет-нет, сэр… Дэвид, это твои импровизации… Ты искажаешь мои простые, ясные строки, шалопай. Ищешь славы за мой счет… Светишь отраженным светом, как луна… А я борюсь, чтобы засиял свет солнечный…

Гаррик рассмеялся.

— Вы совершенно правы, сэр! Каюсь и не отпираюсь, приношу свои искренние извинения!

— Как мистер Гаррик хорошо знает, — продолжил Джонсон, не сердясь, но и не желая оставлять недоразумение невыясненным, — в словаре определение приведено следующим образом: «крупное растение со стволом, из древесины состоящим, достигающее значительной высоты».

— Верно, сэр, — согласился Гаррик. — Но ведь

совершенно не смешно.

Мальчиком Гаррик учился у Джонсона, и Джонсон на него никогда не сердился. Вот и сейчас он рассмеялся, и в течение получаса присутствующие у Холланда наслаждались обществом ученейшего мужа Англии. Но вскоре проявилась и другая сторона Джонсона, непримиримого спорщика, бойца, не привыкшего уступать противнику ни пяди земли, ни слова, ни понятия.

— Как, сэр? Что вы имеете в виду? — возмутился Джонсон, когда разговор коснулся Вест-Индии и МакКей принялся клясть на чем свет стоит море и тех, кто им пользуется.

— Я всего-навсего обругал всех моряков, а славный флот короля Георга — дважды, — охотно пояснил МакКей, вообразивший, что Джонсон по рассеянности не расслышал его слов.

Джонсон побагровел. Патриот до мозга костей, он не желал, чтобы в его присутствии оскорбляли служивых Его Величества.

— О-о-о, нет! — застонал Гаррик, приведший Джонсона, чтобы сделать его завсегдатаем клуба Холланда, а вовсе не для скандала. Буря! Сейчас грянет шторм! Гаррик замахал руками МакКею, но тот продолжал, как ни в чем не бывало:

— Видите ли, сэр, все моряки делятся на мерзав-

цев, которые грабят, и трусов, позволяющих себя обокрасть. И все это — на глазах офицеров королевского флота, которым на происходящее просто наплевать. — МакКея можно было понять. Он переживал личную трагическую потерю. Потерю любимого груза, отобранного у него пиратами. Он раздраженно стукнул кулаком по столу. — Честного коммерсанта грабят как ни в чем ни бывало. Неудивительно, что ни один приличный человек не хочет идти в моряки!

— Ерунда! — рявкнул Джонсон. — Совершенно напротив! Приключения! Романтика бескрайних океанских просторов! Китайские шелка, меха Америки! Нет, сэр, кто на море не бывал, мира не видал.

— Да бросьте вы! Вы не знаете, о чем говорите.

— Я знаю, что есть люди, которые много говорят, но боятся дел!

— Дел?.. А что я могу сделать?

— Сражаться, сэр!

— Как?

— Не мечом, так деньгами. Снарядите боевой корабль!

— Да что вы! Знаете, во что это обойдется? Такой расход! Одних убытков сколько несем…

— Тогда, сэр, черт бы драл вас, а не славных

моряков короля Георга, вас — скрягу, шотландца, ирландца, испанца…

Теперь побагровел мистер МакКей, а Гаррик быстро втиснулся между спорщиками и положил ладонь на обширное предплечье Джонсона.

— Сэм, умоляю, ради бога. Мы среди друзей, не нужно шума.

Джонсон обмяк и осел на скамейку, ворча что-то себе под нос.

— Мистер МакКей, — продолжил миссию миротворца Гаррик. — Давайте все забудем. Сэм Джонсон — национальное достояние, не надо его обижать. Кроме того, он мастак палить из пистолетов, А не попадет пулей, так рукоятью сшибет.

Но МакКея так просто не возьмешь. Он махнул рукой, подзывая подавальщика.

— Принеси-ка мне мадридскую газету, милый.

Клиентов Холланда баловали не только английской прессой, но и доставленной из главных европейских столиц. Конечно, пока они прибывали в Лондон, проходил не один день, а то и неделя, но что поделаешь, путь неблизкий.

— Гляньте на это, сэр, — мирно предложил МакКей, разглаживая на столе весьма уже зачитанную, помятую газету.

— На что, сэр? — проворчал Джонсон, все еще

хмурясь.

— Вот, здесь… — МакКей подсунул газету Джонсону, и тот поднес ее поближе к своим подслеповатым глазам. — Вот, вот… Перевести, сэр?

— Нет, благодарю, сэр. — Джонсон не слишком разбирался в испанском, но латынь читал бегло, как и ряд других языков, поэтому без усилия понял, о чем сообщалось в заметке. — Что ж, похоже, пират-англичанин захватил испанское судно по названием «Донья Инес де Вильяфранка» и, удалив с него несколько тонн серебра, отпустил с миром

— Вот-вот! — торжествующе закивал головою МакКей. — Гнусный разбойный акт!

— Ничего подобного, сэр! — прогремел Джонсон. — Такого рода деяния возвеличивают Британию и заставляют дрожать наших врагов.

— Верно! — раздалось из соседних отсеков. С Испанией в описываемый момент Британия не воевала, но вскоре, так же точно, как лето следует за весной, вспыхнет новая война и с Испанией, и с Францией — тем более с Францией. Согласно естественному течению событий в мире. Как же без войны!

— Да! — продолжал Джонсон, ободренный поддержкой. — Такие люди, как эти, — он хлопнул

дланью по странице, — источник, из которого наша страна черпает силу. Силу, питающую нас морской торговлей и защищающую от вторжения на наш благословенный остров. Эй, малый! — заорал Джонсон подавальщику. — Вина! Мы выпьем во здравие этого славного корсара… как, бишь, его… где тут… а, вот! Флинт! Флинт его зовут! За успех Флинта и славу Англии, джентльмены!;

— За успех Флинта и славу; Англии! — загремело со всех сторон.

Честно говоря, Джонсон спорил не ради убеждения, а ради спора, он о Флинте к следующему утру и думать забыл. Однако присутствовавшие хорошо запомнили слова лондонской знаменитости. На следующий день в половине таверн Лондона, а немного позже и за его пределами пили за здоровье морского волка, героя Британии капитана Флинта, вчерашнего (то есть прошлогоднего) мятежника и преступника, бросившего юного Гастингса на произвол стихии. Много, много нашлось простаков на благословенном острове, не представлявших, насколько им повезло, что они не встретились с этим славным героем Британии.

Глава 18

10 июня 1752 года. Река Саванна. Борт «Моржа»

Билли Бонс пребывал в лучезарнейшем расположении духа. «Морж» направлялся вниз по реке, мимо острова Тайби, в океан. Билли Бонс хмыкал и ухмылялся, а если и давал кому-нибудь по загривку или по макушке, призывая к исполнению служебного долга; то в высшей степени добродушно и по-отечески.

— Тяни; триста якорей вам в зад! Гр-р-реби, сучьи блохи! — последнее сердечное напутствие относилось к гребцам шлюпей, отряженной прямо по курсу с якорем. Так стали продвигать судно, когда вдруг подло стих хилый ветерок. Билли Бонс резвился, щелкая моряков по ушам и сшибая зазевавшихся в распахнутые люки. И вся команда, все палубные, подпалубные и марсовые[49] радовались вместе с Билли Бонсом, разделяя его прекрасное настроение.

Причина бодрого самочувствия Билли кры-

---

[49] Примечания: 49

Марсовые — матросы, несущие вахту на марсе, небольшой полукруглой площадке на мачте корабля.

лась в проведенной на берегу неделе, в течение которой он предавался разгулу с местными девами страсти, высасывая содержимое кружек и бутылок. Апогеем праздничной недели стала призовая схватка мистера Бонса с сержантом местного гарнизона, самым крепким, как гласила молва, кулаком американских колоний. Громадная толпа зрителей собралась ночью, при свете факелов, следить за боем на Западном лугу, при самой бухте.

Не прошло и двадцати пяти раундов, как сержант начал выказывать первые признаки усталости, и Билли Бонс пошел на абордаж. Уложив противника изящным броском через пупок, Билли принялся выбивать у него камни из почек. Сухопутные гарнизонные крысы бросились на помощь своему вождю, уволокли сержанта и стали его откачивать.

Оживленный десятком ведер холодной воды сержант вернулся на очищенный бравыми дубильщиками ринг, но боевой дух его уже подувял, тело обмякло, и за каких-то пять раундов Билли Бонс вмял его в истоптанную траву. Возбужденный победой Билли залил жар, влив в нутро с четверть дюжины бутылей французской медовухи. Затем он удавил бифштексы общим весом этак

на полпорося-трехлетка и поимел неустрашимую мисс Полли Поттер с такою основательностью, что она, говорят, трое суток после этого не могла отдышаться.

Но главная причина радости мистера Бонса заключалась в том, что весел был капитан. Флинт, а этот широкомордый придурок с соломой вместо волос, Джон Сильвер, наоборот, свой минный нос повесил. Когда Билли увидел черную девицу, которую капитан доставил на борт, он присвистнул, оценив ее стать. Вообще-то он к черным относился прохладно; даже готов был платить больше, чтобы только взять белую… на худой конец, метиску. Но эта, надо признать, хороша, даром, что черная. Фигурка, как склянка песочных часов, все при ней. Смазливая. Глаза, что фонари штормовые. Волос тоже… хоть; сети плети. Не один Билли Бонс ее видел, и все — того же мнения.

М-да, баба на корабле… Билли поджал губы. Не дело это, не дело… Добра не жди… Особенно с такой бабой. Но Флинт капитан… Гм… Да, Флинт, конечно, капитан, но и Сильвер тоже, вроде. Два командира на судне — еще хуже, чем одна девица… Что ж, она Флинта имущество, на нее никто лапу не наложит, и подумать-то не посмеет никто. Флинт этого не потерпит. Да и он, Билли

Бонс, коли заметит посягательство на капитанское имущество…

«Морж» тем временем обогнул остров Тайби и вышел в открытое море. Ветер поднялся неумеренный, Билли свистнул народ, чтобы парусов поубавить. Зашлепали пятки, завопил боцман, появился на палубе Флинт и озарил Билли Бонса широкой улыбкой. Этот простой знак внимания господина привел рабью душу Билли в дикий восторг. Его простое, грубое сердце подпрыгнуло в небеса, и радость простерлась до горизонта.

П од ногами Бонса тем временем жили, трудились, напрягались деревянные-конструкции ладного судна, команда спускала хлопающие, трепещущие на ветру паруса, в небе кружили, взмывали и пикировали чайки. Ветер швырял в лицо пену, брызги и водяную пыль, море дышало свежестью и новизной.

Каждый моряк знает это ни с чем не сравнимое возбуждение, охватывающее душу, когда земля остается за кормой, а впереди открывается целый мир.

Килли Бонсу это ощущение знакомо не хуже, чем другим. Чтобы испытать его, люди идут в море, а жалких сухопутных крыс, которым это чувство известно дишь понаслышке, презирают.

Флинт подошел, остановился возле Билли Бонса и рулевого у румпеля. Он окинул взглядом паруса, затем склонился к нактоузу, изучая показания компаса.

— Неплохо, мистер Бонс, — похвалил Флинт. — Рулевой, курс?

— Юго-восток, капитан;

— Неплохо, неплохо.

Билли Бонс радовался доброму расположению духа капитана. Он понимал причину блаженства Флинта и ухмылялся, представляя, что бы он сам вытворял с этой черномазой девкой, достанься она ему. Билли ни мгновения не сомневался, что капитан делает с ней то же самое, только наяву. Бонс облизнулся, пройдясь в воображении по рельефам Селены и особо выделив две выпуклости спереди выше талии и две сзади пониже.

— А, Джон! — воскликнул Флинт, завидев приближающегося Сильвера. — Иди сюда, побеседуем, я по доброму разговору истосковался.

— Есть, сэр! — бодро отозвался Сильвер, и эта его вечная живость резанула Бонса по сердцу, как острым ножом. Почему бы капитану не завести «добрый разговор» с ним, с Билли Бонсом? Что он, рылом не вышел?

Счастливого расположения духа как не бывало,

затопила душу Билли ревность ребенка, лучший друг которого увлекся кем-то другим. Точнее, злобный другой завлек обманом его лучшего друга. Бонс любил Флинта. Так сын любит отца или патриот — страну родную. Для Билли Флинт был самым умным, самым быстрым, самым красивым… А как он умеет страху нагнать на всю эту шушеру… включая и его самого! Бонс восхищался Флинтом, а что Флинт обращался с ним, как со скотиной, ну… Флинт так со всеми обращался. Кроме…

Чего Билли Бонс не мог понять, так это почему Флнпт воспринимает этого Сильвера как равного. Ничего же в этом Джоне Сильвере нет, что заслужило бы уважение Флинта! Бонс ухмылялся, глядя на Сильвера. Но при этом следил, чтобы Долговязый Джон не заметил его ухмылки. Поэтому Билли отворачивался, а то и к борту отходил, рассматривая море.

— Чем на берегу занимался, Джон? — спросил Флинт.

— Отдыхал и развлекался, согласно правилам судового распорядка и нашим славным Артикулам, — И оба они, Флинт и Сильвер, рассмеялись. Ладно рассмеялись, одновременно. Билли Бонс аж зубами скрипнул от такой слаженности.

Флинт, правда, тут же горестно вздохнул:

— А я с Нилом-ирландцем торговался, все жилы он из меня вытянул, скряга…

— Кто ж лучше тебя с этим справится, Джо, — уважительно заметил Сильвер, и они снова рассмеялись. Бонс себе места не находил, их удовольствие ему глаза резало. Но тут его уши уловили какой-то неясный шорох. Волна беспокойства пробежала по палубам.

— Чтоб мне… — рулевой поперхнулся и захрипел, выпучив глаза. Бонс повернулся в направлении его взгляда.

— Медузу мне в печень! — только и смог вымолвить он. Чернокожая девица маячила у кофель-планки,[50] придерживаясь, чтобы устоять на ногах. Волосы она обмотала темно-алым шелковым платком, верхнюю часть ее тела прикрывала рубаха, нижнюю — короткие матросские штаны. Одежка принадлежала одному из судовых пацанов, двенадцатилетнему недорослику, и больше всего подходила ей размером. Штаны, однако, кончались, не дотягивая до колен, ру-

[50] Примечания: 50

Кофель-планка — прикрепленный горизонтально на палубу у мачт и у внутренней части борта деревянный или металлический брус с отверстиями для стержней с рукоятью; предназначен для завертывания на него снастей такелажа.

баха вследствие недостатка пуговиц оказалась весьма-открытой на вороте и гораздо ниже. В общем, без покровов осталось намного больше ее черной бархатной кожи, нежели было полезно для общего блага.

Движение судна ее явно беспокоило. По мимике девушки Билли видел — была б она белой, он бы и по цвету лица смог это понять, — что содержимое ее желудка вот-вот последует за борт. Он скосил один глаз на команду и увидел, что на это явление вылупились все находившиеся на палубе члены экипажа. Подоспели и те, кто был внизу, вызванные товарищами.

Бонс почуял, что у него выпучиваются не только глаза, но и кое-что в штанах. И это после нескольких суток берегового разврата, обычно оставлявшего его удовлетворенным на многие недели! Билли готов был даже пересмотреть свое отношение к чернокожим девкам. Ведь капитан-то лучше знает толк… Да, капитан — настоящий мужик, парень что надо, промаху не даст. Билли Бонс покосился на Флинта. На лице того играла самодовольная усмешка. Ему нравилась реакция команды.

— Селена, дорогая! — крикнул Флинт. — Пожалуйте на корму.

По ее первой реакции Билли понял, что Селена не знает, что такое корма и где она находится. Но Флинт сопроводил свой призыв приглашающим жестом, и Селена проковыляла к нему. И тут Бонс пережил приятный сюрприз. Сильвер скис, нахмурился и скривился набок. Кто-то — и Билли Бонс сразу догадался, кто — запустил Сильверу в задницу пинту горчицы. Бонс постарался, чтобы расплывшиеся в улыбке щеки не закрыли ему глаз, он не хотел ничего упустить.

— Селена, — приступил к процедуре знакомства Флинт. Он вел себя как флагман эскадры, к которому прибыла герцогиня. — Позволь представить тебе моего квартирмейстера и доброго друга мистера Джона Сильвера.

Билли Бонс увидел, что лицо девицы исказила гримаса, нос сморщился, а руки взметнулись и уперлись в бедра…

— Х-ха! — выдохнула Селена, и Билли затаил дыхание. Режь его, жги, засоли ошкуренным, если сейчас не произойдет что-то очень смачное! Черная девка смерила Долговязого Джона Сильвера взглядом боцмана, поймавшего фор-марсового забулдыгу за обшариванием сундуков товарищей по команде. А Сильвер-то, Сильвер! Он только ежился, моргал да шнырял глазами меж нею и

кэпом. Билли невольно фыркнул от удовольствия и, сделав вид, что ему пора сплюнуть табачную жвачку, побежал к борту. Однако быстро вернулся, чтобы не пропустить самого интересного.

— Ты чего, Джон? — удивился Флинт.

— Мы уже встречались, — сказала девица.

— Да, встречались, — подтвердил Сильвер.

— А, в Саванне, — понял Флинт.

— Да, в Саванне. В лавке Чарли Нила, — уточнила черномазая чертовка — Ваш друг, сэр, принял меня за другую. Не за такую, какая я есть.

«Ну, наглая тварь», — подумал Билли Бонс, но, с другой стороны, она же прекрасно сознает, кто ее покровитель.

— Я, мисс, искренне сожалею об этом недоразумении, готов поклясться на Библии, — выдал Сильвер девице и повернулся к Флинту. — Джо, на пару слов…

Флинту, однако, было не до слов. Не в состоянии ничего сказать, он безудержно захохотал. Попугай заквохтал, защелкал клювом, захлопал крыльями. Флинт бил себя по ляжкам, потом стащил шляпу, принялся обмахиваться, вроде бы успокоившись, однако вдруг снова заржал, закачался и затопал ногами. Смеялся Флинт увлеченно, не остановишь.

— Ох, Джон, — смог он, наконец, выдавить между приступами смеха, — значит, мы оба охотились за одной птичкой, но я оказался быстрее.

— Нет! — вспыхнула девица.

— Нет, — выдавил Сильвер.

— Нет? — усомнился Флинт.

— Надо бы поговорить, Джо, — сказал Сильвер. — Женщина на борту — худшее, что можно вообразить, это верное несчастье.

Билли увидел, как лицо Флинта мгновенно помрачнело Глаза капитана округлились и побелели — недобрый признак.

— Значит, Джон Сильвер призывает меня к ответу?

— Да, Джо.

— Что ж…

Они уставились друг на друга так, словно никого не было на ми ли вокруг. Момент для обоих неприятный и мучительный. Что же станет с их дружбой? Флинт встряхнулся, выдавил из себя улыбку и даже попытался рассмеяться. Недобрый вышел смех. Но он хлопнул Сильвера по плечу.

— Джон, друг, не будем ссориться.

— Ни за что не будем, — помотал головой Сильвер, тоже стремясь вернуть утраченные позиции.

— Вот и ладно, — сказал Флинт, улыбаясь почти нормально.

— Но переговорить надо, капитан, — сказал Сильвер, глядя на Селену. Глаза Флинта снова округлились, но он овладел собой.

— Ладно. Что не вылечить, то надо терпеть, как доктора говорят. — Флинт повернулся к Билли. — Селена, дорогая, позволь тебе представить мистера Бонса, моего первого помощника. — За взгляд, каким она удостоила Билли Бонса, он в иных обстоятельствах врезал бы так, что она бы за борт улетела. — Мистер Бонс, леди Селена — моя подопечная. Я поручаю вам проследить, чтобы она не потерпела никакой обиды, чтобы команда оказывала ей всяческое уважение.

— Есть, сэр! — рявкнул Бонс. Ха, «подопечная»! Подстилочная, ха-ха! Ладно, молчим. Флинт сказал — Билли обеспечит. — Можешь на меня положиться, капитан, — добавил он, чтобы и до этой черномазой дошло.

— Уверен в вас, мистер Бонс. Уверен. А теперь, Джон, давай уладим наши проблемы за стаканчиком рома, как добрые друзья. Идет?

— Всем сердцем согласен, капитан!

И оба отправились в кормовой салон. Билли Бонс снова упал духом, увидев, как они мирно

удалились, но позже несколько развеселился, когда до него донеслись возбужденные; голоса. Очевидно, иллюминаторы флинтовой каюты были открыты для проветривания. Коли к фальшборту[51] подойти да башку свесить, то и слова можно разобрать… Да вот, капитанскую игрушку стеречь надо.

Девица все еще нетвердо держалась на ногах, хваталась за что ни попадя, чтобы не упасть, но страху не проявляла. Крепкая штучка. Билли Бонс следил за Селеной, а она озиралась с каким-то идиотским, непонятным нормальному моряку любопытством, как будто марселя[52] от стакселя[53] отличить не могла. Тут, однако, какие-то колеса в мозгу Билли Бонса со скрипом провернулись, и ею озарило: да она и вправду не могла! Ведь рабов на плантациях не обучают морскому делу…

Жаль, не подслушать ему, о чем ругаются эти двое в капитанской каюте. Придется или хо-

---

[51] Примечания: 51

Фальшборт — выступ борта судна над верхней палубой.

[52] Примечания: 52

Марсель — большой прямой парус, второй снизу, прикрепленный к реям у марса.

[53] Примечания: 53

Стаксель — косой треугольный парус.

дить нянькой за этой девкой, или обойти судно и внушить каждому, что с ним случится, если посягнет на капитанское имущество… Да еще и вдолбить им, что эта черная девица и есть капитанское имущество, а не кошка какая-нибудь приблудная.

Билли Бонс зарысил по шканцам,[54] чтобы побыстрее справиться с задачей и вернуться. Может, что и подслушать удастся… Однако с удивлением обнаружил, что команда не обращает никакого внимания на девку Флинта. Другая новость обогнала мистера Бонса и уже распространилась по судну — все гадали, чем закончится раскол между Флинтом и Сильвером. А ведь тут было над чем призадуматься. Бонс и сам бы сообразил, кабы не нечестивая радость, вызванная выходом Сильвера из милости капитана.

— За которого, мистер Бонс? — спросил Бешеный Пью, вынырнув из своей темной, освещенной хилым фонарем каморки с парусным оборудованием и инструментом для шитья и починки парусов. Вокруг ни души, но Пью все равно огляделся, выискивая глаза и уши. Он вонзил в руку Билли Бонса свои костлявые пальцы — так

[54] Примечания: 54

Шканцы — место в средней части верхней палубы, где совершаются все официальные церемонии.

он всегда поступал с собеседником, нагоняя ужас на любого. Билли показалось, что Бешеный Пью испуган, хотя трудно было определить точно. При возбуждении глаза его начинали дергаться так сильно, что в них почти невозможно было вглядеться.

— Убери свои крючья, придурок! — Билли Бонс выдернул руку из хватки тонких, но цепких пальцев Пью, — Какого хрена тебе надо? Что — которого?

— Флинт… или… Сильвер? — От волнения валлийский акцент Пью проявился явственнее.

— Идиот, — отрезал Билли Бонс. — Совсем рехнулся, ржавая парусная игла.

Мистер Бонс прочитал Бешеному Пью правила обхождения с чернокожими девицами, буде таковые встретятся ему на судне, и потопал далее. Но следующим на его пути оказался Израэль Хендс, вышедший от своих порохов и ядер, а Израэля Хендса бешеным никак не назовешь, и не дурак он вовсе, собака.

— Плохи дела, Билли, — изрек Израэль Хендс с похоронным выражением.

— Ну, что еще? — спросил Бонс, стойко делая вид, что ничего не понял.

— Да вот… Флинт и Сильвер… Если они разой-

дутся курсами, то и команда, сам понимаешь…

— Вот уж нет. Кто посмеет отстать от Флинта?

— Да, верно, — без особенного энтузиазма согласился Израэль Хендс. — Кто посмеет?

— Вот так, — припечатал Билли, убеждая себя, что исчерпал тему.

— Будем надеяться, что все уладится, мистер Бонс, — сказал Израэль Хендс. — Или никто не отважится койку подвесить — все будут бояться, что снизу ножом нырнут. А спать-то моряку надо, сам понимаешь.

Бонс подумал и тряхнул головой.

— Нет, только не на «Морже». Мы береговые братья и все такое….

— Да, верно, — согласился Израэль Хендс и с этим. — Верно говоришь, мистер Бонс.

Но утешала Израэля Хендса, корабельного пушкаря, не сомнительная правота мистера Бонса, а то, что он сам спит не в подвесной койке, а на прочном, основательном рундуке, сколоченном из толстых досок.

Глава 19

8 июля 1752 года. Юго-западная Атлантика. Борт «Моржа»

Долговязый Джон обливался потом, его била дрожь. Судно раскачивалось на волне, вызывая у него, не знавшего, что такое морская болезнь, тошноту. Он с трудом подавлял рвотные позывы, хотя бриз был ровным, а «Морж» держал курс с благопристойностью хорошо воспитанной девушки, следующей по городской улице, не сворачивая и не вертя головой.

Народ вокруг радостно вопил, подбадривая его.

— Бодрей, Джон!

— Смелей, Джон!

— Отлично, приятель!

— Давай, Долговязый Джон!

Флинт со своим проклятым попугаем тоже был тут и вроде бы также искренне подзадоривал. Билли Бонс и люди Флинта смешались с людьми Долговязого Джона, все орали и свистели, топали и хлопали, все были заодно.

Долговязый Джон задержал дыхание. Сосредоточившись, он оттолкнул руку доктора Коудрея

с одной стороны, с другого боку — липкую лапу Джобо. Напряг спину, прижатую к фальшборту у вант грот-мачты, оттолкнулся… Вперед! С новым костылем под мышкой справа. Храбрый шаг, не первый храбрый шаг в его жизни. Бух! Шарк… Бух! Шарк… Два неуверенных шага. Толчок подмышку, толчок конца костыля о палубу… Два одноногих шага и два болезненных нырка, а потом падение в подхватившие его сильные руки моряков, скопившихся вокруг грот-мачты.

— Ура Долговязому Джону! — орали они — Виват Долговязому Джону!

Его хлопали по плечам, по спине, жали руку. Коудрей снова подхватил его, Селена отодвинула в сторону Джобо и поддерживала Сильвера, обхватив вокруг пояса. Он чувствовал тёпло и упругость ее тела, вдыхал ее запах…

— Спляшем, Джон! — гаркнул кто-то, и все снова дружно заржали.

— На клотик влезу, — попытался произнести Джон, но с губ сорвалось лишь неясное бормотанье, сопровождаемое вымученной улыбкой.

— Все, все, на сегодня довольно! — повысил голос Коудрей. — Плотник! — Черный Пес подошел к хирургу. — Хорошо сделано, но чуть длинновато. Дюйм убрать, и завтра еще разок

попробуем. — Он повернулся к Долговязому Джону. — Не жестко, мистер Сильвер?

— Жестковато…

— Подушечку надо помягче… А теперь в постельку, сэр. Отлично сегодня потрудились, но достаточно. Отдыхать.

Его проводили к корме, помогли улечься в подвесную койку, пристроенную в тени, с бочонком вместо стола и еще одним вместо стула для того, кто захочет посидеть рядом и составить выздоравливающему компанию.

Устроив Долговязого Джона, хирург и Джобо удалились, остальные занялись делами, ибо безделье на борту «Моржа» не поощрялось. Флинт, Билли Бонс и Долговязый Джон следовали порядку, заведенному прежними капитанами. К удовольствию Джона, Селена осталась и села рядом, возле его головы, чтобы легче было разговаривать. Улегшись, он почувствовал себя лучше. Дурнота прошла, вернулась бодрость духа, подпитываемая сознанием нового свершения, двух первых шагов, пусть и с деревяшкой. Долговязый Джон ощутил себя мужчиной, он жадно впитывал темноту глаз Селены, любовался ее выпуклостями под обтягивающей одеждой…

«Разрази меня гром, — думал он — Как будто,

чтобы детей делать, ноги нужны. Какая разница, сколько ног? И деньжата в банке отложены…»

— Зачем ты вздоришь с Флинтом? — спросила она, прервав ход его мыслей.

— Ты о чем, дитя? — Но Долговязый Джон понял, что она имела в виду.

— Когда ты в первый раз вышел на палубу, у вас с Флинтом вышла неприятная стычка. Я не слепая. Зачем?

Долговязый Джон вздохнул.

— Пошевели мозгами, милая. Вот он, а вот я. Выбирай. А «Морж» тем временем ползет к его гнилому острову. И он там вытворит то, что задумал.

Селена удивилась.

— Почему ты не хочешь, чтобы Флинт оставил там добычу? Почему ты всегда придираешься к капитану и ищешь ссоры? Постоянно…

— Нет, не я ищу ссоры.

— Наверное. Но ты его заводишь.

— Может быть, и завожу. Но какой смысл зарывать золото, если есть банки, которые от золота не откажутся. Более того, они за него деньги платят, проценты. Чем плох Чарли Нил? Он же не какой-нибудь скупщик краденого. Его и в Чарльстоне знают, и в Нью-Йорке, и даже в Лондоне. Он хоть

скряга, но честный торговец. Вот я и предлагаю: словечко Чарли, и все будет устроено, чуток там, чуток тут, и нигде слишком много.

— Ну-ну. А в руках у тебя останутся одни бумаги. Бумаги и на них всякая писанина вместо золота.

— Чтоб меня черти драли! Зря ты смеешься. Писанина всякая бывает. Бумаги — это закон, приговоры и помилования, бумага — пеньковый галстук. В словах сила, дорогая!

— Это ты так говоришь.

— Чтоб мне лопнуть! Я дело говорю. А ты слушай.

— Ну, слушаю.

— Флинт утверждает: зароем золото — и нет его на судне, и нечего нам бояться. Так он говорит?:

— Так.

— И еще он говорит: а потом мы еще добудем и; тоже закопаем. А когда накопим гору, все разделим и разбежимся. Так он говорит?

— Ну, так. И чем тебе это не нравится?

— А ты когда-нибудь слышала о джентльмене удачи, который бы молниеносно не спустил все, что попало ему в руки?

— Да хоть ты, к примеру.

— Умная больно! Я не в счет. Я не такой. Не я выбрал эту жизнь.

— Флинт тоже не такой.

— Флинт совсем иначе не такой. Он живет ради момента. У него какой-то нечистый план. Это я понял, меня не проведешь. А половину команды, этих олухов, он как будто заколдовал, — Долговязый Джон вздохнул. — И, сдается мне, тебя тоже.

— Капитан Флинт — джентльмен!

— Вот балда! Опять за свое.

— Он джентльмен!

— Еще чего!

— Ну, знаешь, для меня он джентльмен, и побольше, чем некоторые!

Долговязый Джон вскинул глаза к небесам и зарычал от сознания собственного бессилия. Конечно, он не забыл кладовки в питейном заведении Чарли Нила, не забыл своего поведения, и в голове промелькнула абсурдная мысль, что он готов и второй ногой пожертвовать, чтобы все изменить.

Что до Флинта и его плана зарыть сокровища — если он не смог убедить в пагубности этой затеи Селену, сообразительную, умеющую слушать и слышать, то как, скажите на милость, вбить это в головы его товарищам по команде, которые развесили уши и верят всему, что врет им хитрый Флинт? Он вздохнул.

«Да поможет Бог каждой живой душе на борту, — подумал Долговязый Джон. — Ибо я не знаю, что предпринять».

Глава 20

10 июня 1752 года. У берегов Джорджии. Борт «Моржа»

Громадное деревянное чудовище, на палубу которого Селена ступила в устье реки Саванны, поразило ее своей необычностью. Еще больше дивилась она, когда судно вышло в океан. В ее возрасте и неудивительно полное незнание о море, матросах и кораблях. Поэтому она какое-то время безвылазно сидела в просторном, но жарком кормовом салоне, пока, наконец, ей не стало невмоготу переносить это добровольное заключение.

Поначалу Селену все время давил страх. Она боялась необъятного океана с его волнами, то мелкими, то вдруг выраставшими и доставшими до ее убежища. Океан мог бы, если бы захотел, сожрать даже этого деревянного монстра со всеми его обитателями. Селена боялась тошноты, постоянно одолевавшей ее; но она боролась с нею всеми силами. А больше всего Селена страшилась дикарей, шлепавших пятками по палубам «Моржа». Пираты! О них она много слышала в

Саванне.

Чарли Нил называл их рейдерами-трейдерами,[55] но их разбой считал «свободным промыслом». И платил командиру гарнизона, мэру, таможенному инспектору, советникам… — много кому платил Чарли Нил, — чтобы прикрыть глаза, уши и рты, чтобы не приключилось помех на пути его «свободного промысла». Нет, конечно же, это не те самые страшные пираты, которые насиловали женщин, отрезали им груди, сжигали живьем, продавали мужчин в рабство в Бразилию, на малярийные острова Карибского моря, где люди быстро умирали от болезней, где их морили голодом и насмерть забивали плетьми.

Селена согласилась на предложение Флинта, потому что он показался ей очень милым. Вежливым, добрым, чистым. Она таких никогда не встречала. Да и какое будущее ожидало ее в Саванне? А вдруг бы Чарли Нилу вздумалось, что выгоднее выдать Селену семейству Делакруа, чем пользоваться ее услугами. Тем более что она не хотела торговать самым выгодным товаром, своим телом. Но то, что выглядело привлекательным там, в Саванне, оказалось вовсе не столь

---

[55] Примечания: 55

Рейдеры-трейдеры — налетчики-торговцы (англ.).

приятным посреди неспокойного океана, на борту болтающегося на волнах судна, в удалении от прочной земли. А вдруг пираты в море совсем не такие, как на суше? В Саванне это были обычные люди… обычные мужики с нормальными желаниями. А здесь?.. Но Селена преодолела все страхи и выползла на свет.

Наверху ей сразу стало лучше. Тошнота прошла, ветер освежал, жара стояла вполне сносная, воздух был чистым. Да и судно в море выглядело прекрасно. Все натянуто, прилажено, все аккуратно, пристойно. Высоко-высоко вздымаются две мачты, на них раздуваются паруса, изящно выгибаются… Судно бежит!

Оно больше дома, больше дюжины телег. Полным-полно людей, всяких веревок и палок… сложная машина. А как быстро оно движется!

Зрелище настолько ее захватило, что она не сразу увидела судовую команду, которой только что боялась. Но они-то девицу заметили сразу.

— Селена! — раздался голос, и она увидела Флинта, стоявшего неподалеку, на возвышении, с большим зеленым попугаем на плече. Флинт звал ее, приглашал подойти. А рядом с Флинтом находился Долговязый Джон. Последние страхи выгнала вспыхнувшая в ней при виде Долго-

вязого Джона злость. Она подошла к Флинту, Сильверу и еще одному здоровенному чурбану в синем сюртуке, таком же, как на Флинте. На этого она решила не обращать внимания.

Одного взгляда на физиономии Флинта и Сильвера хватило, чтобы осознать, что оба они ее жаждут. Она сразу поняла, что добром это не кончится. Она также попыталась поразмыслить, что из этого последует для нее, и еще: кого бы из них она предпочла. И кроме того она уяснила, что они друзья и ссориться не хотят. Флит и Сильвер скоро ушли прочь, куда-то в брюхо корабля, чтобы никто не видел, как они ругаются, а ее оставили осматриваться на этой удивительной посудине.

Составивший ей компанию здоровенный урод в синем сюртуке везде следовал за нею и орал на всех, чтобы ее не трогали. Это немного успокоило Селену, хотя странно было, что у него два имени. Его звали мистер Бонс, но некоторые величали его мистером Старпомом. Но все знают, что моряки народ странный. Может быть, у остальных тоже по два имени.

Вскоре Селена выучилась жить на судне. Флинт добыл для нее более или менее сносную одежду и обходился с нею, как с леди. Каждый вечер она принимала ванну, но после ванны он ее не

навещал. Он к ней вообще не прикасался! Разговаривал с ней, обедал в ее компании — и все. Селена дивилась, но спрашивать остерегалась…

Остальные, конечно, думали, что он разговорами не ограничивается, а каждую ночь, а то и каждый день утоляет похоть… Селена понимала это не только по взглядам — от нее не слишком скрывали едких реплик, хотя и делали вид, что скрывают. Еще удивительнее, что Флинт, оказывается, и хотел, чтобы все думали, будто у них с Селеной бурная сексуальная жизнь… Но на деле Флинт с ней — ни-ни! Все время как с графиней, каждый вечер ванну, и не обычной забортной водой она мылась, как остальные… Все те первые недели Селена считала, что Флинт настоящий джентльмен.

Долговязый Джон Сильвер злился все больше, они с Флинтом постоянно грызлись, орали друг на друга. Сначала она полагала, что они из-за нее ссорятся, не могут поделить. Но потом разведала еще кое-что. Она прислушивалась к разговорам. На судне было семеро юнг, одного из них звали Крысич Ричардс. Иногда со скуки Селена болтала с ним — Ричардс почему-то был не столь грязен и уродлив, как остальные. Да и мал, худосочен, его Селена не боялась.

— Потому как, мисс, прошу прощенья, мисс, Долговязый Джон, значит, говорит, худо это, когда на судне баба, то есть женщина.

— Почему?

— Нам не знамо, мисс. Только раз Долговязый Джон говорит…

— А с Флинтом Долговязый Джон тоже из-за меня ругается?

— Это точно, мисс. Потому Флинт не верит, что вы, значит, к беде. Да вы-то фигня, мисс, то есть, прошу прощения… Ну… Это… Ну, главное-то другое…

— Что, что?

— Да… Сокровища, мисс. Зарывать или не зарывать.

— Какие сокровища?

Парень ухмыльнулся, мотнул головой и ткнул объеденным ногтем большого пальца в сторону ближайшего люка.

— Там, внизу которые.

— А, которые они награбили!

— Навроде того, мисс.

— А зачем их зарывать?

— А я знаю? Только Флинт говорит — зарыть, а Долговязый Джон не хочет. Поначалу-то они только ржали, а теперь орут да базарят.

— Когда — поначалу? — спросила Селена, хотя поняла, когда.

— Ну, до вас, известное дело.

Селена много размышляла надо всем этим. Времени у нее было предостаточно, ибо кроме как изображать любовницу Флинта, ей никакой иной роли на судне не отвели. И она наблюдала и выжидала, примечала да рассуждала. Принимая вечернюю ванну, Селена различала за переборкой какие-то странные шумы, не похожие на ставшие привычными корабельные. Она хотела сказать Флинту, да почему-то передумала, что оказалось решением в высшей степени мудрым.

Затем она однажды стала свидетельницей жестокой игры, в которую Флинт играл с одним из своих людей, Томом Морганом. Этот Морган вздумал пробовать кремень своего пистолета на искру в каюте, что могло вызвать пожар, Моргану полагалось за это сорок линьков без одного. Но Морган решил избегать наказания.

— Я прошу замены, — обратился Морган к Флинту. — Хочу сыграть во «флинтики».

Вокруг загоготали, раздались советы доброжелателей:

— Брось, Том!

— Безнадега!

— Только хуже будет!

И опять Флинт с Сильвером заспорили.

— Не надо, Морган, — сказал Сильвер. — Мы больше не играем в такие игры.

— Почему? — настаивал Морган. — Я хочу рискнуть. Риск — благородное дело для джентльмена удачи.

Снова раздался смех, возгласы за и против, а Флинт сказал:

— Мы свободные люди, и если брат Морган хочет сыграть, это его свободный выбор. Так ведь, Том Морган?

— Так!

— Не так, — возразил Сильвер, — Мы решили, что эта игра отменяется. Пусть Том Морган получит свои сорок как мужчина.

На лице Флинта появилась мерзкая ухмылка.

— Нет, Джон. Не мы решили, а вы решили отменить игру Флинта, И я призываю присутствующих здесь братьев проголосовать, согласно Артикулам. — Он обратился к команде: — Как решим, ребятишки, игра Флинта или сразу сорок без одного Тому Моргану?

Раздался почти единогласный вопль в пользу игры. Флинт повернулся с ухмылкой к Сильверу, который скрипнул зубами, а попугай взлетел

с плеча хозяина и направился подальше и повыше.

Сразу началась подготовительная суматоха. Селена наблюдала за жестокой забавой сначала с любопытством, а потом со все возраставшим отвращением Руки и лицо Тома Моргана заливала кровь, зрелище не из приятных, но еще гаже ей показалось то, как Флинт управляет превратившейся в стадо командой, дирижирует ее смехом, ее извращенным наслаждением. Селена поняла, что Флинт обладает не только замечательной скоростью реакции, но и способностью организовать людей и заставить их смеяться. И этот созданный им жестокий, издевательский смех вызывал у нее отвращение.

В конце концов, Том Морган уже покачивался из стороны в сторону. Очень упрям был Морган, он твердо решился избежать порки. Кровь, стекавшая с разбитого лба, заливала ему глаза. Он то и дело хватался за бочонок, где лежала окровавленная дубинка, которой лупил его Флинт. Капитан уже сломал ему нос., расшиб губы. Один глаз заплыл, на трех пальцах отсутствовали ногти…

— Еще попытка, приятель? — весело предложил Флинт.

— Ы-э-э… — промычал Морган.

— Понимать твой ответ как «да», друг? — Флинт сопроводил свой вопрос гримасой, вызвав очередной взрыв смеха.

— Нет! — сказал Сильвер, выступая вперед. — Хватит. Он уже получил больше своих сорока, еще чуть-чуть, и он будет негоден для службы.

— Да! Да! Да! — завопила команда. Они не хотели преждевременно лишаться развлечения, как собака не желает расстаться с недожеванной костью.

— Тихо! — Флинт поднял вверх обе руки. — Джон, с удовольствием прекращу игру и отправлю беднягу Тома залечивать свои колотушки уксусом и компрессной бумагой… — Все замолкли. Они знали Флинта и понимали, что он еще не все сказал. И дождались продолжения.

— Если… Если ты, Джон, займешь его место.

Раздался громовой восторженный вопль. Сильвер не успел и рта раскрыть, как десятки рук выдернули плохо соображающего Тома Моргана из-за бочонка и усадили на его место Сильвера.

— Что ж, Джон, — торжественно произнес Флинт. — Мы с тобою, один на один, так?

Селена видела по лицу Долговязого Джона, что он не сможет победить Флинта в игре, ведущейся

по установленным им правилам. Но выхода она не видела.

— На что играем? — спросил Сильвер, оттягивая неизбежное.

— На сорок штук для Тома Моргана. Если ты отнимешь у меня это, Джон, — Флинт помахал короткой толстой дубинкой и уложил ее на дно бочонка, — то спина бедняги Тома останется целой.

— Хм… А с ним что? — Он указал за плечо Флинта.

— С кем? — Флинт обернулся, ища, на кого указал Сильвер. Тот не тратил времени на разъяснения. Схватив дубинку, он запустил ее за борт. Но этим дело не ограничилось. Он вскочил на ноги, уже держа в руках бочонок, на котором разыгрывались «флинтики», занес его над головой… Селене показалось, что бочонок обрушится на голову Флинта, — но и бочонок последовал за дубинкой.

— Все! — крикнул Сильвер подпрыгнувшему Флинту. — Конец этой идиотской сухопутной, недостойной моряка ахинее!

— Заткнись! — заорал выведенный из себя Флинт, забыв про улыбки, ужимки и ухмылки, — Жулик!

Но Сильвер лишь рассмеялся.

— Нет, Джо. Ты проморгал и прозевал. Что, не так, ребята?

— Да-а-а! — в восторге заорали одни.

— Не-е-ет! — возмущено заревели другие;.

— Ну, тогда вот что, — решительно заявил Сильвер, обращаясь ко всем сразу — Я заявляю, что с этой клятой игрой мы покончили и о ней забыли. Это мое слово, и если кто-то хочет возразить, я готов встретиться с ним один на один с любым оружием по его выбору.

Возражений не последовало. Все молчали, старательно избегая взгляда Сильвера. Но очень скоро по толпе прокатился шепоток, тут же превратившийся в рокот, а потом и в оглушительный рев.

— Флинт! Флинт! Флинт!

Лицо Флинта изобразило борьбу эмоций, работа мысли выгнала на лоб морщины. Он чуть было не потянулся за саблей… Чуть было… Но не решился Флинт на открытый конфликт с Сильвером. Не созрел.

— Х-ха! — выдохнул он, наконец, вернув на физиономию покосившуюся улыбку. — Хитрый ты бес, Джон. — И он очень похоже изобразил смех.

— Не хитрее тебя, капитан, — отозвался Силь-

вер, видя путь к улаживанию взрывоопасной ситуации и охотно им пользуясь.

Они похлопали друг друга по плечам и спинам, зазвучал смех, последовал приказ вынести ром. Дело обернули шумной шуткой и даже сумели убедить в этом большинство присутствовавших, включая попугая, который вернулся на флинтово плечо, выкрикивая свое любимое:

— Пьястр-ры! Пьястр-ры!

В общем, Флинт и Сильвер уверили всех, даже самих себя, что они все еще друзья — водой не разольешь. Не убедили они только Селену. Она без усилий увидела истину, ибо не была «джентльменом удачи» и не посвящала своего будущего «свободному промыслу» с Флинтом. Для нее, как и для каждого, у кого в голове имеется хоть капля мозга, ясно было то, чего не понимали команда и зеленый попугай: сведение счетов лишь отсрочено, и тем более жестоким оно окажется, когда, наконец, срок истечет.

Глава 21

15 июля 1752 года. Юго-западная Атлантика, Борт «Моржа»

Долговязый Джон улыбнулся и принял пистолеты от Израэля Хендса.

Любимая его пара, сделаны у Фримэна в Лондоне, о чем говорит гравировка. Долговязый Джон нежно прижал их к груди, полируя рукавом рубахи. Прекрасная работа! Герб, боковые накладки, свирепые овальные маски, на тяжелых рукоятках — все из серебра высокой пробы. Бурые вороненые стволы, синие вороненые замки, завидное быстродействие. Восемнадцатый калибр, пуля двадцатого — для легкости прохождения.

— Ну, Джон, теперь ты опять джентльмен удачи, дьявол меня дери — с удовольствием заметил Израэль Хендс. Ему было приятно видеть Долговязого Джона снова на ногах и при оружии.

— Разрази меня гром, как я все это время обходился без этих хлопушек на поясе? — Джон покачал головой. — Как голый разгуливал.

— Вот порох, вот пули. Кремни ввинчены хорошо.

— Израэль, ты лучший пушкарь из всех, кто когда-либо палил из пушки, клянусь Преисподней. — Оба рассмеялись. Долговязый Джон крепко прижал костыль к телу локтем, с некоторым усилием засыпал порох из рожка, забил пулю с обрывками старой газеты вместо пыжа.

— Ну, в пасть морскому дьяволу. — Джон засунул один пистолет с зафиксированным предохранителем за пояс, второй поднял и, направив за борт в сторону горизонта, нажал на спусковой крючок.

БАНГ! Пистолет подпрыгнул в его руке.

— Мать твоя каракатица! — заорал Билли Бонс со своего поста возле рулевого; — Кто там развлекается?

— Это я, Билли, цыпка моя, — крикнул в ответ Долговязый Джон. Народ рассмеялся. Билли Бонса по имени называл лишь Флинт. Краска отлила от физиономии Бонса, кулаки сжались, как корни старого дуба. Он шагнул в сторону Долговязого Джона, и все затаили дыхание. Но Билли глянул на лицо Сильвера, изможденное долгим выздоровлением, на его оставшуюся ногу и костыль, вспомнил, каким этот тип был раньше… Бонс ухмыльнулся.

— Ложная тревога, — крикнул он. — Калека

развлекается. Как бы оставшуюся ногу не отстрелил.

Под смех команды Билли Бонс, очень довольный своим остроумием, отвернулся и возвратился к своим делам. Не ведал он, что в этот миг уже несся к нему ангел смерти. Билли так никогда и не узнал, что всей своей дальнейшей жизнью, а следовательно и естественной смертью — от пьянства и апоплексического удара в трактире «Адмирал Бенбоу», с черной меткой в кулаке — обязан он исключительно Израэлю Хендсу, человеку, которого никогда не жаловал. Ибо Израэль Хендс увидел стыд и ярость в глазах Долговязого Джона и сжал рукоять второго пистолета за мгновение перед тем, как Сильвер попытался выхватить его из-за пояса.

— Позже, — прошипел Израэль Хендс — Придержи топселя, Джон. Не теперь. Во-первых, все мы подписали Артикулы, и за это дерьмо тебя просто вздернут — Израэль Хендс сделал паузу, чтобы назвать вторую причину, по которой не следует Долговязому Джону преждевременно покидать этот мир — И ты не единственный, кому не нравится дурацкая идея Флинта добро в землю зарыть. Народ на тебя надеется, и ты им нужен на острове, живой и… и… — Он хотел

сказать «и здоровый», но замялся, не желая напоминать Сильверу о потере ноги, но тем больнее напомнил.

— Глянь на меня, — усмехнулся Джон. — Ему до меня далеко было, этому мистеру Билли Бонсу. Его задница еще помнит мой башмак. Если б не нога, я мог бы разделать его и согласно Артикулам, честь по чести, один на один.

— Да, Джон, — кивнул Израэль Хендс, не прочь вспомнить старые добрые времена. — Ты был парень что надо еще во времена капитана Ингленда. — Он сглотнул и добавил ложь во спасение: — И снова станешь таким. — Он пожал предплечье Долговязого Джона, глядя ему в лицо и пытаясь поверить в невозможное.

— Да, друг, — сказал Сильвер, но ум и сердце сказали ему: «Нет».

Глава 22

23 июля 1752 года. Юго-западная Атлантика. Борт «Моржа»

«Морж» лениво переваливался на месте, дохлая волна вспухала и опадала, поднимала, опускала, наклоняла судно, переваливала его с ладони на ладонь. Паруса обвисли и болтались, как половые тряпки, брошенные для просушки на забор. Солнце маслило мертвую зыбь, и уже второй день не было ни облачка, ни ветерка. Но даже попугай Флинта понял, что затишье это скоро взорвется штормом, пока еще невидимым, спрятавшимся за горизонтом, и даже неизвестно, с какой стороны этот предательский шторм нагрянет.

— Всех наверх, мистер Бонс, — молвил Флинт — Все крепить, пушки особо; паруса убрать, люки задраить. Пора.

— Есть, капитан! — отозвался Бонс. — Все наверх! — тут же заорал он.

Билли Бонсу не надо было повторять приказов. Обе вахты высыпали на палубу, марсовые резво полезли по вантам. Шторму надо было оставить как можно меньше зацепок, все, что нельзя было

убрать, следовало закрепить на месте.

— А, Джон, — заметил Флинт Сильвера. — Полагаю, тебе надо вниз убраться, к хирургу да к поварам. Нечего тебе делать на палубе — Он одарил Сильвера язвительной улыбочкой. — А то еще смоет за борт… случайно, разумеется. — Оба замерли друг напротив друга, не обращая внимания на бешеную активность команды.

— Есть, капитан! — Сильвер тоже улыбнулся, но в этой улыбке Флинт с удовольствием заметал отражение бушевавшей в калеке ярости. Флинт «намекнул» Бонсу, чтобы Сильверу почаще напоминали о том, что он увечный. — Иду вниз. — Он глянул в небо, вдохнул раскаленный воздух. — Две ноги лучше одной, ты прав, Джо. Особенно когда папаша Нептун сердится. Как с островом, Джо? Похоже, мы до него никогда не доберемся. То штиль, то вот это… Не потерял ты свой остров? — Сильвер изобразил обеспокоенность. — Может, посмотришь в свои трубочки да начертишь на карте какие-нибудь черточки?

— Спасибо за заботу, Джон, Я знаю, что делаю и куда иду. — Он доверительно наклонился к Сильверу. — Надо бы тебе все это показать. Расчеты простенькие. Ребенок справится… если, конечно, не закапризничает. Это нужно уметь, ведь

именно это отличает джентльмена от простого палубного люда. — Он ухмыльнулся, а Сильвер пожалел, что затеял этот разговор. — Вон, глянь, мистер Бонс топает, жвачное животное. У него мозгов, что у медузы, а и он способен проложить курс.

— Ублюдок, — проворчал Сильвер.

— Мистер Бонс! — крикнул Флинт — Помогите мистеру Сильверу спуститься в безопасное местечко, прошу вас.

Сильвер понял намек. Израэль Хендс и остальные люди Долговязого Джона заняты, готовят судно к удару шторма, и последнее, чего бы ему хотелось, — это использоваться помощью Билли Бонса при спуске в темное чрево судна. Сильвер, не тратя времени, рванулся мимо рулевого, мимо Флинта к ближайшему люку. Откуда прыть взялась! Костыль Сильвер оставил болтаться на петле, запрыгал на одной ноге. Так можно двигаться гораздо быстрее, но велик риск рухнуть, Однако он уже многому научился, с чем и двуногий не любой сладит. Силен и ловок Долговязый Джон!

Но крутой трап люка — серьезное препятствие, а следует спешить, пока Билли Бонс не подоспел «на помощь». Так и не воспользовавшись ко-

стылем, Джон Сильвер схватился за комингс[56] обеими руками и перемахнул через него вниз по лестнице. Бух-скрип! Джон поскользнулся, чуть не упал, стукнулся, соскользнул едва ли не на шесть футов вниз, до следующей палубы, ударившись головой, коленкой и чуть не вывернут плечо. Костыль стукнул в палубу и больно толкнул в подмышку.

Над головой с грохотом задвинулась крышка люка, отрезав доступ свету. Сразу раздался ритмичный перестук молотков плотницких помощников, заколачивающих люк на время шторма. Долговязый Джон проворчал и уселся. Весь в синяках, но живой, и то дело. Милый цыпленочек Билли, разумеется, прикончил бы его. Спихнул бы головой вниз, а потом наступил на горло и подождал, сколько положено. Билли с наслаждением сделал бы это. И для Флинта, и для своего собственного удовольствия. Он еще не забыл увесистых кулаков Долговязого Джона.

Сильвер простонал от стыда и ярости. Надо, надо рассчитаться с Билли Бонсом. Но не только в Бонсе дело. За Бонсом следуют другие. Те самые люди, которые орали: «Виват, Долговязый

---

[56] Примечания: 56

Комингс — рама вокруг люка, защищающая от стока воды внутрь.

Джон!», — теперь смеются шуткам Бонса над калекой. И если откладывать дело в долгий ящик, то скоро все его люди перебегут к Билли Бонсу, и он, Долговязый Джон, станет игрушкой, с которой Флинт сможет делать все, что заблагорассудится.

Снова Долговязый Джон проклинал тот день, в который потерял ногу, клял на чем свет стоит Флинта, из-за которого он и лишился ноги — из-за его жадности и неспособности выслушать добрый совет. И опять, уже в который раз, сквозь толщу отчаяния пробилось в нем уважение к тому неизвестному торговому шкиперу, который дрался, как капитан линейного корабля.

Глава 23

15 июня 1752 года. Южная Атлантика. Борт «Моржа»

Через несколько дней после того, как Долговязый Джон выкинул за борт дубину и бочонок, а вместе с ними и всю флинтову забаву, когда Флинт и Билли Бонс отдыхали внизу, а возле рулевого Тома Аллардайса стоял, разговаривая с ним, Джон Сильвер, на квартердеке появилась Селена.

Сменилась вахта, Аллардайс ушел вниз. Новый рулевой к приятелям Сильвера не принадлежал, и Долговязый Джон отправился на поиски еще кого-нибудь, с кем пообщаться. Он увидел Селену и улыбнулся. Она и раньше замечала, что он на нее засматривается и старается изменить впечатление, произведенное в винной кладовой Чарли Нила. Селена скучала, ей тоже хотелось поговорить с кем-нибудь, кроме сопливых пацанов, тем более что и они начинали скалить зубы и позволять себе всяческие намеки. Флинт же ей почему-то в последние дни оказывал меньше внимания, чем своему попугаю. Казалось, не при-

коснувшись к ней и пальцем, он ею пресытился.

Селена тосковала по дому, ей не хватало родителей, братьев и сестер. Она понимала, что ей никогда больше не суждено увидеться с ними в этой жизни, в этом мире, и пыталась примириться с этим сознанием. Рабам покидать плантацию запрещено, и если она появится на плантации, сразу же проследует на виселицу.

На суше, в Саванне, она умудрялась не глядеть правде в глаза — да и времени не оставалось на раздумья. А здесь, в море, все вокруг изменилось странным, каким-то колдовским образом. Селена пыталась вспомнить лица родных, и ей это пока что удавалось — за исключением малышей, самых милых. Их несформировавшиеся черты расплывались в памяти.

В пропасти своего одиночества она увидела Джона Сильвера свежим взглядом, как будто впервые. Ей понравились широкие плечи, умные глаза. Она свободно, раскованно улыбнулась ему и отметила, как его лицо засияло радостью. Провидение открыло ей в этот момент увлекательную забаву, к которой по воле Божьей способны все женщины. Они выбрасывают приманку, привлекают мужчин для более детального исследования и многое от них узнают, почти

ничего не предлагая взамен. На плантации Делакруа она эту игру освоить не могла. Там Селена была имуществом, в лучшем случае животным для потехи и работы, а здесь, на борту «Моржа», Селена пользовалась всеми правами свободной женщины, да еще имеющей могучих покровителей.

Ее забава, однако, вызвала неожиданные последствия. Сильвер оказался чарующим собеседником, он знал множество историй о разных странных местах и случаях.

— У китайцев, мэм, ногти такие длинные, что загибаются, как кости в женских корсетах.

Она улыбалась, хотя женского корсета в жизни не видела и даже не поняла, что это такое.

— Обезьяны, мэм? Разумеется, я видел обезьян. О, бабуин — обезьяний царь. Видел я бабуинов в Африке. Челюсти — что твой мастифф, а задница, пардон, мадам, задница всех цветов радуги: синяя, красная, в общем, полосатая.

Она засмеялась, показывая, что не такая она дура, чтобы верить подобной ерунде.

— А в Ист-Индии водится большая змея, называемая питоном, Она может свинью целиком проглотить. Или… — Сильвер подмигнул, пригнулся к Селене и осторожно ткнул ей пальцем в

бок. — Или вот такую аппетитную молодую леди, мэм, запросто.

Она увидела, что Долговязый Джон не прочь изобразить этого питона, нахмурилась и отодвинулась. Однако не ушла.

Они продолжали разговаривать и после этой первой встречи, все чаще и дольше. Селена заметила, что Флинт злится из-за этого. Может быть, она и хотела его позлить. По молодости она не соображала, насколько опасны такие игры, Флинт уделил ей чуть больше внимания. Он заставил Бешеного Пью, парусных дел мастера, смастерить ей платье. Дамским портным Пью в жизни не работал, потому результат получился не ахти какой, однако все же у него, как ни странно, вышло настоящее платье, Повара Флинт заставил готовить для нее что-нибудь позатейливее, а офицеров при параде приглашал с ней обедать. Эти обеды оказались для Селены весьма нелегким испытанием, ибо офицеры у Флинта ни манерами, ни умом не блистали, за исключением мистера Коудрея, который когда-то имел врачебную практику в Лондоне, да мистера Смита, третьего помощника, которого все почему-то звали «пастором».

Толстый «пастор» Смит не слишком понравился Селене, потому что он постоянно пялил глаза

на ее бюст, воображая, что этого никто не видит. При этом у него непроизвольно открывался рот, разве что слюна не капала. Не нравились ей и розовые пальчики Смита с обкусанными ногтями. Причин, по которым ему нельзя было появляться в Англии, Смит стыдился и никогда их не раскрывал..

Совсем другое дело — мистер Коудрей. Он когда-то жил в свете, в мире леди и джентльменов. Он видел короля и королеву, бывал в опере. Селена с раскрытым ртом слушала его рассказы о Лондоне, о прическах и модах. Флинту это не понравилось, и Коудрея он больше не приглашал. А Сильвера не звал на обеды ни разу.

Иногда Селену отсылали вниз, прятаться в бухтах якорного троса. Это случалось, когда «Морж» нападал на очередную жертву. Судно сотрясали выстрелы пушек, пороховой дым душил, разъедал глаза, слезы текли потоком. Селена попросила Флинта разрешить ей оставаться на палубе, но на это Флинт не согласился.

— Нет, незабудка моя. Нельзя. Мало ли что случится! От ядра ты точно отскочить не успеешь. Да и насмотришься такого, что потом спать не сможешь. Вниз, вниз!

Отношения между Флинтом и Долговязым

Джоном все ухудшались и ухудшались. Они вздорили из-за всего, каждый раз переходя на ругань. Спорили из-за парусов. Сильвер требовал, чтобы их было меньше, ради безопасности; Флинт — больше, для скорости. Ссорились из-за мытья нижних палуб. Сильвер выступал против влажной уборки, из-за сырости и вызываемой ею гнили, а Флинт — за то, чтобы драить, как положено, и наводить чистоту. Препирались о том, как грог разбавлять, как часы выставлять, ругались по поводу пушечных стрельб и мушкетных учений. И не на шутку расходились, споря о судьбе пленников. Флинт всегда хотел всех перерезать, а Сильвер требовал высадить на землю или отпустить в шлюпке.

Но главные споры вызывало желание Флинта закопать пиратскую казну, накопленную под палубой. Не только золото, серебро, драгоценности, захваченные на ограбленных судах, но и деньги, полученные от Чарли Нила за доставленные в Савану призы.

Селена видела, что эти перебранки совершенно иной природы. Она ничего не понимала в таких вещах, как пушечные учения или приборка палубы. Кроме того, эти споры хоть как-то разрешались, задиры приходили к соглаше-

нию, хряпнув грогу, — палубу убирали, паруса поднимали и спускали. Но полемики о судьбе ценностей не прекращались, и отношения между Флинтом и Сильвером становились все более напряженными.

Наконец, однажды вечером, где-то в середине января, когда «Морж» крейсировал в Карибике, произошла ссора — всем ссорам ссора. Хоть и случилась она не из-за сокровищ. Долговязый Джон, Флинт, Билли Бонс и еще кое-кто из офицеров спустились в каюту Флинта. Там собрались все, чье присутствие требовалось для принятия важных решений, — настоящий военный совет. Селене среди них, разумеется, делать было нечего, но разве могла она не услышать громкой ругани? Вся команда ее слышала, все навострили уши, пытаясь разобраться, из-за чего разгорелся сыр-бор.

— Да будь я проклят, если пойду в Саванну! — орал Флинт.

— И будь ты проклят, если не пойдешь! — вдвое громче кричал Сильвер. — Мы тут слишком долго куролесим. Уже любой пацан знает, где Флинт гуляет. Пора сматываться отсюда.

— Кто на судне капитан? — проклюнулся голос Билли Бонса, глотка у него еще луженее, чем у

Сильвера, и всей команде знакомая. Тут даже прислушиваться не надо.

— Заткнись, Билли! — Это Сильвер.

— А кто меня заставит?

— Заткнись по-хорошему. Я утверждаю, что мы свое взяли. Следующий, кого мы встретим, будет фрегат, посланный за нашими шкурами.

— Ну и вали, ссыкун поганый! — прорычал Билли Бонс.

Сильвер почему-то Бонсу ничего более не сказал. Зато сразу послышался грохот, треск ломаемой мебели, удары. Кто-то захрипел, взвыл, а потом рявкнул пистолет. Матросы с округлившимися глазами подтягивались к корме, темные силуэты маячили в ночной тьме. Они забыли о том, что надо следить за морем, забыли даже о руле, все внимание сосредоточилось на корме и устремилось к каюте Флинта.

Шум быстро прекратился, на палубе появились Флинт и Сильвер, и толпа мгновенно рассыпалась. Флинт и Сильвер разошлись к противоположным бортам, не глядя друг на друга. Каждый из них обменялся краткими репликами со своими приближенными. Вокруг обоих собралось по группе моряков, настороженно посматривающих в сторону соседей.

Следующим на палубу вышел… нет, не этим словом следует охарактеризовать передвижение победителя кошмарного гарнизонного сержанта из Саванны. Билли Бонс не шел, он ковылял, держась за переборки и снасти. Он вяло ударил первого подвернувшегося, обматерил его, заикаясь, и приказал принести ведро воды. Перед ведром Бонс молитвенно опустился на колени и погрузил в воду голову, смывая кровь и сопли, кряхтя, фыркая и расплескивая воду. Немного отойдя, Билли принялся мрачно взирать на Сильвера. Команда переглядывалась да прикидывала возможное развитие событий.

Но если Сильвер победил в драке, то в споре он проиграл. «Морж» в Саванну не вернулся. Флинт поступил по-своему. Он не последовал совету Сильвера, как случалось раньше. Теперь их разделяла огненная стена гнева и недоверия. Пользы от этого никому никакой. А вот вреда… И словами не выразить, сколько от этого было вреда, особенно для Долговязого Джона Сильвера. Потому что Сильвер оказался на сто процентов прав. А Флинт, соответственно, на сто процентов ошибался.

Глава 24

21 нюня 1752 года. Карибское море. Борт парусника «Джон Дональд Смит»

Мистер Юстас Крейн, капитан и совладелец вест-индского «Джона Дональда Смита», дрожащей рукой поднял абордажную саблю и, прищурившись от яркого солнца, прикинул расстояние. Его судно рвалось вперед под всеми наличными парусами, ветер гудел в такелаже, больше не выжать ни пол-узла. Преследователь нагонял.

Рука капитана Крейна дрожала и трясла саблей со страху, потому что он знал, кто за ним гонится. Этот пират — Флинт. А в Карибском бассейне даже малым детям известно, что такое пират Флинт. И любой в курсе, что того, кто оказывает ему сопротивление, ждет смерть жестокая и мучительная. Но больше смерти и мучений капитан Крейн боялся разорения и презрительной жалости более удачливых соотечественников, которые выкинут его семью из дому и глазом не моргнут.

Судно Флинта подошло на пистолетный вы-

стрел, пенные буруны расходились от его носа, две волны разбегались в стороны и сливались с оставленными позади «Джоном Дональдом». У последнего не было ни малейшей возможности удрать, ибо «Морж» Флинта, шхуна «янки» при стеньгах и топселях, построен для гонки, для скорости, тогда как вест-индец капитана Крейна был толстым, неповоротливым грузовиком, к которому, как будто в насмешку, приделали мачты с парусами.

Конечно же, пират догонит, подойдет борт к борту, и тогда — да поможет Господь бедным морякам! Четырнадцать пушек насчитал капитан Крейн на «Морже», не меньше сотни головорезов уже толпились у борта. Крейн видел, как они весело перепихивались, занимали места поудобнее, готовые броситься на добычу. От веса сгрудившихся вдоль борта пиратов шхуна накренилась, планшир[57] вздымал пенную волну, захлестывающую ноги пиратов. Они ругались и смеялись над капитаном Крейном с трясущейся в руке саблей. Более никого на палубе «Джона Дональда Смита» не было видно.

Флинт лихо вскочил на ванты грот-мачты и

---

[57] Примечания: 57
Планшир — брус вдоль верхней кромки борта.

заорал команде:

— Долговязый Джон, Билли Бонс, Бешеный Пью, Черный Пес, Джордж Мерри, Израэль Хендс…

Бедняга Крейн слышал каждое слово.

— Гляньте на это драное корыто! — продолжил воодушевляющую речь капитан Флинт. — Они даже разок пальнуть из пушки не отважились, навалили в штаны, сбежали вниз и прячутся в трюме!

Пираты ответили своему капитану взрывом хохота. Они подталкивали друг друга локтями, полагая своего вождя остроумнейшим из смертных.

Но Флинт немного ошибся. Палубы «Джона Дональда» выглядели пустыми, потому что люди лежали между пушками, за баррикадами из бухт каната и всякой всячины. Будь Флинт повнимательнее, он бы легко мог заметить эти нагромождения барахла: вдоль бортов — старый прием, издавна применявшийся на военных судах. Возня с такими кучами, конечно, время отнимает… И для забавы такого не устраивают.

В этот момент рука капитана Крейна перестала дрожать, сабля резко рванулась вниз, и пятеро пушкарей вскочили и тут же воткнули горящие фитили в запальные отверстия шестифунтовок.

Потянулись долгие секунды, в течение которых запалы задымились, зашипели и швьгрнули жаркое пламя в толстые рукава стволов.

В людях Флинта произошедшее на борту жирного торговца вызвало множество противоречивых чувств, среди которых преобладали удивление и возмущение. Скудоумные, вроде Тома Моргана и Джорджа Мерри, зарычали с интонациями ребенка, обиженного: нарушением правил игры. Хитроумные, вроде Флинта и Долговязого Джона, рухнули на палубу и постарались спрятаться, вжаться в швы.

БУМ-М-М! Первая пушка грохнула, выплюнув минный язык пламени и облако белого дыма. Сразу за нею почти одновременно выпалили еще три, а секунды через две разродилась и пятая. Умело заряженные пушки — с заглушенным верхом казенника[58] — вымели открытую, накренившуюся навстречу выстрелу палубу пирата, приближавшегося с наветренного борта. Крейн служил в молодости королю Георгу. Он сражался против даго, голландцев и боевой опыт не забыл. Все пять пушек он приказал зарядить самодельной шрапнелью: старыми гнутыми гвоздями,

[58] Примечания: 58
Казенник — задняя часть ствола, в которой расположен затвор.

заклепками, обрезками железа, обрывками цепей, мушкетными пулями и иным подручным металлическим хламом. Такой заряд эффективен лишь при выстреле в упор, ибо вся вырвавшаяся из пушек мелочь рассеивается и быстро теряет убойную силу. И Крейн, хорошо это зная, дождался приближения пиратской шхуны вплотную.

В результате выстрела свыше полуцентнера мелкого железа врезалось в абордажную команду Флинта и произвело действие тысячи хирургических Ланцетов. Железки и медяшки срезали пальцы, задницы, носы, колени, локти. Они опрокидывали людей, вскрывали их, ослепляли, кастрировали, потрошили. Они протыкали почки и печенки, дыхательные пути и пищеварительные, вытряхивали содержимое людей на палубу. Тридцать человек полегло убитыми и пятьдесят ранеными. Оставшиеся невредимыми шестьдесят пять замерли, ошеломленные нежданной мясорубкой, они стояли по щиколотки в мокром месиве, которое только что было их товарищами.

Когда дым рассеялся, с «Джона Дональда Смита» раздались ликующие крики. Моряки торгового судна увидели, что творилось на палубе пирата.

— Мушкеты, молодцы! — крикнул Крейн,

вбросил саблю в ножны и схватил «Бурую Бесс» морского образца.

Банг! С десяти футов трудно промахнуться. Крейн увидел, как окровавленная фигура взмахнула руками и рухнула. Он опустил мушкет на палубу и выхватил два пистолета. Воодушевленная успехом команда «Джона Дональда» поспешила последовать примеру капитана и разрядила в противника три дюжины мушкетов, полдюжины мушкетонов и все наличные пистолеты, по паре на каждого члена экипажа.

Грянувшая за грохотом пушек трескотня мушкетов оказалась последней каплей, переполнившей чашу разумения флинтовых героев. Уцелевшие рванулись в трюм, иные — с полными сзади и мокрыми спереди штанами — принялись зарываться в балласт.

Рулевой отпустил румпель, он торопливо, обеими руками запихивал в живот свесившиеся до палубы кишки, вопя, как попавшая под карету бристольская шавка. Руль «Моржа» нерешительно поворачивался из стороны в сторону, затем ему помогли паруса. Поскольку ветер сильнее напирал в задние, судно развернулось носом к ветру и нерешительно заколыхалось, хлопая парусами, гремя блоками, перекатывая и размазывая по

палубе раненых, части их тел, всяческие отбросы и экскременты.:

«Джон Дональд Смит» тем временем курса не: менял, держал свои скромные семь узлов, что для нею не так уж и мало, и всем своим видом показывал, сколь толковым моряком оказался Юстас Крейн. Он был умелым пушкарем, боевым командиром — только не торговцем.

Трейдером Крейн всегда был просто никчемным Он столько раз ошибался, столько раз позволял себя надуть, что, в конце концов, оказался вынужденным вложить все в один-единственный рейс — тот самый, злополучный, когда он попался на глаза Флинту. Будь он добрым торговцем, Крейн не стал бы, конечно, брать столько пушек и пороху и не тратил бы время на обучение команды искусству морского боя. Да и драться бы не решился. Он мирно сдал бы судно Флинту, как поступали многие до него в надежде прожить немного подольше. Но Юстас Крейн не был коммерсантом, а потому все произошло в точности так, как здесь описано, и Крейн повел судно, капитаном и совладельцем которого он являлся, далее на север и на восток, в конце пути бросив якорь в Бристоле.

И, как ни странно, он немало выручил за спа-

сенный от пиратов товар.

В последующие годы Юстасу Крейну случалось, сидя в доброй компании с кружкой ромового пунша и ощущая спиной тепло очага, рассказывать гостям, как он задал перцу этой скотине Флинту и что сделал с его пиратской шайкой. По душе были Юстасу Крейну эти вечера, он говорил чистую правду и имел полное право гордиться своим приключением. Только почему-то даже лучшие друзья не верили его честному повествованию.

21 июня 1752 года. Карибское море. Борт «Моржа»

Палубу «Моржа» окутал густой пороховой дым от пушек коварного торговца. Уткнувшегося лицом в палубу Долговязого Джона смело страшным ударом, на него посыпались люди и обломки. В ярде от своего носа он не мог ничего различить, в ушах гудело от грохнувших пушек. Запахло порохом, жареным мясом и горелыми волосами.

Джон попытался сесть, спихивая с себя продавившее его тяжелое тело. Им оказался валлиец Бешеный Пью, от него и несло паленым. Скальп Бешеного Пью оголился, волосы, лицо и грудь его облизал пламенный язык выстрелившей пушки. Лицо черное, глаза… На них лучше не смотреть.

Теперь Бешеного Пью можно называть Слепым Пью. Язык родной он не забыл, что-то бормотал на нем жалостливо, как будто припевая.

Освободившись от Пью, Долговязый Джон хотел подняться, но не смог. Что-то держало его ногу. Дым рассеивался, и Джон ахнул. Левая нога между бедром и коленом превратилась в кровавое месиво. Большая бедренная кость тускло просвечивала изломом, кровь хлестала потоком, нижняя часть ноги болталась на обрывках кожи и мышц.

Из дыма вынырнула лисья физиономия Флинта.

— О, Джон! Ты, никак; ноги лишился? — Флинт злорадно ухмыльнулся. — Что ж, каждому свое, каждому по заслугам.

Джон Сильвер толком не слышал слов Флинта, угадывал их по губам. Флинт цел и невредим. Ни волоска не тронул на нем окаянный торговец.

— Ублюдок! — вырвалось у Долговязого Джона. Рука его рванулась к пистолету, но в этом момент судно завалилось на борт. Хлопнул грот, заскрипели мачты, все снова покатилось кувырком, Слепой Пью навалился на Джона, завопил и ухватился за руку.

— Мы к этой беседе вернемся, Джон, — по-

обещал Флинт. Появился Билли Бонс и поднял Флинта.

— Вся посудина в чертовых железяках, капитан. А эти черви гальюнные забились в трюм и сидят дерьмовым балластом, — несколько возбужденно доложил Билли Бонс обстановку.

— Билли, цыпчик мой! — улыбнулся ему Флинт. — Ах, Билли, что за слог! Что рядом с тобою Шекспир или Мильтон?

— Греб его Шекспира мать, капитан, пардон, но судно не боеспособно. Эти горбатые моллюски…

— Да ладно, милый, — успокоил его Флинт — На сегодня отвоевались. Теперь не дорвались бы наши цыплятки до рома. Так что поспешим, Билли. Вперед!

Флинт в сопровождении Бонса рванулся к люку, и вскоре снизу послышались пистолетные выстрелы и вежливые разъяснения, что «Богадушу-мать» ромом запахнет лишь тогда, когда черви гальюнные отчистят «Морж» до блеска.

На палубе вопили раненые, звали на помощь. Но никто к ним не спешил. Вскоре на палубе появилась Селена. Выпучив глаза, она сначала замерла, привыкая к кошмарному развалу. Затем принялась пробираться по палубе, оглядываясь и что-то выискивая.

— Долговязый Джон! — крикнула она.

— Здесь, — донесся до нее крик из-за кучи мертвого мяса, зажатой меж двумя пушками. — Селена!

Она рванулась вперед, раскопала его и ахнула в ужасе.

— Бог мой! Срочно вниз. У хирурга все готово.

— Нет-нет, только не это! Этот придурок оттяпает мне ногу за милую душу. Нет-нет. Я не могу без ноги.

— Перестань. Ты боишься, что ли? — попыталась она его вразумить. Но душу Долговязого Джона затопил ужас. Он ругался и упирался, пока Селена волокла его тяжелое тело к люку.

— Сдохнуть хочешь? — закричала она на него. — Или меня погубить?

— А, мистер Сильвер! — с каким-то неодобрением покосился на него Томас Коудрей, облаченный в запачканный кровью передник. — Я был о вашей милости лучшего мнения. Aut vincere aut топ. Победить или умереть. А вы… гм, ни того, ни другого не осилили.

Мистер Коудрей был когда-то джентльменом образованным, а хирургам и по сей день остался прекрасным. Быстрый, умелый, умный господин, не то что выпивохи, обычно практикующие

на морских просторах. Когда-то он работал в лондонской лечебнице Святого Варфоломея, Коллеги подшучивали над его страстью к чистоте. Свои хирургические инструменты он перед использованием непременно вываривал в котле с кипящей водой, утверждая, что мера эта предотвращает загнивание раны после операции. Вероятно, коллеги и поверили бы ему, но он не утаил, что научился этому приему у цыгана, кастрировавшего кабанчиков. Его подняли на смех, а затем и из больницы выжили. Ученые коллеги могли бы и далее мириться с его причудами, но вот с тем, что больные у него выживали чаще, смириться куда труднее.

Далее в его карьере и биографии были и джин, и игра, и помощь дамам, забеременевшим без помощи мужей… Пришлось мистеру Коудрею покинуть Англию, так он попал в Вест-Индию, связался с каперами, с пиратами… И оказался на «Морже».

Слегка поморщившись при виде того, во что превратилась нога Долговязого Джона, мистер Коудрей оглядел остальных раненых, прикинул в уме и повернулся к помощнику, мулату Джобо, подсоблявшему еще и коку.

— Сильвер следующий, — изрек хирург.

Джон заорал и пополз к трапу.

— Придержите этого олуха, — проворчал врач.

С помощью легкораненых Селена и Джобо приволокли Сильвера к столу, по команде хирурга срезали штанину, Джобо наложил жгут, закрутил и остановил кровотечение.

— Держи огузок! — бросил Коудрей Селене, кивнув на отломленную ногу. Селена колебалась, и врач подбодрил ее, прикрикнув: — Живей! Не бойся, не укусит. Ты! — повернулся он еще к одному из присутствующих. — Влезь на стол и придержи грудь. Обними, как любимую. — Еще одному Коудрей приказал взяться за здоровую ногу и двоих приставил к рукам.

Коудрей потянулся к ампутационному ножу, кривому, как серп, и острому, как бритва.

— Рому! — вдруг потребовал Долговязый Джон.

— Потом, — сказал Коудрей и опустился перед Долговязым Джоном на колени. Он подхватил левой рукой приподнятую изуродованную ногу, подвел нож, сжал зубы и резанул, что было сил.

Долговязый Джон издал вопль, который разбудил бы и мертвого. Нож одним махом вскрыл кожу, мышцы, нервные волокна и кровеносные сосуды как раз под изломом большой кости. Коудрей вскочил, отложил большой нож, схватил

ланцет и принялся обрезать ткани вокруг кости.

— Джобо! — Хирург указал глазами на культю, и Джобо с помощью пары ремней отжал плоть ноги в направлении таза, освобождая еще дюйм кости.

Третьим инструментом в руке хирурга оказалась мелкозубая пила. Раз, два… досчитать удалось бы до шести. Коудрей отложил пилу, стер с глаз пот. Селена тупо глядела на оставшуюся в ее руках отделенную от тела ногу. Отделенную от живого человека; мертвую ногу. Она покачнулась, выронила ненужную конечность. Достаточно она выдержала, но теперь… Она бросилась к трапу. Скорее на воздух!

Джобо, не обращая внимания на ее уход, отпихнул ногу в сторону, отпустил ремни, и конец кости закрылся надвинувшейся плотью.

— Снять! — бросил Коудрей, и Джобо ослабил жгут. Струйки крови обозначили расположение артерий, и Коудрей, поймав каждую крюком, вытянул ее, перевязал, оставив за узлом длинный конец нитки. Вся операция заняла меньше двух минут, в течение которых Сильвер орал, не переставая, а все присутствовавшие вспотели еще больше, чем Коудрей и Джобо.

Коудрей обработал и перевязал культю с кор-

пией, замотал полотном и поверх всего насадил короткий толстый чулок.

— Следующий, — буркнул Коудрей, и Джобо, стащив Долговязого Джона со стола, уложил его в рядок с другими тяжело ранеными, уже обработанными.

— Дай ему рому, Джобо, — сказал Коудрей, но Долговязому Джону пришлось подождать, потому что раздался топот и ввалились новые раненые, вопящие и окровавленные.

Эти оказались жертвами не обстрела с «Джона Дональда», а разъяснительной работы, проведенной капитаном и его штурманом. Флинт и Билли Бонс довели до сведения членов экипажа, что по Артикулам положено не прятаться в балласте, а латать дыры, сращивать концы, расчищать и драить палубы.

Приятели, живей разворачивай парус,
Йо-хо-хо, веселись, как черт!

Тем же, кто не сообразил должным образом и достаточно живо развеселиться, капитан и его цыпчик, который временно заменил улетевшего попугая, указали на недопустимость их поведения.

Все это время Долговязый Джон солировал в

громкоголосом хоре лежавших рядом с ним. Этой компании не хватало лишь Дьявола со скрипкой, который отбивал бы такт копытом по окровавленной палубе, приглашая присутствующих поскорее отправиться в его владения.

Затем одиночество Долговязого Джона завершилось. У него появилась верная подруга, бутылка рому. Орать сил больше не было, только хрип вырывался изо рта. Обрезанная нога гудела, выла, стучала молотом. Ром забрал боль, а что не забрал — приглушил. Чудодейственный напиток! В конце концов, он принес и забытье.

После этого река времени потекла каким-то непонятным Долговязому Джону образом. Она убегала от света, ныряла в неизведанные недра, кружила, впадая сама в себя и из себя вытекая. Ром, конечно, влиял на русло этой речки, еще больше влиял лауданум, настойка опия, которую Коудрей добавил к рому. Играла роль и гордость сильного мужчины, не приемлющего мысль о потере невосполнимого. Но больше всего действовали естественные следствия ужасной раны. А ведь еще повезло: культя не загноилась. Иначе наступила бы мучительная смерть. Невежды могут смеяться над доктором Коудреем, который варит свои инструменты в котле, как повар су-

хие бобы, но эта колдовская процедура отгоняет маленьких бесенят, погубивших больше доброго народу, чем раскаленный свинец и холодный булат.

Долгое время Сильвер, возвращаясь из забытья, ощущал только боль. Потом она понемногу начала отступать, туман рассеивался. Долговязый Джон увидел, что он не в вонючем госпитальном отсеке, а на палубе. Его койка висела у носового кубрика. Дул ветерок, свежий, прохладный. Он услышал голоса. Это Селена и Коудрей. Добавить к их беседе свой голос Долговязый Джон оказался не в состоянии, но уши-то остались целы.

— Нет.

— Почему?

— Нога отнята слишком высоко.

— Тогда как ему ходить?

— С костылем.

— Что-о? Как! Да что же это такое! Да… Да вы просто… коновал!

— Ох-х, балда… Гляньте-ка сюда.

Они подошли вплотную, Долговязый Джон зашевелился, чтобы показать, что он их слышит, но его движение осталось незамеченным.

— Ну? — сказал Коудрей. — Обрубок футовый, дюжина дюймов, меньше даже. Протез не пой-

дет. Может, в Париже или Лондоне и сделали бы — с шарнирами и пружинами. Но не здесь, на задворках цивилизации. Ни инструментов, ни мастеров. Костыль, — категорически отрезки Коудрей.

— Х-ха! Долговязый Джон не такой человек! Он лучше умрет! Да что вы за мясник!

— Придержите язык, мадам, — холодно проронил Коудрей, сдерживая гнев. — Или с костылем, или на брюхе. Он теперь одноногий и должен привыкнуть к этому, приспособиться и научиться жить с одной ногой.

Глава 25

23 июня 1752 года. Юго-западная Атлантика. Борт «Моржа»

Света внизу не было, люки задраены наглухо. В полной темноте под люком квартердека Долговязый Джон для начала уселся у трапа и обшарил все вокруг. Нашел выпавший из-за пояса пистолет, засунул обратно. Решил не рисковать, передвигаться ползком, ибо вверху уже завыл ветер, заглушая крик Флинта и вопли Билли Бонса. Судно начало отплясывать под дудку шторма.

Свет можно найти в кормовом салоне капитана, куда Долговязый Джон и направился под скрип, кряхтенье и оханье деревянных конструкций. Корабельное дерево всегда стремится обрести самостоятельность, особенно в шторм. Стыки, тщательно заделанные корабельными плотниками, стонут, дерутся с удерживающими их болтами; швы стремятся выдавить смолу и впустить воду и воздух. Под дикую деревянную музыку Долговязый Джон полз к корме, понимая, что это лишь увертюра… Нет, даже настройка инструментов, а музыка еще и не началась.

Он добрался до люка и толкнул его. Свет! Тусклый, конечно, лишь от луны да звезд, но после кромешной тьмы задраенной палубы — как будто солнце засияло.

— Кто там?

— Селена? — Он совсем о ней забыл, как будто ее и па свете не было. Она выбежала из каюты Флинта.

— Долговязый Джон! Ты что тут делаешь?

— Несу почетную службу, мэм, по охране свинины-солонины, да трюмных крыс, да юных девиц. — Он огляделся. Стол и стулья принайтовлены к палубе, все зафиксировано. И никого. — Где ты прячешься?

— Здесь я, у окна…

Сильвер всмотрелся и увидел ее силуэт. Вот уж точно, «когда ни звезды, ни луна не светят в поздний час»… Он прополз дальше, пересек темное пространство, отделяющее его от панелей ромбовидных пластин волнистого полупрозрачного лунного стекла, засвинцованных в деревянных рамах. Под рамами стоял рундук с мягкой обивкой, спальное место десяти футов длиною и фута три в ширину. Флинт иногда тут изволил отдыхать, а то и почивать. Селена сидела здесь, сжавшись в комочек, подтянув колени к

подбородку. Сильвер залез, плюхнулся рядом, отцепил костыль и отряхнулся. Вдали сверкнула молния, загремел гром. Голос шторма крепчал, глотка Билли Бонса сдавала. Могуч Билли, силен, а что он против, стихии? Тьфу, да и только. Селена подпрыгнула от удара грома, но глаз от Сильвера не отрывала.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она снова. Умнейший вопрос! Что же ответить этой балде?

— А что мне там делать? Безногому-то…

— А-а… — Она отвернулась.

ТР-РА-ТА-М-М-М!!! Зигзаг молнии прочертил небо намного ближе, грохнуло скорее и громче. Селена задрожала, раскрыла рот. Грома она всегда боялась, даже на суше, под крышей. А здесь, в океане… Хлынул ливень, смешался с брызгами волн, с пеной. Ветер свирепел с каждой минутой. «Морж» нырял все глубже, возносился все выше. Третья молния раскололa черное небо сине-белой бриллиантовой полосой, гром чуть не высадил оконное стекло из его свинцовых оков. На этот раз даже Джон вздрогнул.

Селена бросилась к нему, обхватила обеими руками и прижалась к нему, крепко зажмурившись.

— Да, — пробормотал Сильвер. — Попались мы,

чего уж там. Хорошо грохнуло.

Он погладил ее волосы, ласково похлопал по спине, поискал в памяти чего-нибудь нежного и ободряющего. Но в жизни его не было места сентиментальности, и по насмешке судьбы нежные слова он позаимствовал из лексикона Джо Флинта.

— Ну-ну, цыпленочек мой… — ласково пропел Сильвер, с трудом ворочая языком, повторяя слова Флинта. — Цыпочка, цыпка маленькая. — Сильвер повторял это снова и снова, забыв про Флинта и вспоминая всем телом что-то другое, испытанное впервые в винной кладовке Чарли Нила.

Ветер выл и рычал, сверкали молнии, гремел гром и бушевал океан, дерево жалобно верещало, темный мирок флинтовой каюты болтался, как корзина на спине взбесившейся лошади. Селену сжимал ужас. Она прилипла к Сильверу, как дитя к матери. Кто ее за это осудит? Тропический тайфун, суденышко в две сотни тонн болтается, как деревянная щепка… и все это она к тому же переживает впервые.

Долговязый Джон, однако, уже два десятка лет в морях-океанах, видал он и похуже шторма и не на таких добрых посудинах как «Морж». В судно

Долговязый Джон верил, да и эта скотина Флинт — судоводитель не из последних. Чего бояться-то? Нет, он не боялся, его одолевали другие эмоции. Сильвер изрядно смутился. К груди его прилипла та самая девица, о которой он так долго мечтал, которую желал вот уже сколько месяцев. Теплая, лакомая… И упругие шарики ее грудей расплющились о здоровенную грудную клетку Джона.

Такая ситуация — не повод для сомнений, особенно для бывалого Моряка, не сосунка какого-нибудь. В нормальной обстановке Джон точно понимал бы, что и как делать. Более того, он уже и по личному опыту знал, как помогают похотливым бесам всякие пустяшные страхи: испугается девушка привидений или домовых — и готова… Сердце колотилось у Джона в груди, он живо представлял, как сдирает с нее одежду, как…

Наконец одуревший Джон отважился расстегнуть пуговку на ее рубахе… вторую… запустил ладонь под полотно, чуть прижал ее грудь… Круглая, гладкая, как ядро, аккуратненький сосок торчит вперед, как солдат на параде. А ниже — живот… пупок… Джон чуть не задохнулся, зашевелился, спустил руку ниже… Штаны у него рвались, бушпритом торчало там чертово жало, тянулось к ней…

Селена простонала:

— Нет.

Сильвер вытащил дрожащую руку, унял стук зубов.

— К-как скажешь, цыпка моя, — прохрипел он, нежно сжимая ее в объятиях.

— Я боюсь, Джон.

— Понимаю.

— Мы умрем?

— Нет-нет. Старый «Морж» — крепкое судно, он такое выдержит. И Флинт не оплошает.

— Дрянь этот Флинт.

— Это точно. Да и все мы здесь, сказал бы я…

— Нет, только не ты.

— Как?

— Так.

— Съешь меня черепаха! — Сильвер от удивления даже забыл о своем бушприте.

— Там, в Саванне…

— Н-ну… — протянул Сильвер, застыдившись.

— Ты ведь не знал, да?

— Не знал. Все равно виноват, каюсь, но я думал, что ты одна из девиц Чарли.

— Но я не такая.

— Нет, девочка моя, не такая. За всю мою жизнь… — Джон замолчал, в нем такое твори-

лось! Слова, где взять слова? Губы мучительно задергались, и, наконец, вымолвили что-то в высшей степени непривычное.

— Я люблю тебя, девочка моя.

Селена улыбнулась, расстегнула рубашку, взяла его руку и прижала ладонь к своей груди. Другую руку обвила вокруг своей шеи и поцеловала Сильвера в губы.

— Я никогда этого раньше не делала, — сказала она серьезно и таинственно.

— Да?

— Да.

Похоже, их охватило счастье. Каждый казался другому невыразимо прекрасным, даже во тьме, даже лишь в прикосновении, в трении обнаженной плоти. Л нога? Зачем ему нога? Очень скоро выяснилось, что и одноногий солдат, когда долг зовет, прекрасно справляется с задачей. Селена была в полном изумлении, Сильвер — в восторге; и снова, и снова незаметно пролетали часы… Когда им в последующие годы жизни становилось невмоготу, они вспоминали эти часы в капитанском салоне — доброго старого «Моржа», вспоминали, как любили друг друга, забыв о шторме…

Шторм между тем стих, и Флинт приказал

отдраить люки. Усталый, он отправился к себе в салон и обнаружил там Долговязого Джона и Селену. Шум отдираемых досок давно предупредил преступную парочку о скором появлении хозяина, но Сильвер никуда не спешил. Он сидел, одной рукой обняв Селену, а другую как бы случайно, для удобства, возложив на разукрашенную серебром рукоять пистолета.

— Нашел свой остров, капитан Флинт? — спросил Сильвер. Физиономия Флинта потемнела. Злость подкатила к его горлу, как лава к жерлу вулкана.

Глава 26

25 июля 1752 года. Юго-западная Атлантика. Борт «Моржа»

Флинт застыл на пороге своего салона, выпятив глаза на Сильвера, спокойно обнимавшего Селену, которая очень уютно и, как видно, весьма довольная собою, прильнула к этому… этому… Эмоции захлестывали Флинта, как приливные волны бьют по трупу пирата, повешенному в доке. Сначала Флинт ощутил удивление; неужто девица отдалась калеке? Затем испытал жгучую зависть к калеке, который может то, чего ему, славному капитану Флинту, не дано. Наконец, возникла еще более жгучая, разъедающая душу ненависть.

Флинт выматерился, выхватил нож и шагнул к Сильверу. Джон выхватил пистолет и поднял его в сторону Флинта.

— Что, ты меня застрелишь? Зная, что у меня порох подмок? — Он показал на свои омытые штормом пистолеты, и оба замерли, пристально глядя друг на друга. Эмоции бушевали в обоих, но оба не двигались. Селена, ставшая причиной или,

по крайней мере, поводом этого столкновения, со страхом и изумлением наблюдала за сценой.

— Давай, давай, ублюдок, — подначил Флинт.

— Как пожелаешь, капитан, — тут же, без задержки, ответил Сильвер. Но ничего не изменилось. Селена косилась на их напряженные лица, видя, что лишь какая-то крохотная пылинка задерживает вращение колес смертоносного механизма.

«Они боятся, — подумала она. — Боятся друг друга. Поэтому и медлят».

Она поняла то, чего не замечал никто другой. Но и ей открылась лишь часть истины. Она не осознавала, да и не могла осознать, что оба непримиримых врага многое отдали бы, чтобы засыпать пропасть, их разделявшую. Самое мучительное в рухнувшей дружбе — неуклюжие, мучительные, тщетные попытки бывших друзей воскресить ее, достичь компромисса, в чем-то уступить. В общем, не видеть жестокой правды, закрыть на нее глаза.

Тут сверху притопал Билли Бонс. Еще не войдя, он начал доклад затылку капитана.

— Все в порядке, капитан! Разрешение на смену вахты и выдачу ро…

Он заморгал, увидев нож и пистолет. Сооб-

ражения у него хватило не на многое, но, что обожаемому хозяину грозит опасность, он сразу понял.

— У! — пыхнул он и как был, не вынимая оружия, шагнул вперед, заслонив собой флинта. — Капитан! Можно вырвать яйца этому безногому ублюдку?

— Билли, цыпка моя, — рассмеялся Флинт. Его живой ум разглядел юмор в этой ситуации. Он смеялся глупости Билли и его полезности… — Хочешь расколоть кости этого мозгляка? Хочешь его глаза забить ему в глотку?

— Хочу! — страстно промычал Билли Бонс.

— Хочешь? — подхватил Сильвер. — Получишь.

Сильвер вскочил на свою единственную ногу и оперся на костыль, оставив Селену.

— Слушай, ты, пузырь, — обратился он к Бонсу — Я вызываю тебя один на один, согласно Артикулам. Вызываю липом к лицу, с оружием, которое твоя мать дала тебе, на честный и равный поединок без вмешательства третьего. — Бонс поморгал, пытаясь освежить в памяти Артикулы, которые когда-то подписывал и много раз слышал, тол колл ничего не вспомнил; но улыбка сама поползла по его тяжелым щекам.

— Да, один на один, честно и справедливо. — Билли повернулся к Флинту. — Нормальное дело, капитан. Прошу разрешения.

— И я прошу — сказал Сильвер, и Флинт едва сдержался, чтобы не взорваться смехом. Но издевательски заржать в такой важный с точки зрения мистера Бонса момент — все равно, что ему в компот помочиться. И это после того, как Билли берется в угоду капитану флинту оставить от Сильвера мокрое место.

И как прекрасно все обернется! Палубу отскребут, и он, Флинт, произнесет прочувствованную речь, помянет неисчислимые заслуги мистера Сильвера, пожалеет, что тот так низко пал напоследок, и унаследует его сторонников… А если кто подумает нехорошо о Бонсе, который убил беспомощного калеку, тем хуже для Билли. Его можно и заменить.

Но надо соблюсти все формальности. Собрать команду, вынести книгу Артикулов, зачитать, обыскать соперников, не припрятали ли оружия. Под страхом смерти предупредить, чтобы никто не лез…

Праздничная атмосфера будоражила судно. Шум, суматоха, предвкушение удовольствия, Не каждый день такое случается. Флинт провел

Сильвера и Бонса на квартердек, самое подходящее место для честного и равного поединка, соперники скинули шляпы и камзолы, стали друг против друга. Билли Бонс, бахвалясь, стащил и рубаху. Он высился настоящим бойцом — руки, как бревна, грудь поросла густым черным волосом. Сторонники Флинта да и многие люди Долговязого Джона восхищенно, загудели, глядя на такое чудо природы. Сильвер ждал и дрожал. Видно даже было, как он трясется. Лицо меловое, губы черные. Как покойник, честное слово. Плохо его дело, и Селена это поняла, бросилась к Флинту, но тот ее и слушать не стал. И Долговязый Джон — тоже. Селена подскочила к команде, но там ее просто освистали да обсмеяли. Ишь, чего захотела!

— Так! — воскликнул Флинт, потрясая двумя заряженными пистолетами. — Всех господ береговых братьев прошу держаться на расстоянии и в поединок не вмешиваться, а нарушитель погибнет от моей руки.

Он повернулся к Билли Бонсу.

— Готовы, мистер Бонс?

— Готов!

— Готовы, мистер Сильвер?

— Только одно! — поднял руку Сильвер.

— Что еще? — недоверчиво спросил Флинт, ожидая подвоха.

— Согласен ли мистер Бонс, что у меня над ним нет несправедливого преимущества? Согласен ли он, что у меня нет иного оружия, чем перед его глазами? И что это, — он показал на себя, — как я здесь стою, и есть то, с чем он дерется?

Билли Бонс презрительно скривил губы, глядя на калеку, опирающегося на костыль.

— Согласен, — буркнул он.

— Бой! — крикнул Флинт, вызвав этим коротким словом оглушительный вопль счастливых зрителей, которые потрясали кулаками и призывали участников не щадить друг друга, крушить и калечить. Моряки ожидали забавы. Чтобы лучше видеть, они влезли на ванты, плотным кольцом окружили бойцов. Они прыгали и толкались так, что судно качалось под ними. Билли Бонс ухмыльнулся и шагнул вперед, разминая увесистые кулачища.

— Ну, калека, — проворчал он, — давно я этого дня ждал. Сейчас я тебя по палубе размажу.

И тут произошло то, чего никто не ожидал.

Долговязый Джон взмахнул костылем. Оказывается, он мог неплохо держаться на неустойчивой палубе и без деревянной подпорки. Костыль

же он метнул как тяжелый дротик. ХРЯСЬ! Деревяга врезалась точно между глаз мистера Бонса. Бонс покачнулся. Колени его подогнулись. Руки повисли. Вслед за костылем Долговязый Джон бросил вперед свое тело, врезавшись черепом в нос Билли Бонса. Нос хрустнул, как спелое яблоко под колесом тяжело нагруженной телеги, кровь с физиономии мистера Бонса хлестнула во все стороны… И Билли Бонс рухнул. Упал и Долговязый Джон, однако поверх противника, уткнувшись единственным коленом в живот тяжко гыкнувшего Билли. Вслед за этим Джон ловко перевалил грузного партнера по честному и справедливому бою на живот и принялся выкручивать бревнообразную руку. Ошеломленный, почти теряющий сознание себя Билли заорал от боли.

— Что, Билли, цыпеночек? — участливо пропыхтел Долговязый Джон, ослабив нажим на трофейную руку и устраиваясь на Бонсе поудобнее. Ногу Сильвер, конечно, потерял, а вот с боевым духом не расстался. И веса в нем оставалось достаточно, и силы вернул, усердно работая костылем.

— Ублю… Убью! Ублюдок! — завопил Бонс.

— Так кто же из нас лучше, Билли? — задушевно нашептывал Долговязый Джон в ухо Билли

Бонса. В то же ухо капал и стекавший по носу Сильвера пот.

— Сука! Твою мать!!!

До сего дня Бонс полагал, что сделан из гранита и боли не знает… Однако он не вынес боли в плече и взвыл, не закончив рассказа о близком знакомстве своем с матушкой Длинного Джона Сильвера. Билли затрепыхался, пытаясь скинуть седока, однако тот как-то умудрялся сохранять позицию, обходясь без седла и стремени. Трепыханием же своим Билли лишь усугубил судьбу захваченной противником руки. Вой его перешел в жалобный визг.

— Билли, цыпка, — завел новый сеанс переговоров Сильвер. — До тебя, может, дойдет, что руку твою я могу открутить. Тут у нас мистер Коудрей, мастер-хирург, он, конечно, способен ее и обратно вставить… Но только если я не откручу тебе ее так, что она отправится мою ногу догонять. И будет на судне кроме одноногого еще и однорукий. Хочешь одноруким стать, Билли? И каждый день меня благодарить, что я тебе голову не свернул. Хочешь, Билли?

И для убедительности Сильвер еще подвернул многострадальную конечность Бонса.

— А-А-А! А-А-А! А-А-А!

— Так кто же из нас лучше?

— У-у-у-у, — скулил Билли Бонс. — Хватит!

— Билли, я на тебе век сидеть не буду. Возьму твою руку и уйду. Кто лучше?

— Ы-ы… Ы-ы… Ты-ы…

— Билли, скажи громко, полностью, для всех…

— ТЫ ЛУЧШЕ МЕНЯ!: — крикнул Билли, проливая кровь, слезы, сопли и слюни, сливавшиеся под его физиономией в лакомство для не залетающих столь далеко в открытое море мух.

Долговязый Джон скатился с Билли Бонса и встал одним ловким движением. Допрыгав до костыля, он опустился на колено и поднял, костыль, которым открыл поединок. Все это он проделал без посторонней помощи и выпрямился, возвышаясь над людьми, восторженно приветствующими его победу.

Он снова стал Долговязым Джоном Сильвёром!

Однако, он стал несколько другим Долговязым Джоном. Люди не хлопали его по плечу, как делали раньше. Они подходили, кивали, но прикасаться к нему боялись. Что-то змеиное появилось в одноногом попрыгунчике. Ведь старый Долговязый Джон побил бы Билли Бонса по-свойски, по-простому, кулаками. А новый Долговязый Джон победил его хитростью и пыткой. Сильвер

чувствовал перемену в отношении к нему, но, во всяком случае, по уважению и страху в глазах людей он понимал, что больше калекой его не назовут. На борту «Моржа» — точно. Билли Бонс тоже понял, что Сильвер стал другим. Он и раньше боялся Долговязого Джона, теперь же трусил вдвойне и, разумеется, не отважился бы снова бросить ему вызов. И Флинт осознал перемену, Он понимал, что теперь ему не найти легкого решения — половина экипажа вновь увидела командира в его сопернике.

Селена протолкнулась сквозь толпу и потянула Сильвера за руку. Он ухмыльнулся, махнул, и толпа отхлынула, оставив их наедине.

— Почему? — спросила она. — Почему Билли Бонс, почему не Флинт? Ты боишься его?

— Хм… — Долговязый Джон нахмурился, подыскивая подходящий ответ. Он даже нашел бы, что ей сказать, но ему помешали.

— Парус! — заорал впередсмотрящий.

— Курс?

— Два румба по левому борту!

— По местам! — крикнул Флинт.

Близость добычи вытеснила все остальные заботы, и судно подготовилось к атаке со скоростью, делающей честь военному кораблю короля

Георга.

Скоростному «Моржу» не понадобилось много времени, чтобы подойти к замеченному впередсмотрящими судну. Прошедший шторм практически не причинил вреда «Моржу», ибо Флинт, как и отзывался о нем Долговязый Джон, был мореходом умелым. Сейчас Флинт стоял при рулевом. Вахта на месте, попугай на плече, Билли Бонс нянчил поврежденную руку, морщился, но уже орал на тех, кто попадался под ноги, а «Морж» направлялся к маленькому изящному бригу, который болтался в волнах с таким сиротливым видом, будто на нем ни души.

Флинт убрал грот-марсель и отослал к бригу шлюпку с командой. Вглядевшись в неизвестное судно, он ухмыльнулся пушкарю Израэлю Хендсу.

— Сегодня порох сэкономим, мистер Хендс.

Смотрел на неизвестный бриг и Долговязый Джон. Насчет пороха Флинт не ошибся. Никого на руле, никого в парусах, да и на палубе никого. От парусов, впрочем, немного осталось. Клочья и полосы парусины развевались по ветру от рифов. Ветер и волны вертели бриг, как игрушку, он то становился по ветру, то выходил. Однако суденышко аккуратное, даже несмотря на нане-

сенный штормом ущерб.

По килю бриг был около девяноста пяти футов, водоизмещением под полтораста тонн, очертаний самых для глаза приятных. Корпус выкрашен белым, подчеркнут коричневым, по корме золотой лист пущен орнаментом, по рамам капитанского салона да по пушечным портам. На бортах по четыре пушки. Назывался бриг «Сюзан Мэри». Глаз настоящего моряка всегда радует ладно скроенное судно, поэтому команда «Моржа» развеселилась, глядя на подкинутую штормом игрушку.

Под руководством Билли Бонса спустили шлюпку, матросы налегли на весла, и шлюпка понеслась к бригу. Абордажная команда лихо гикала, поправляя сабли и пистолеты, но лишь для виду, потому что всем ясно было: не с кем там воевать. Долговязый Джон и Селена смотрели, как пираты вскарабкались на борт, все так же горланя да ухая, рассыпались по палубе, а потом исчезли в люках. Донеслись знакомые шумы, хлопанье крышек, треск взламываемых замков.

Оставшиеся на «Морже» завистливо переглядывались, бормотали, чувствуя себя наказанными, лишенными удовольствия. Многие не без основания опасались, что мелкие драгоценности,

найденные на борту, могут ускользнуть от учета общей добычи и исчезнуть в карманах передовой партии, что бы об этом ни говорили Артикулы.

Потом старший шлюпки Черный Пес появился на палубе и заорал:

— Пятеро живых, капитан! Шесть месяцев как из Лондона, шторма да ветры встречные… — Он смолк, глядя на что-то на палубе, невидимое команде «Моржа». — Цинга, капитан. У этих придурков ни единого зуба, все в чирьях. Было их двадцать три, остальные перемерли, схоронены по обряду, да последний шторм распорядился, смыл за борт и тех, которые оставались…

— Груз какой? — крикнул Флинт.

— На плантации селедка в бочках, шмотье для рабов, медь и свинец в слитках да порох и мушкеты.

— Что ж, цыплятки, — обратился Флинт к команде. — Вот оно, флинтово везенье. Судно и груз принесут нам кое-что в Саванне, и без единого выстрела.

На физиономиях расцвели ухмылки, в головах защелкали счетные камушки оценок личной доли каждого.

— Капитан Флинт! — вдруг воскликнул Долговязый Джои, и все смолкли, а с лица Флинта

улыбку как ветром сдуло.

— Да?

— Нам бы расстаться надо, капитан, раньше или позже, но надо. И все это понимают.

При этих словах, казалось, даже ветер стих; впервые услышав то, о чем все знали, но старались не думать, не замечать, не упоминать

— Надо расстаться, чтобы не проливать кровь, — продолжил Сильвер. Флинт огляделся, попугай зашипел, заквохтал, заерзал на плече, чувствуя, что хозяину неуютно. Команда затаила дыхание, Десант на бриге вытянул шеи в сторону «Моржа», все там прилипли к борту, стараясь разобрать, что происходит.

— Возможно, — сказал Флинт, хмурясь и, как всегда, подозревая подвох.

— Ты знаешь это не хуже меня, Джо Флинт. Без всяких «возможно» знаешь.

Флинт молча, уставился куда-то в сторону горизонта.

— Вот я и предлагаю, — сказал Сильвер. — За старую дружбу и новую удачу. — Он сделал паузу, перевел дыхание и продолжил: — Я возьму этот бриг, — Сильвер показал на «Сюзан Мэри», — возьму тех, кто захочет со мной… вместе с нашей долей.

На это Флинт фыркнул и мотнул головой. Сильвер не обратил на это внимания и продолжил;

— И пойдем мы дружно дальше, веселые друзья, без трений, Джо, и причин для ссор не будет.

— А курс тебе кто проложит, Джон? Или ты, пока в койке лежал в лазарете, навигацию выучил?

— В чем проблема! — возразил Сильвер, ожидавший подколки, но все же воспринявший ее болезненно. — Дашь мне Билли Бонса, ты уж сколько раз говорил, что он такой же мастер, как ты, да и остров твой знает. Дашь мне Билли, а как придем в Саванну, я найду себе шкипера, не так уж это сложно.

Челюсть перепуганного до смерти Билли отвалилась чуть ли не до груди. Флинт топнул ногой, попугай беспокойно закудахтал, захлопал крыльями.

— И больше ничегошеньки тебе, Джон? Новенький кораблик, половина добра, лучшие люди, да еще и лучший среди лучших Билли Бонс! Ты, Джон, опиуму перебрал в лазарете, доктор перестарался, пожалуй.

Сильвер не терял выдержки. Он видел, что Флинт склонился в пользу торговли, а не драки. Хорошо. Очень хорошо. Отлично. Этого он

и хотел. Торговаться, а не драться. К этому он и стремился с тех пор, как повзрослел. И Сильвер принялся торговаться.

Делал он это умело, рассудительно, как и всегда. Флинт возражал; спорил, аргументировал, взывал к небесам. У народа тоже роились мысли в головах, они принялись подсказывать, вносить свои предложения. Разыгралась сцена всеобщей торговли на каком-то экзотическом базаре. В результате торга родился превосходнейший компромиссный вариант — то есть нечто как для Флинта, так и для Сильвера в равной степени мерзкое.

Глава 27

25 июля 1752 года. Юго-западная Атлантика. Борт «Моржа»

Достигнутое соглашение, благодаря которому Долговязый Джон получил судно, наполнило его душу ужасом.

Предложение поступило от Слепого Пью, и не так уж это удивительно, как всем показалось. Нечасто, конечно, приходилось ему в те дни на «Морже» играть заметную роль. На него смотрели как на пенсионера. Он все больше дурел, однако на ощупь ковырялся с парусами и кое-какую работу умудрялся выполнять.

Некоторое время он надеялся, что зрение вернется. Глаза вдруг стали ощущать солнечный свет — болели от него. Это убедило Пью, что он вот-вот прозреет. Чтобы ускорить выздоровление, он соорудил большой зеленый козырек. Но зрение не вернулось, а защищавший глаза козырек придавал Пью столь жуткий вид, что его сторонились. Все понимали, что на борту он остался только благодаря Долговязому Джону, пожалевшему товарища по несчастью.

Зрение Пью потерял, вид приобрел кошмарный, но слухом обладал отменным, упрям был чрезвычайно и спорить любил больше, чем кто-либо другой в команде. Сначала он молча прислушивался к торгу, а потом проорал свое мнение, которое ко всеобщему изумлению пришлось по душе каждому члену экипажа. Тощий, как гандшпуг,[59] жуткий, как материализовавшееся привидение, он произнес свою речь громко и даже довольно складно. Сказалось кельтское наследие.

— Сильверу надо отдать трофейный борт! Так я говорю. А Флинту — «Моржа». Сильвер команду берет, кого хочет! Так я считаю. А Флинту добро остается. Сильверу — Бонса! Кого же еще. А Флинту — Селену. Как же иначе. Разрази меня гром. Вот мое мнение. И никому не обидно. Я сказал.

После секундной паузы раздались воодушевленные одобрительные вопли всей команды. Флинт, однако, не отступил от требуемой Артикулами процедуры. Он уже привык на них ссылаться.

— Кто согласен с братом Пью, покажись! — воскликнул Флинт. Пью выпрямился, ухмыляясь и

---

[59] Примечания: 59
Гандшпуг — рычаг, используемый для подъема тяжестей.

кивая. Он наслаждался всеобщим вниманием, хоть и не видел леса взметнувшихся вверх рук, зато слышал приветствия в свой адрес, слышал, как его называли умником, судейским пронырой морских горизонтов, ощущал дружеские тычки в бока и хлопки по плечам. J4 хорошо, что не видел он выражения физиономии Долговязого Джона, полагавшего в этот момент, что боком вышла ему доброта.

— Есть кто против слова брата Пью?

Презрительные возгласы и свист приветствовали несколько неуверенно поднявшихся рук.

— Флинт! — крикнул Сильвер, разрываемый гневом и готовый драться со всей командой, Флинт обернулся на окрик и положил руку на рукоять сабли. Селена схватила Сильвера за руку и зашипела ему в ухо:

— Джон, пошли! Идем, быстро!

Она потащила его на корму, где они могли говорить без свидетелей.

— Джон! Это неважно.

— Дьявол меня дери, важно!

— Нет, нет, это ничего не значит!

— Как я оставлю тебя с этим ублюдком?

— Надо, Джон. Или ты все потеряешь.

— Все для меня — это ты одна. Остальное —

ничто.

— Джон, не беспокойся. Флинт ко мне за все время ни разу не прикоснулся.

— Как?

— Вот так.

— А я думал… А зачем тогда он тебя…

— Я тоже думала, что для этого.

— И он тебя не тронул? На борту нет никого, кто бы тебя не хотел.

— Флинт не хотел.

— Почему, гром и молния?

Селена вздохнула, сжала его руку и улыбнулась. Она знала, как горько ему. Так ведь и ей не слаще.

— Джон, еще раз тебе говорю. Он и пальцем меня не трогал. Ты меня слышишь? Так что займись своими делами, а за меня не бойся. Когда мы после этого дурацкого острова вернемся в Саванну, тогда… Если ты захочешь, конечно… Может, мы будем вместе.

Селена с надеждой посмотрела на него, в то лее время боясь будущего, о котором она отваживалась мечтать. Она знала, как эти белые обращаются с черными девушками, и опасалась, что теперь Джон, получив то, чего хотел, бросит ее и займется другими.

К несчастью, Сильвер совершенно не заметил ее гонких страхов. У него в голове все еще не укладывалось, что Флинт не вступал с Селеной в интимную близость. Его мучила ревность и одновременно недоумение.

— Но он же мог тебя…

— Мог.

— И… ничего?

— Джон, ты глухой? Разве я тебе не сказала?

— Значит, фантазия Флинта не на то направлена?

— Ха! Пойди да спроси его сам.

— Дьявол! Джо Флинт — содомит!

— Джон, отправляйся на свой бриг… Он не содомит.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

Да, она знала. Флинт не слишком аккуратно продырявил перегородку, да и не слишком бесшумно оживлял свой недееспособный орган, пыхтел, шуршал, а то и постанывал, сам того, очевидно, не замечая. Селена сразу же обо всем догадалась, но решила, что не стоит сейчас посвящать Долговязого Джона в такие детали. И так настроение ни к черту. В довершение иных бед Сильвера мучила ревность, Селена же боялась

его потерять. И они перешли к взаимным обвинениям, разозлились, обменялись нелестными эпитетами, и ни один не сообразил произнести три словечка, которые залечили бы все раны и облегчили бы временную разлуку.

Так надутыми, злыми они и расстались. Долговязый Джон пошел отбирать команду, он взял почти половину моряков. Как и договорились, одним из них был Билли Бонс, только что вернувшийся из каюты Флинта после примерно такой же «сцены ревности», как между Сильвером и Селеной.

— Не пойду я… — бубнил Билли, повесив голову и сминая шляпу. На него жалко было смотреть. Он умолял Флинта оставить его на «Морже», как дитя малое просит родителей не оставлять его одного ночью, боясь домовых.

— Возьми себя в руки, остолоп! Подтянись и выполняй свой долг. Бери пример с Сильвера, в конце концов. Ему-то хуже твоего.

Это было чистой правдой, но Бонса не обрадовало. Наоборот, испугало. Флинт вздохнул и указал на кресло.

— Присядь, Билли, мальчик мой. Придержи свои красноречивый язык и прочисти уши.

Багроволикий Билли Бонс, ворча и пыхтя,

выполнил приказание, плюхнулся в кресло напротив Флинта, который развалился на капитанском диване, еще помнившем любовные игры Долговязого Джона и Селены.

— Не пойду. Повесь меня за яйца на рее, не пойду.

Эту храбрую фразу Билли Бонс выдавил крайне тихо, себе под нос, но Флинт услышал.

— Билли, — тихо сказал Флинт, буравя Бонса глазами. — Еще слово…

Билли проглотил язык и скрутил шляпу, как прачка выжимает выстиранную скатерть. А сказать он мог бы многое. Он страсть как боялся остаться на борту с Сильвером. Он опасался людей Долговязого Джона. Но еще больше он страшился Флинта, а именно Флинт сейчас сидел напротив Бонса.

— Итак, — промурлыкал Флинт, улыбаясь, — друг мой… Приятель… Билли-цыпленочек… Видишь ли, в этой юдоли скорби судьба часто принуждает нас к тому, чего бы нам не хотелось, на что бы мы не решились, будь у нас свобода выбора… И когда такое случается, мудрый находит в себе силы и обнаруживает преимущества… — Флинт сделал паузу, изучая взглядом озадаченную физиономию Бонса. — Ты меня

понимаешь, Билли, сынок?

— Нет, — честно признался Бонс, и Флинт тяжко вздохнул, как мирный домохозяин в доброй старой Англии, который пытается внушить нечто добродетельное особо тупому бульдогу, безобразному, нечистоплотному, вонючему, но потенциально полезному — в случае, если ворам вздумается посетить дом, сад и огород.

— Давай напряжем мозги, Билли. Сильвер получает тебя, а Селена остается у меня. Это один на один. Ничья.

Озадаченность отнюдь не сменилась на физиономии Билли озарением. Напротив, усугубилась. Преданный Флинту Билли Бонс умудрился не заметить того, что все другие, даже безглазый Слепой Пью, увидели: отношения между Сильвером и Селеной. Билли в простоте душевной полагал, что Селена — имущество капитана Флинта. Флинт заметил в глазах Билли Бонса вопрос, который тот не решался задать.

— Не на-до ло-мать-дур-ну-ю-баш-ку! — неспешно, по складам произнес Флинт, вколачивая каждый слог в лоб Билли Бонса костяшками пальцев. Любой другой член экипажа, на этакое отважившийся, мгновенно обнаружил бы, что его кишки шарфиком обматывают его же шею, а

мошонка свисает с ушей. Кроме разве Долговязого Джона, ну и, разумеется, Джо Флинта.

— Есть, капитан.

— Ну, и молодец. — Флинт дернул Билли за нос и скова отвалился на спину. — А вот скажи-ка мне, ты плавать умеешь?

— Не-е… — Физиономия Билли Бонса побелела перед лицом новой напасти.

— Хмм-м… — протянул Флинт задумчивое — Но ежели навесить достаточно пробки, то даже ты не утонешь.

Билли Бонс заерзал по сиденью, скрипя креслом. Чтобы попасть в зубы акуле, тонуть ведь вовсе не обязательно. Что еще заварилось в умной голове капитана? Флинт засмеялся.

— Не бойся, Билли Бонс. Слушай меня внимательно. Сделаешь так, как я тебя сейчас научу…

Послушный Билли Бонс, прихватив сундук, крышку которого украшала художественно выжженная при помощи раскаленной кочерги заглавная буква «Б», спустился в шлюпку и направился на бриг «Сюзан Мэри», уже переименованный Сильвером в честь царя зверей. Из найденных на судне членов экипажа двое умерли в тот же день, двое выжили и согласились присоединиться к джентльменам удачи. Лишь один

капитан наотрез оказался отступить от своего долга. Поэтому полагалось заковать его в железо в ожидании благоприятного момента, когда можно будет где-нибудь высадить пленника.

Однако делать этого не пришлось, ибо через два дня этот честный судоводитель тоже отдал Богу душу, несмотря на старания корабельного хирурга Коудрея, кормившего его фруктами и зеленью. Перед смертью он чувствовал себя несчастнейшим из смертных, бесполезным и жалким. Но и он показался бы весельчаком в сравнении с Билли Бонсом, мир которого лежал в руинах. Билли поминал былые дни, стонал от страха перед грядущим, перед Сильвером, перед Флинтом, а когда вспоминал еще и о приказах, полученных от последнего, ему становилось дурно. Он не знал, что из всего этого хуже.

И не догадывался, что его кумир, герой, хозяин, помахивая шляпой отплывавшему к борту «Льва» Билли Бонсу, уже обдумывал дальнейшие козни.

«Так-так-так, Билли, — размышлял Флинт, щекоча попугая. — Предстоят долгие недели в открытом океане, пока мы доберемся до нашего острова. Очень хорошо, Билли, цыпленочек мой, что ты достался Сильверу. Ты же никогда самостоятельно курс не прокладывал, всегда с моей

помощью, всегда глядя на меня. Я исправлял твои ошибки и дивился, как это ты умудряешься сложить два да два и получить четыре».

Флинт улыбался себе и своим теплым, успокаивающим мыслям.

«Так, так, Билли… А что, если ты ночью темной потеряешь „Морж“ из виду и не сможешь управиться с незнакомым судном, поврежденным штормом? Что, если ты не найдешь земли, и вся твоя несчастная команда, включая славного нашего мистера Сильвера, засохнет от жажды? И семь десятков долей отпадет от дележки».

Засмеялся Флинт уже вслух.

— Гудбай, мистер Бонс! Желаю удачи!

— Гудбай, капитан, — чуть не плача, откликнулся мистер Бонс.

Глава 28

28 июля 1752 года. Юго-западная Атлантика. Борт «Льва»

Бриг «Сюзан Мэри», известный отныне как «Лев», отличался от «Моржа» не только габаритами. Много чем одно судно не похоже на любое другое — каютами и отсеками, трюмами и оснасткой… Каждый кораблестроитель стремится показать миру, на что он горазд, каждый хочет сделать лучше, чем остальные. Иначе к чему и жить? Так что ругани и проклятий хватало на борту «Льва», пока на нем обосновывались люди капитана Сильвера. Все здесь иначе, все по-новому, ко всему приспосабливайся, а тут еще и дорогие товарищи о себе не забывают и стремятся захватить уголки поудобнее.

Как только на борт влез Израэль Хендс, бывший пушкарь Флинта, а отныне пушкарь Долговязого Джона, он отыскал себе каютку поуютнее, объявил ее своей и приставил к ней сторожем канонира-помощника. Сразу после этого он отправился обследовать свое хозяйство. Нашел пороховой магазин — невелик отсек оказался.

Места как раз для Хендса, чтобы разместиться на узкой скамье за столом с рядами круглых дыр в столешнице.

Израэль Хендс с философским видом цыкнул зубом. Вот, значит, до чего дошло. Служил он когда-то королю на судах, где в магазинах хранились картузы для двадцатичетырехфунтовок, где рядами, пузо к пузу, стояли девяностофунтовые бочонки с порохом. Да ладно, все ж таки и здесь магазин имеется, а большой ли он нужен на этой скорлупке? Все честь по чести, фонарь снаружи за двойным стеклом, дверь солидная, чтобы какой, идиот с зажженной трубкой не ввалился и не разнес судно в щепки, а команду в клочья.

Пороху-то на судне хватает с излишком, на плантации везли дюжину тридцатифунтовых бочонков, куда больше, чем может расстрелять батарея детс ких хлопушек, которыми бриг вооружен.

Израэль Хендс замер, прислушался к топоту над головой, на верхней палубе, где ругались и дрались веселые товарищи, джентльмены удачи, отвоевывая места для подвесных коек. Он ухмыльнулся при мысли о синяках и, чего доброго, проломленных черепах. Ему, в общем-то, до этого дела лет. Израэль Хендс третий на

судне человек, после Долговязого Джона, и Билли-. Бонса. Поэтому он еще раз ухмыльнулся и принялся; проверять фланелевые картузы для четырехфунтовок, из которых состояла палубная батарея «Льва».

Эту работу Израэль Хендс выполнял основательно, главным образом на ощупь. Он вынимал из дыр толстые тряпочные колбасины, набитые порохом, ощупывал их, проводил пальцами по швам, проверял, нет ли дырок, не разошлись ли швы. Такое дело никому, нельзя доверить. Подозрителен Израэль Хендс, жаден, жесток, порочен, Иначе чего бы ему искать здесь, среди джентльменов удачи. Но он аккуратен, точен и внимателен. Иначе какой же из него пушкарь. В этой работе любая неряшливость может вызвать потерю всего света. Вспышка, грохот — и все…

Проводя ревизию, Израэль Хендс обдумывал случившееся, особенно раздор между Флинтом и Сильвером, каким-то чудом не приведший к кровопролитию. Думал, что вовремя подкинула им судьба этот бриг. А то, глядишь, кто-нибудь утром и не проснулся бы, не одну печенку пощекотали бы во сне. Таким тихим и безопасным способом предпочитал пользоваться Израэль Хеидс для разрешения спорных вопросов. Была б

возможность, начал бы он с Билли Бонса, каковой лижет флинтову задницу каждый день, а по воскресеньям и дважды. А теперь вот Бонс старший помощник у Сильвера. Как дело обериулось-то…

Всего семьдесят человек и три юнги перешли с Долговязым Джоном на «Льва», по большей части те, которые в Ист-Индии ходили с капитаном Мэйсоном, включая и Слепого Пью — его Сильвер взял, хотя и разозлился на него за предложение дележа. Но Пью и без глаз лучше любого зрячего парус сладит. Все запасные паруса уже вытащены, ими сменили на мачтах брига оставленные штормом лохмотья. И для Пью работенка нашлась.

Среди других, кто решил соединить судьбу с Сильвером, — небольшая группа бывших военных моряков, служивших с Флинтом на «Элизабет»: Джордж Мерри, Том Аллардайс., сам Израэль Хендс. Это еще одна небольшая победа Долговязого Джона Сильвера. Никто из бывших сослуживцев по Ист-Индии с Флинтом не остался. Израэль Хендс ненадолго прервал работу. Сильвер, знамо дело, странный пират. Вечно у него Артикулы на уме. Джентльмены удачи… тоже, джентльмены! Пленного не убей, бабу не тронь…

Сам-то он, Израэль Хендс, пират бывалый. И

отец его, в честь которого Израэль и назван, пиратом был, под Черной Бородой, сорок лет тому назад, когда ни о каких пощадах да Артикулах никто и не слыхивал, сплошь резня и никому никакой пощады-жалости. Израэль Хендс пожал плечами и протянул руку к следующему картузу. Грешит Сильвер лилейностью, конечно, но команду держать умеет. Да вот и папаша Хендса получил в свое время от Черной Бороды подарочек — колено всмятку от шалостей с пистолетами, забава вроде флинтовой. Тоже был любитель палить, куда ни попадя, почем зря. Потому-то Израэль Хендс и предпочитает Сильвера.

Покончив с картузами и отложив в сторону пару ненадежных, Израэль Хендс запер магазин и вышел на палубу к пушкам. Сильвер и Билли Бонс гнались за «Моржом», народ ползал по вантам и реям, занимался парусами.

Израэль Хендс начал с ближайшей пушки. Он опустился перед ней на колени, оглядывая и обнюхивая. Как и все на этой посудине, пушка была лучшего качества. Английская работа, отличный ствол, прочный лафет, рядом боезапас, порох в ящике смоленом — чтобы не подмок. На дуло надет деревянный намордник, затравный шпур накрыт свинцовой пластиной. Рядом закреплены

банники, фитили — все, что должно быть.

— Молодцы, ребята, — пробормотал Израэль Хендс — Все слажено, да только вот… четырехфунтовки, эх., маловато будет.

«Лев» вооружен восемью такими пушками. Яркой звездой в этой беспросветной тьме светила Израэлю Хендсу испанская «девятка», прихваченная с «Моржа» Долговязым Джоном после множества просьб пушкаря. На борту-то она на борту, да только существует пока что в разобранном виде, надо еще уламывать Сильвера и плотника, чтобы приспособить ее курсовой пушкой па носу. А на носу и так места нет: бушприт, да кат-балки, да всякая всячина… Теперь и сам Израэль Хендс засомневался…

Неуверенности своей он, знамо дело, никому не выдаст, потому что мечта душу греет. Особенно если судно при таком хилом пушечном вооружении куда слабее… скажем, того же «Моржа».

Сомнениям Израэля Хендса положил конец властный окрик.

— Мистер Хендс! — позвал Сильвер. — На два слова.

Израэль Хендс поднялся и медленно, степенно направился к квартердеку, сознавая, что он какникак пушкарь, а не подлый палубный народ.

— Пошевели-ка задом, ленивый ублюдок! — заорал Сильвер во всю луженую глотку. Израэль Хендс подпрыгнул, мгновенно забыв о пушкарском достоинстве, и понесся докладывать Сильверу. Увидев выражение физиономии Сильвера, он почел за благо на военный манер отдать салют и сдернуть шляпу.

Сильвер и Билли Бонс сидели рядом; на Сильвере такой же синий сюртук и шляпа такая же, как на мистере Бонсе, разве что новые, а не выцветшие и потертые. Догадливый Израэль Хендс предположил — совершенно верно предположил, между прочим, — поскольку Долговязый Джон таким нарядом никогда не располагал, то, стало быть, позаимствовал его у мистера Бонса, Костюм был запасной, неношеный. И выглядел теперь капитан Сильвер не хуже своего помощника.

И Сильвер, и Бонс были явно не в духе. В таком настроении всегда ищешь кого-нибудь, на ком можно выместить зло. Израэль Хендс взмолился всем богам и стихиям, чтобы таковым оказался не он, Хендс стоял навытяжку и пожирал глазами начальство.

— Значит, так, олух царя небесного… — Сильвер бросил на пушкаря хмурый взор.

— Так точно, сэр! — отозвался Израэль Хендс.

— Ты привык бока пролеживать всю ночь, пока до драки не дойдет…

— Так точно, сэр! — подтвердил Израэль Хендс, и даже не ошибся. Чего душой кривить, мастер-пушкарь вахты не стоит, и команда «все наверх» его не касается. Это законные артиллерийские привилегии, и, к чему ведет Долговязый Джон, Хендс уже понял.

— Теперь отвыкнешь, сучья лапа, будешь стоять вахту со мной и мистером Бонсом, понял? Проку от тебя никакого, так хоть делом займешься.

Сильвер и Бонс уставились на пушкаря. В кои-то веки их объединяла общая задача — избежать двенадцатичасового бдения на палубе.

— Да… Так осилишь, мистер Хендс? Квадранты и делители, циркули-измерители — не твоя забота, у нас тут мистер Бонс имеется, он курс проложит на флинтов остров. Или за «Моржом» пойдем, в кильватере. Но сменный офицер нам нужен.

Хендс лишь чуточку промедлил перед тем, как дать полное и безоговорочное согласие. Он на секунду вообразил, что произойдет, возрази он или прояви колебания.

— Есть, сэр! — гаркнул Израэль Хендс с энтузиазмом, хотя на сердце у него кошки скребли. Но не

у него одного. Хендс знал, что Бонс отнюдь не радовался разлуке с Флинтом. А Сильвера тем более можно понять, он сейчас красочно представляет, как Флинт сношается с его возлюбленной. Лучше не злить этих двуногих кашалотов, тем более стакнувшихся на горе окружающим

— Есть-хресть, сэр-недосер… — передразнил Сильвер. — Начинаешь стоять вахту со мной и мистером Бонсом, дорогой мистер Хендс. Научишься уму-разуму, чтоб судно не потерять.

К счастью, Израэль Хендс за недельку-другую превратился в неплохого вахтенного офицера, звезд с неба не хватающего, но вполне сносного.

Бонс, к его чести, с курса, не сбивался, «Моржа» из виду не упускал, хотя это становилось все труднее. «Морж» летел стрелою, постоянно используя слишком много па русо п.

— Кажись, он бросить нас хочет, дьявол меня задери, — как-то высказался невольно в беседе с самим собой Билли Бонс, направив на шхуну подзорную трубу. — О чем Флиит там думает, дьявол его задери?

— Да, мистер Бонс, — охотно отозвался незаметно подошедший сзади Сильвер. — О чем Флинт там думает, не скажете?

— Капитан! — Бонс нервно дернул руку к шля-

пе и повел глазами вправо-влево, убеждаясь, что окружающие заметили выказанное капитану почтение. Просыпаясь изо дня в день, он обнаруживал, что глотка его не перерезана. И через борт его никто нечаянно не перекинул. Так что Билли Бонс несколько приглушил свои страхи, но все же вел себя пристойно — на всякий случай.

Сильвер навел на «Моржа» подзорную трубу, и ему на мгновение показалось, что он увидел Флинта. Кто-то очень похожий на Флинта, темный, в большой шляпе, размахивал там, на квартердеке «Моржа», как будто побуждал людей шевелиться, не спать, не зевать, так-растак их Бога мать! Но океан волновался, гладкие, отливавшие травяной зеленью холмы волн сменялись лощинами, и не было никакой уверенности в том, что это именно Флинт… Сильвер помотал головой.

— Хм-м… Полагаю, ты прав, мистер Бонс Очень ему хочется от нас избавиться, якорь ему в задницу.

— Да ни в жись! — мгновенно отозвался Билли; клясться, однако, в подтверждение своей уверенности не стал. Он очень вежливо заглянул Сильверу в глаза. — Зачем бы это капитану Флинту?..

— Зачем это ему, мистер Бонс, можно поразмыслить на досуге, а сейчас остается только порадоваться, что наш малый «львеныш» резво бегает и от задницы «Моржа» не отлипнет.

И то верно. Скоростные качества брига радовали всех на борту и даже стали для команды предметом незаслуженной гордости. «Морж» строили для скорости, он еще не встречал себе равных, но вот же, встретил. «Лев» — что породистая скаковая лошадь без единого изъяна. Бриг резал волны, как горячий нож масло, плыл, как леди в танце, он Мог бы запросто и «Моржа» обогнать, появись в том нужда. Джон Сильвер влюбился второй раз. Если «Морж» — любимая Флинта, то «Лев» — возлюбленная Сильвера.

«Лев» так и не отлип от кормы «Моржа», и оба судна благополучно вышли к острову, который Билли Бонс, надо отдать ему должное, смог бы и сам обнаружить, не держась за хвост «Моржа». Флинт, по привычке не замечавший в людях положительных качеств, считал Билли Бонса глупее, чем тот был на самом деле. Хотя и методом проб и ошибок, с чертыханиями и исправлениями, но на многое был способен Билли, не только дважды два перемножить. И теперь оба судна вползали на якорную стоянку в Южную бухту,

пустив вперед катер для промера глубин.

Все свободные от вахты облепили такелаж, мрачно вглядываясь в растительную неразбериху, в холмы и пляжи. Не радовал их этот секретный остров без имени, который капитан Спрингер должен был закрепить за короной короля Георга. Остров, обильно политый кровью. О нем часто говорили и на «Морже», и на «Льве», и кляли его на чем свет стоит на обоих бортах. Несчастливый остров. Иные из моряков совершили здесь поступки, оставившие чувство вины, которое давило, словно толстые якорные канаты.

Не слышно было смеха и шуток, никто не радовался на обоих судах. Якорная стоянка выглядела под стать настроению. Бухта, почти полностью замкнутая, окружена густым лесом, начинающимся от верхней отметки прилива. В залив впадали две речушки, но как-то некрасиво впадали, не явными устьями, а ветвясь, теряясь и застаиваясь в болотах, отливающих ядовитой зелепыо, за версту заявляя о себе гнилой вонью. Гриб да плесень цвели там, ползали всякие скользкие твари.

Тем не менее на «Льве» и на «Морже» отдали якоря, а утром следующего дня надлежало держать Большой совет, согласно Артикулам.

Пробили склянки, всколыхнув сонную жару, навалившуюся на бухту. Солнце жгло, как будто хотело уничтожить все живое. Ветер оно уже задушило, а зверье и птицы скрылись в тень.

Не прятались лишь комары. Они поднимались из болот и тучами налетали на парусники, разнося малярию и желтую лихорадку, стараясь истребить славных моряков. Но люди Флинта и Сильвера их не боялись. Сюда прибыли ветераны, всем на свете переболевшие… либо уж настолько отвратные, что даже насекомые к ним опасались приближаться.

Братство собралось на борту «Моржа», и поскольку случай выдался чрезвычайный, то явились все принарядившись: драные камзолы, сюртуки, кафтаны обмотаны шелковыми шарфами, на грязные пальцы нанизаны перстни с рубинами, пропотевшие шляпы украшены страусовыми перьями, физиономии сверкали ушными и носовыми серьгами. Ну, и оружия на себя каждый понавешал — красы ради, разумеется. Пистолеты, сабли — это непременно. А сверх того: кортики, ножи, мушкеты, мушкетоны, бердыши, топорики, протаза ны.[60]

---

[60] Примечания: 60

Протазаны — копья с плоским и минным наконечником, насаженным на древко.

На Флинте, как всегда, был синий сюртук морского офицера с блестящими пуговицами; шляпа перегружена шнурами и золотым позументом. На ногах сияющие ботфорты. Рубаха снежной белизны, щеки чисто выбриты. Под мышкой капитан Флинт удерживал двуствольный каретный карабин, а на его плече топтался, время от времени шепча что-то Флинту на ухо, зеленый попугай.

Долговязый Джон Сильверу не стремясь к элегантности коммодора (в такой: чин произвел себя теперь Флинт), выглядел аккуратно, подтянуто. Он тоже был в синем сюртуке, но вынужденно опирался на костыль. Ростом Сильвер намного выше Флинта; большой палец свободной руки небрежно заткнут за пояс в успокоительной близости от пистолетов. Сильвер и флинт встретились взглядами, одновременно дипломатично улыбнулись… несколько кривовато это у них получилось. За каждым толпились сторонники, а в плане личного соперничества каждый из них был почти уверен, что успеет выхватить пистолет и уложить соперника, прежде чем тот ответит взаимностью. Почти уверен. Но не совсем.

Б сторонке остановилась Селена в своей повседневной одежде. Интуитивно она нарядилась так,

как и следует молодой женщине, вынужденной жить рядом со множеством мужчин: свободные брюки по лодыжки, закрытая рубаха с длинным рукавом; рубаху она надевала навыпуск, поверх брюк, что помогало проветривать тело и хоть немного скрывало формы фигуры. Несмотря на скромный костюм, Селена вызвала оживленную реакцию команды Сильвера. Взобравшись на борт, пришельцы со «Льва» принялись коситься на нее, перешептываться и ухмыляться.

Сильвер уставился на Селену, ожидая взгляда и улыбки. Но так и не дождавшись, он заставил себя переключиться на Флинта. Это явно оказалось нелишним, ибо Флинт ничем иным не интересовался, кроме особы Долговязого Джона.

Встреча этих двоих оказалась мучительной, все присутствующие ощущали сразу возникшую между ними напряженность. Да и в отношениях между командами чувствовалась еле сдерживаемая враждебность. Одно неудачное слово могло вызвать, взрыв, драку, бойню. Ненормальность конфликта; усугублялась тем, что враждовали не чужаки, а бывшие товарищи по команде.

Друзья и враги, старые счеты, взывавшие к мести проглоченные оскорбления… Если бы дошло до рукопашной, каждый хорошо представлял,

кем он займется. В воздухе витало предчувствие маленькой, но жуткой гражданской войны, и люди ощупывали оружие, прикидывали шансы, присматриваясь к противнику.

— Не-е, не буду я драться с Конки Картером…

— Этого ублюдка Джоса Диллона просто пристрелю. Воровская рожа…

— С Билли Боксом лучше не связываться. Кто угодно, но не этот бык.

— Черный Пес — он и есть собака ослоухая. Занялся бы я им…

Наиболее невыносимым оказалось положение Флинта и Сильвера, от которых зависело, драться или торговаться. Каждый из них еще чувствовал боль расторгнутой дружбы и печалился о потере. Каждый боялся остаться без другого. Они так привыкли зависеть друг от друга, что страшились оказаться в одиночестве. Они стояли в десятке футов друг от друга, вглядывались друг в друга, настолько поглощенные своими мыслями, что оба вздрогнули, когда раздался зычный голос'Билли Бонса:

— Джентльмены удачи, господа веселые товарищи! Мир на палубе и никто никому не помеха под страхом ноков рей во время свободного совета свободных людей.

Бонс уже усвоил традиции и обычаи, сложившиеся при Мэйсоне и Ингленде. Он настолько привык к ним, что теперь и не представлял, как можно устроить иначе. Перед ним стоял малый столик, застланный черным флагом с изображением белого черепа и скрещенных костей. На флаге, как Библия на алтаре, лежала книга Артикулов, закон, правивший их жизнью. Бонс так же почитал теперь эти реликвии, как ранее поклонялся флагу Британии и голове короля Георга на золотой гинее.

— Шляпы долой, слушай коммодора Флинта! — крикнул Билли, и над палубой пронесся шорох сдергиваемых с макушек шляп.

Странное дело, но каким-то чудом с началом официальной части все забыли про ножи и мушкеты, расслабились. Сильна власть символики над человеком. Может быть, Билли Бонс не слишком и заблуждался.

И начался великий спор.

Глава 29

23 августа 1752 года. Южная якорная стоянка. Борт «Моржа»

— Спасибо, брат Бонс, — официальным тоном произнес Флинт, Он остался в шляпе — единственный из моряков двух команд, собравшихся на борту «Моржа» для решения вопроса о судьбе добычи.

Флинт оглядел пеструю толпу вооруженных до зубов «джентльменов» и заговорил громко, чтобы все услышали:

— Цель нашего свободного собрания — обсудить план, который я предложил по зрелом размышлении. Я считаю, что наше честно добытое добро надлежит захоронить в тайном месте на этом секретном острове. — Он плавно повел рукой в сторону покрывающего остров леса, взбирающегося от берега на холмы и исчезающего в неведомых ложбинах, — Эта мера позволит нам накопить в одном месте такое состояние, что для каждого хватит на жизнь богатую и достойную до конца дней его.

Толпа всколыхнулась, показывая готовность к

обсуждению предлагаемого Флинтом плана.

Во многих отношениях собрание этих достойных господ представляло собой куда более демократический орган принятия решений, нежели, скажем, тот, который расположился на берегу доброй старой Темзы в Лондоне. Ибо ни один из находившихся на борту «Моржа» моряков не покупал право голоса деньгами или служением интересам политической партии. Конечно, собравшиеся на «Морже» по большей части народ не то что необразованный, а и вовсе безграмотный, неотесанный и отягощенный множеством нелепых предрассудков. Но сильно ли они отличались в этом отношении от многоуважаемых членов парламента в Вестминстере? Вот еще сходные черты: каждый из моряков имел только один голос, а решения принимались простым большинством, сколачиваемым обычно при помощи предварительной негласной обработки* а именно — обещаниями, угрозами и подкупом. То есть все здесь происходило так же, как и в любом законодательном органе любой цивилизованной страны во все времена и у всех народов.

Иногда, правда, отработанная система дает сбои, и дебаты о судьбе сокровищ, хранимых на «Морже», представляли собой именно такой

случай. Причина заключалась в том, что Флинт, автор предложения зарыть общую казну, не имел доступа к половине участников собрания, находящихся на борту «Льва», а Сильвер, противник этого предложения, не имел доступа к другой половине, к экипажу «Моржа». Это заставило прибегнуть к совершенно непрактичной системе: пришлось выслушивать от каждого присутствующего аргументы за и против, а также принятое им решение. Но не будем обвинять в этой непрактичности достойных джентльменов удачи, ибо такое время от времени случается и в знакомых нам синклитах избранников народных.

Флинт первым изложил суть дела и свою точку зрения.

— Братья! Я предлагаю спрятать то, что у нас есть, здесь и сейчас, чтобы не потерять наше добро из-за шторма или неудачи. — Флинт выдержал паузу, огляделся. — А прежде всего, цыплятки мои, чтобы каждый не спустил свою долю за первую же неделю в первом же порту. Ибо не так ли поступает всякий из вас?

— Точно! Да уж! Дело говорит!.. — пираты скалили оставшиеся зубы, согласно кивали и подталкивали друг друга.

, — Мы зароем добро, — продолжил Флинт, —

потом погуляем по океану, нагуляем жирку, изловим еще одну рыбку, может, и две, а то и три… А потом вернемся, выроем сбереженное и поделим по справедливости. Возвратимся в Англию и заживем лордами.

— Да-а-а-а!

— Карета и пара гнедых для каждого! — крикнул Флинт под одобрительный гул и идеологически правильные лозунги подготовленной должным образом команды «Моржа».

— Десять тысяч акров доброй старой Англии!

— Кирпичный дом с дворецким и шамовка на золоте!..

— Дочку олдермена в жены, а по воскресеньям шлюхи толстозадые!

— Д-д-да-а-а!..

Орали уже не только флинтовы молодцы. Энтузиазм охватил и команду «Льва». Соперничество мгновенно исчезло, как окорок, поданный трактирщиком дюжине голодных солдат берегового дозора.

— Тихо на палубе! — зыкнул Билли Бонс. — Все добрые братья слушают капитана Сильвера.

Бонс «при исполнении» выглядел не менее солидно, чем лорд-мэр на открытии дома призрения для нищих сироток. Он изо всех сил старался

соблюдать справедливость. Часто возложенная на человека официальная функция полностью этого человека преображает, и не всегда в дурную сторону. Во всяком случае, на время исполнения. И вот выступил вперед Сильвер, ловко работая своим деревянным двигателем: костыль — нога, костыль — нога, костыль — нога… Отзвучали приветствия Флинту, грохнули по ушам приветствия Сильверу, и Билли замахал руками, призывая к молчанию. Все охотно замолкли, интересуясь, что им скажет Долговязый Джон.

— Братья, все и каждый! — крикнул Сильвер. — Ответьте мне на один вопрос, и я сразу сгину и не стану лезть в клюз[61] поперек якоря, ни в жизнь — Народ заинтересованно забормотал. Из задних рядов, вне досягаемости костыля Долговязого Джона, послышались насмешки прихвостней Флинта — Один вопрос, братцы, — повторил Сильвер и, уверенно стоя на одной ноге, постучал костылем по палубе. — Один только вопросец.

Насмешки посыпались гуще, кто-то заржал. Флинт усмехался, щекотал перышки попугая. Речь у его противника явно не заладилась.

— Здесь, под люками, — сказал Долговязый

[61] Примечания: 61

Клюз — сквозное отверстие в носовой части судна для якорных канатов

Джон, — даже если серебро в слитках не считать… — Мертвая тишина воцарилась над палубой. Не та тема затронута, над которой смеяться хочется. — …здесь под люками столько золотой и серебряной монеты, что и представить невозможно. Трюмы больше не выдержат. Еще чуть-чуть — и лохань потонет к чертовой бабушке.

Долговязый Джон молча огляделся. «Да, олухи царя небесного, — подумал он про себя — Навострили уши». Он снова заговорил:

— Я уж семь лет в джентльменах удачи, а иные здесь и подольше, чем я, И никогда таких гор золота под палубой не видывал. — Он бухнул костылем в доски. — Братья, это королевское приданое. На это можно флот построить и армию нанять.

Флинт нахмурился, нервно зашагал по палубе.

— На это золото можно скупить всю Саванну! Всю Ямайку! Половину Англии!

Сильвер важно кивнул. Народ следил за Сильвером, как будто изо рта его бил фонтан рома. Языки джентльменов удачи свешивались до палубы.

— Нас тут едва-едва сотня да сорок, если не считать капитанских да офицерских. Агора такая, что каждому на две жизни хватит, чтобы в роме

купаться вместе со шлюхами. Хватит и на дома, и на слуг, и на посуду золотую, и наследникам хватит, когда в ящик сыграете.

Тут Сильвер сменил тон, как это часто делают умелые ораторы.

— Но! Но коммодор Флинт считает, что ежели каждый из вас сойдет на берег, то вы спустите все за неделю, а Флинт честный человек, не соврет. Только вот если вы промотаете столько за неделю, то кто помешает вам потом растранжирить вдвое больше? Или вдесятеро?

Джентльмены кряхтели и кивали, грязными ногтями корявых пальцев расчесывали чирьи на шеях. Масштабов своего богатства они представить не могли, но собственные способности к транжирству каждый хорошо представлял.

— Поэтому идея зарыть богатство в землю нестоящая, скажу я вам, братья. Проще будет спустить добро за борт в открытом море и на волнах крестик чернилами накарябать, чтоб потом вернуться и отыскать.

— Да-а-а-а… — на этот раз не вопль потряс паруса, а туповатое бычье мычание пополам с зубной болью потянулось по палубе. Неприязненные взгляды буравили Флинта. Кому охота признавать, что он дурак?

— Тихо! Тихо, ребята! Слушай меня! — крикнул Флинт.

— Слушай коммодора! — продублировал Билли Бонс.

— Да, да! Слушай коммодора! — откликнулось еще несколько голосов. Не один Билли Бонс глядел в рот флинту и считал дерьмо золотом, если так велел Флинт.

И Флинт снова заговорил. Он плел из слов искусные кружева, а под ними натягивал прочные сети. По сути Долговязый Джон сказал яснее и вернее. Но у Флинта лучше подвешен язык. Флинт подпускал милые шуточки про одноногого. Он веселил враньем, когда Сильвер своей дурацкой правдой заставлял зарывать носы в палубу. Кому она нужна, эта правда? Мир-то враньем строится! А кроме того… может, и всего важнее… идиотская, тупая, бессмысленная готовность человечества соблазниться красотой, которая якобы что-то там спасет, а не, напротив того, погубит….

Красавчик Флинт, красавчик писаный! А Долговязый Джон? Да не смешите… Флинт на двух ногах стоит, а Сильвер на костыле скачет, попрыгунчик… Флинт гладкий, сияющий, одет что твой герцог, движения плавные, грациозные, изысканные… А гляньте на этого широкомордого

мужлана Сильвера! Конечно, драться с Сильвером никто не захочет, будь он хоть и без обеих ног, черт знает, чего от него еще ожидать… Каждый: Сильвера уважает, но… Никто не хочет быть на него похожим. А Флинт… О-о-о, флинт! И поверили вранью Флинта, и презрели правду Сильвера, как оно и должно быть. Флинт знал, что так и случится, а Сильвер увидел, что это произошло, еще прежде чем Флинт закончил плести свои магические словеса.

— Никто, кроме меня, не знает, где находится этот остров, — говорил Флинт. — Значит, никто не сможет добраться до наших сокровищ, и они будут здесь лежать и ждать нас куда надежней, чем в любом дурацком банке.

И Флинта восславили за несравненную мудрость, подняли на плечи и пронесли по кругу по палубе, Флинт заливисто смеялся, а попугай его ахал в ужасе и хлопал крыльями.

Долговязый Джон протопал подальше, нашел тихий уголок. Он швырнул под ноги шляпу; ругаясь, вытащил из кармана платок и стер пот с лица. Руки его тряслись от злости.

— Джон! — Селена подошла к нему, потянула за рукав. Выглядела она крайне удивленной. — Джон, почему они ему верят? — Ей пришлось

повышать голос, чтобы перекричать шум, — Ведь это же полная чушь!

— Потому и верят, — буркнул Сильвер, морщась, как будто каждое слово песни, которую принялись орать пираты, камнем ударяло ему в уши.

— Почему они не слушают тебя?

Йо-хо-хо! И бутылка рому…

— Потому что у них вместо мозгов гнилая солома.

Пей, и дьявол тебя доведет до конца…

— Что задумал Флинт?

Йо-хо-хо! И бутылка рому…

— Ха! Если бы я знал…

Сильвер вздохнул, поднял взгляд на Селену. Вид ее вызвал на грубом лице Сильвера мягкую улыбку, и она оживила его лицо. Он провел рукой по девичьей щеке. Селена погладила руку Джона и тоже улыбнулась.

— Почему не спросишь, как у меня дела? Ты думал обо мне?

— Ох-х… Думал ли! Цыпка моя, крошка, девочка, да когда я о тебе не думал! Только о тебе и думал все время… — Он помрачнел, замялся… И

все же спросил: — Эта скотина… Он…

— Нет! Я же тебе говорила. Он ко мне так и не притронулся. Ко мне вообще ни один мужчина не прикасался, кроме тебя.

Сильвер обнял ее одной рукой и на этот раз улыбнулся по-настоящему. Но в этот момент мимо покатилась толпа с Флинтом, который радостно скалился.

— О, Джон! — закричал Флинт. — Не беспокойся! Я не даю ей остыть, держу тепленькой. Даже горячей! — Он заливисто засмеялся, аж поперхнулся от хохота, а физиономия Сильвера побелела от гнева. Он схватился за пистолеты, но толпа с Флинтом уже пронеслась дальше.

Флинт смеялся и смеялся. Даже сердце заболело. Он бы свалился, да эти олухи крепко за него ухватились. Ну, как не веселиться-то? Ведь все, что говорил этот придурок. Сильвер, — чистая правда. Зарывать добро в землю нет никакого смысла. И копить нет никакого смысла — для грубой матросни. Этот тупой, пьяный, похотливый сброд все пропьет, сколько ни дай, хоть горы золота насыпь. Так что и впрямь незачем прятать сокровища. Чушь собачья! Но у Джо Флинта собственные планы, он не собирается ни с кем делиться…

Оставшись за хвостом процессии, Селена кричала Сильверу в ухо, а он пытался расслышать.

— Джон, Джон! — она схватила его лицо обеими руками, повернула к себе. Он услышал бы, если бы владел собой, но его переполнял гнев, его мучила ревность к Флинту, утверждавшему, что он…

— Он не прикасался ко мне! — закричала она громче.

— Он другое, говорит!

— Кому ты веришь? Ему или мне? Я ему не нужна!

— Брось! Какой мужик против тебя устоит?

— Он устоит.

— Что ты мелешь? Ты же сказала, что он не педик.

— Сказала. И это так.

— Гм… И что ж он делает? Любуется тобой, что ли?

— Да…

— Как?

— Он… подсматривает и… сам с собой…

— Ка-ак? И ты позволяешь?

Селена пожала плечами. Да, она позволяла. На борту «Моржа» Флинт царь и бог, его власть охраняет ее от десятков дикарей, которые, не

будь Флинта, давно разорвали бы ее на куски. И она не отваживалась злить Флинта. Она не мешала ему… «боксировать с иезуитом» — так они это называли. Однажды Селена нечаянно застукала одного из судовых юнг, играющего в эту игру в укромном уголке. Она получила кое-какие сведения о процессе и узнала его название. Приподнялась часть завесы, скрывающей суть славного капитана… то есть коммодора Флинта.

Эти мысли промелькнули в ее сознании, но Сильвер заметил лишь опущенные глаза.

— И после этого ты утверждаешь, что ты не шлюха?

Селена вздрогнула, как от удара. Она отвернулась и зашагала прочь. Больно ударил ее Сильвер, невыносимо больно. Сильвер глядел на ее удаляющуюся понурую фигуру, и весь «праведный гнев» его улетучился, оставив сознание только что совершенной им вопиющей ошибки. Он бросился за Селеной, сбивая не успевших отскочить прочь.

— Селена! Селена! — кричал Сильвер, добавляя слова, услышав которые, успокоившийся было Флинт снова схватился за бока, согнувшись в диком гоготе. Но кроме Флинта почему-то никто не веселился, даже Билли Бонс. Все захлопнули рты

и выпучили глаза. И пираты соблюдают какие-то правила, у них есть свои привычки и законы. Даже их поразил вид здоровенного Долговязого Джона, прыгающего на костыле за семнадцатилетней черномазой рабыней, не обращающей внимания на его слезы и мольбы о прощении.

Глава 30

25 августа 1752 года. Южная якорная стоянки. Борт «Моржа»

Казна казалась неисчерпаемой.

Два с половиной года они дрались за это богатство, убивали, погибали — и вот все похороненное в трюме «Моржа» снова увидело свет. Славное зрелище, глядел бы да глядел. Ящик за ящиком, сундук за сундуком, тяжелые, окованные, на талях и блоках поднимались они на палубу под рабочую песню.

Добившись желаемого, Флинт проявлял недюжинные способности руководителя и организатора. Он пришел в столь доброе расположение духа, что ему даже не хотелось никого выдрать для собственного увеселения. На время Флинт стал просто исправным офицером, каким мог бы и жить на белом свете, не подмешай Сатана в его кровь своей ядовитой мочи.

Флинт продумал, как лучше организовать операцию. Для этого он выделил себе день. А разработанный им план — в той его части, что была открытой для посторонних, — мог бы и Цезарь

одобрить. А то и Ганнибал.

Прежде всего Флинт счел необходимым обеспечить полное согласие — до поры до времени. Для коллегиального решения вопросов и совместного планирования он пригласил на борт «Моржа» Сильвера. Дневная жара заставила перенести это заседание на рассветные часы. Совещание устроили на квартердеке, открыто, на глазах честного народа. Для этого случая наверх выволокли стол и стулья. Стол покрыли черным «Веселым Роджером» с черепом и костями, в центр положили книгу Артикулов.

Флинт даже приказал встретить Сильвера чем-то вроде почетного караула да свистками боцманских дудок. Команды «Моржа» и «Льва» разразились приветственными криками. Один лишь Сильвер общего развеселого настроя не разделял и хранил; мрачное молчание.

Великие люди расположились у стола, простой, народишко подтянулся поближе, столпился вокруг.

К Флинту присоединился Билли Бонс, чуть не на руки уселся, «пастор» Смит, да еще двое. С Сильвером прибыли Израэль Хендс и боцман «Льва» Сарни Сойер.

Билли Бонс потребовал тишины. Для начала

выпили во здравие, и сразу после этого Флинт перешел к делу.

— Непростая перед нами задача, ребята. Вмиг не осилить.

— А лучше бы и вообще не осиливать, — проворчал Сильвер.;

— Джон, Джон! — обратился к нему Флинт с укоризненной улыбкой. — Успокойся. Братья проголосовали, решение принято.

Флинта, поддержал гул голосов, на Сильвера уставилось множество глаз; дружелюбием взгляды не отличались. Все понимали, что он проиграл, и проиграл по-крупному. Сильвер вздохнул и более не произнес ни слова. Не обращая внимания ни на кого из сидящих с ним за столом, он принялся осматриваться. Сильвер искал Селену, но Флинт запер ее внизу. Он не хотел лишних хлопот. Конечно; девицу можно было бы использовать, чтобы позлить Сильвера и лишний раз позабавиться, но сейчас у Флинта заботы поважнее, и сердить одноногого ни в коем случае не следовало.

Никто мудрым планам Флинта ни словом не возразил. С делом быстро покончили, Сильвер и его люди отправились обратно на свое судно, сопровождаемые улыбками, добрыми напут-

ствиями и дружелюбными толчками под ребра и хлопками по плечам.

Возвращались они, однако, без Билли Бонса, которому Флинт шепнул на ушко, от Сильвера, впрочем, не слишком скрываясь, что следует ему, Билли, поискать в своей бывшей каюте оброненный там как-то золотой. Куда-то он там закатился. Флинт сказал, что Билли может перерыть всю каюту, а потом вернуться к своему новому капитану. Тут Флинт нежно улыбнулся Сильверу.

Пришло время великих свершений. Первый десант, составленный поровну из «львов» и «моржей», отправился на берег под руководством Сарни Сойера. В его задачу входила разбивка лагеря и установка палаток. Смастерили нехитрые приспособления для переноски грузов: десятифутовая жердь да веревка посередке, чтобы сундук или ящик обмотать и закрепить. Жердь взваливали на плечи двоим, а то и четверым джентльменам. — и вперед!

На это ушла большая часть первого дня, точнее, от зари до полудня и еще часа три или четыре после того, как спала полуденная жара, с перерывом на отдых посредине. Флинт с самого начала запланировал семичасовой рабочий день, учитывая непомерную влажность воздуха на южной

якорной стоянке.

На второй день люки «Моржа» открылись, и за дело принялись три команды. Первую возглавлял Билли Бонс. В нее входили двенадцать человек, выуживавших грузы на палубу. Вторая из шести человек с «пастором» Смитом во главе получила в распоряжение двадцатипятифутовый катер «Моржа». А еще четыре человека под руководством Израэля Хендса прибыли; со «Льва» в пятнадцатифутовом ялике, самой большой лодке судна.

По плану Флинта следовало сначала загрузить катер «Моржа» — он принимал до сорока центнеров груза, — затем, отправив катер к берегу, погрузить в ялик «Льва» двадцать пять центнеров и отправить его туда же. Час на погрузку каждой посудины, еще час береговой партии Сарни Сойера на разгрузку, полчаса на доставку от борта до берега.

Теоретически две полные лодки должны были доставить свой груз на берег за три с половиной часа. На практике сильные течения в бухте и влияние климата на людей, не привыкших к такого рода работе, привели к тому, что до дневного перерыва удавалось выполнить только три рейса, а после перерыва на один меньше. Так что

понадобилось четыре дня упорного труда, чтобы переправить груз из трюмов «Моржа» на берег. Последний рейс под радостные вопли с парусников и берега завершился через два часа после восхода солнца на: четвертые-сутки, так как до смерти уставшие пираты не смогли управиться до темноты за три дня.

В ознаменование этого события Флинт направил всех на берег, лодки перевезли сто сорок семь членов экипажей и шестерых гонг, оставив лишь Одну Селену запертой в кормовом салоне «Моржа».

Награбленное добро выставили на краю лагеря Сарни Сойера, в тени пальмовых крон. Сундуки стояли рядами, как войско на параде.

Семьдесят один с золотыми монетами.

Сто шестьдесят пять с серебряными.

Четыреста сорок шесть слитков серебра.

Народ ухал, ахал, пялил глаза, сдвигал шляпы на затылок и обратно на глаза. Скреб загривки и подбородки. И, сверкая парадным облачением, надетым по случаю высадки на берег, прикидывал что-то в уме, мучился каким-то невысказанным вопросом.

Вожди славных свободных тружеников, облаченные в синие сюртуки, задавались тем же

вопросом. Казалось, попугай Флинта и тот о чем-то задумался.

Первым озвучил эту всеобщую озабоченность Билли Бонс. Он помянул чью-то мать и добавил:

— Сколько ж это все стоит, капитан?

— Много, мистер Бонс. Очень много — Флинт повернулся к «пастору» Смиту — Сосчитал, мистер Смит?

— Э-э… Гм… — Смит запустил руку в ворох бумаг, сваленных на столе, принесенном людьми Сарни Сойера. Долгий труд его завершился, настал миг славы, — Капитан, я приложил усилия к взвешиванию груза. — Он указал на хитрое сооружение из дерева и железа, продукт смекалки и сноровки корабельных умельцев. Головы тут же повернулись в указанном Смитом направлении. — Мы соорудили весы с помощью шестифунтового ядра, и я взвесил каждый ящик и сундук. Люди мистера Сойера очень помогли, спасибо им.

— Спасибо, мистер Сойер! — Флинт слегка склонил голову в сторону Сойера..

— Рад стараться, капитан! — откликнулся Сарни Сойер.

— Получается… — продолжил Смит. — Вот мой расчет. — Он порылся в бумагах. — Золотых мо-

нет у нас девяносто шесть центнеров. Серебряных монет двести двадцать центнеров, а серебряных слитков примерно двести девятнадцать центнеров.

Он с гордым видом огляделся.

— Понятное дело, вес ящиков и сундуков тоже сюда вошел, но они в сравнении с содержимым просто мелочь. Ну, и не слишком точно все измерено, ведь ядром пользовались, не гирей.

Народ бормотал, пока толком не поняв, что к чему.

— Мистер Смит, нам бы сумму в английских фунтах, хоть примерно, — кротко попросил Флинт.

— ДА-А-А!!! — заорали все.

Смит поморщился, поежился, принялся протирать очки манжетою, шуршать бумагами.

— Проблема, капитан, в характере сокровищ. Вот, скажем, золотые монеты…

— У-у-у-у — раскатилось по команде.

— Взять хоть вот этот. — Он указал на особенно крупный сундук с фигурными медными петлями в виде древесных листьев, украшенный резным орнаментом. — Я в него заглянул. Так там со всего мира монеты. Георги, луидоры, дублоны, физиономии разных королей европейских и

маврских, нынешних и давних. У разных монет разная проба… Ну, чистота разная, содержание золота Их нельзя просто по весу сравнивать. Так что, понимаешь…

— Ясно, ясно, — недовольно поморщился Флинт. — А серебро? Там сплошь испанские пиастры. Сколько их?

— ДА-А-А!!!

— Так ведь… И тут неувязка. Где как, откуда посмотреть. В Англии этот песо стоит что-то под пять шиллингов, в Массачусетсе шесть, в Пенсильвании семь, а в Нью-Йорке восемь, а то и девять, в зависимости от потребности в серебре. В колониях эту монету страсть как уважают, испанский доллар.

Такие результаты вычислений Смита народу пришлись не по душе. Из гущи толпы раздались недовольные возгласы. Флинт нахмурился. Билли Бонс и попугай, чуткие к смене настроения хозяина, заморгали и заерзали, первый положил руку на рукоять сабли, а второй застонал в ожидании очередной гадости хозяина. И хотя попугай и Бонс не переглядывались, реагировали они, как будто сговорившись.

— Я так понимаю, мистер Смит, что не дождусь от вашей милости даже приблизительной оцен-

ки?

— Нет, сэр, как можно! Но, сэр, расчеты… штука такая сложная… Очень, очень сложная, сэр… — «Пастор» облизнул губы, принялся рыться в бумагах, ища и не находя чего-то. Чувствовал он себя неуютно.

— Скотина «пастор»! — донеслось из толпы.

— Воровская морда!

— Сколько натырил?

— Крысий хвост нам оставил?

— Тих-ха-а-а! — Сильвер как будто проснулся. — Отставить! — Он отделился от группы синих сюртуков, в которой стоял с краю, несколько обособленно. Стянув шляпу, он стер пот со лба и снова напялил шляпу на макушку.

— О, Джон! — саркастически усмехнулся Флинт. — Ты, никак, с нами, наконец?

— Может, да… А может, и нет — Сильвер ткнул пальцем в «пастора» Смита. — Но разрази меня гром, если я позволю этому моллюску запудрить мозги команде.

— Слушайте Долговязого Джона! — крикнул Израэль Хендс.

— Долговязый Джон! Долговязый Джон! — подхватила толпа.

— Значит, так… — продолжил Сильвер. — Коль

нельзя точно, прикинем приблизительно. Сначала золото. — Он глянул на Смита. — Говоришь, девяносто шесть центнеров золота? — Смит кивнул. — Ну, так… Короче, мачту тебе в задницу… Считаем все в английских гинеях. Неточно? Да и черт с ним, для нас сойдет, Золото — оно всегда золото.

— Да-а-а-а…

— У-у-у-у— О-о-о-о…

— Ну, так… — продолжил Сильвер. — Сотня фунтов в английских гинеях весит этак унций тридцать, а в центнере, грубо говоря, восемнадцать сотен фунтов, — Сильвер строго глянул на толпу и добавил: — Как отлично знает каждый джентльмен удачи.

«Знатоки» заухмылялись, как школьники, уличенные в невыполнении домашнего задания.

— Так… Восемнадцать сотен — это шестьдесят раз по тридцать, так что центнер гиней стоит шестьдесят раз по сотне фунтов, что дает шесть тысяч фунтов. А коли у нас центнеров этих аж под сотню, то и будет у нас золотой монеты на шесть сотен тысяч фунтов. Для глухих повторяю: ШЕСТЬСОТ ТЫСЯЧ ФУНТОВ! — проорал Сильвер.

Толпа ахнула.

— Считаем дальше. Песо… пиастры. Каждый

песо весит унцию, так что их тоже восемнадцать сотен в центнере. А центнеров у нас две сотни и двадцать сверх них. — Сильвер нахмурился и на мгновение прикрыл один глаз. — Что и дает три сотни и еще девяносто шесть тысяч унций. Возьмем за песо самое малое, в Лондоне четыре за фунт дают, и получится… ОДНА СОТНЯ ТЫСЯЧ ФУНТОВ!

Снова гул и движение в «джентльменской» массе.

— И то же самое для этих, — он махнул рукой на слитки серебра. — Две примерно сотни центнеров серебра или… ЕЩЕ ОДНА СОТНЯ ТЫСЯЧ ФУНТОВ!

Теперь толпа замерла, пораженная неслыханными суммами и колоссальным размером накопленного богатства.

— 'Гак-то вот, господа вольные морепашцы, — криво ухмыльнулся Сильвер. — А теперь сами мозгами пошевелите, сколько на нос выпадает, потому что я же язык стер, пока вам уши прочищал. Всего тут, значит, ВОСЕМЬСОТ ТЫСЯЧ ФУНТОВ!

В арифметике Сильвер дока, все правильно подсчитал, не ошибся. Ошибся он в другом, в главном. Как только начал он называть суммы,

толпа зауважала его так, будто лично он, Долговязый Джои, подарил им эти деньги. Продолжил бы Сильвер на волне момента, он вполне смог бы склонить «джентльменов» к дележке всего прямо здесь, на месте, и оставил бы Флинта с длиннейшим носом. Но Сильвер слишком горевал о Селене и о проигранном предыдущем споре и возможность эту проморгал.

Тонкий знаток пиратских, да и вообще всех подлых душ Флинт все это сразу понял. У него уже затылок похолодел от неминуемой, как ему казалось, потери. Но опомнился Флинт мгновенно. С ликующей физиономией он прыгнул «в народ», принялся расхаживать между пиратами, похлопывая по плечам и спинам, называя по именам, поздравляя с богатством несметным. Он приказал доставить жратву и ром, объявил день отдыха… Флинт, как и всегда, когда он этого хотел, всех очаровал. Его подняли на плечи народные и понесли по кругу почета под приветственные клики, Флинта сопровождал верный Билли Бонс, ликующий, как и все остальные господа вольные морепашцы.

Сильвер же на все махнул рукой, а когда стали разливать грог, напился. Флинт радовался, как невинное дитя, смакуя успешное развитие своего

плана.

— Теперь, ребята, мы перетащим добро с пляжа поближе к местам, где его и захороним, — сообщил он о дальнейших действиях. — Мест всего три. Одно для золота, другое для серебра в монетах, третье для слитков. Эта задача для всех, разделимся на три команды. Потом кинем жребий, выделим шестерых, которые и зароют сокровища в потайных местах.

— Да! Да! Точно! — с умным видом закивали все присутствовавшие, кроме Сильвера, сидевшего в одиночестве на бочке с кружкой в руке.

— Все, кроме меня и счастливой шестерки, — рассказывал далее Флинт, — вернутся на борта и будут следить за сигналом. — Он указал на флагшток, сооруженный из реи командой Сарни Сойера. У основания флагштока ждал своего часа черный флаг. — И пока флаг не поднимется, никто в работу на берегу не вмешивается. Все согласны?

— Да! Да! Согласны!

— И все подтверждают это клятвой на Артикулах, как свободные товарищи и джентльмены удачи?

— Да! Да! Все! Все!

Флинт поздравил себя. Он самодовольно ух-

мыльнулся, пощекотал попугая, хихикнул, напел два такта какой-то дурацкой полузабытой песенки, — в общем, слегка ошалел от легкости, с которой одурачил всех этих идиотов. Всех обставил, включая и Джона Сильвера. И к тому же с помощью этой детской саги — с помощью Артикулов. Расшалившись, Флинт в творческом порыве решил добавить к песне собственные слова, хотя в этом вовсе не было необходимости. Человеку свойственно ошибаться!

— На всякий случай «Лев» проследит за «Моржом». А «Морж» будет стеречь «Льва», и, если с одного спустят шлюпку, другой сразу в нее запустит ядро.

— Д-д-д-д-да-а-а-а-а.... — нестройно, как будто споткнувшись, протянула матросская масса, которой напомнили — и более они этого не забывали, — что пет единого сообщества веселых джентльменов морей, береговых братьев, а есть две враждующие команды.

Глава 31

5 сентября 1752 года. Южная якорная стоянка, Борт «Льва». Первая «собачья» вахта (около пяти часов пополудни берегового времени)

Чтобы заковать в кандалы Билли Бонса, потребовалось шестеро.

Еще двое или трое повалились, нарвавшись на кулаки Билли. Рядом прыгал на деревяшке и орал Сильвер, кричали и остальные, подбадривая группу задержания и радуясь втихомолку, что не им выпала сомнительная честь подставить бока под удары здоровенного первого помощника.

Наконец Билли ослаб, распластался по палубе, придавленный грудой товарищей по команде. Израэль Хендс стянул с Билли сапоги и, насадив ему на лодыжки пару U-образных железных скоб, пропустил сквозь ушки в короткие стержни с утолщениями на концах. Узкие концы стержней мистер Хендс расплющил тяжелым молотком, заклинив таким образом скобы. Бонс мог встать, прыгать, но ходить оказался не в состоянии. Не он первый, не он последний.

— Все в порядке, мистер Бонс, — доложил сия-

ющий мистер Хендс — Плотненько и надежно.

— Отгребись, сука драная, — огрызнулся Билли. — Я до твоей задницы еще доберусь.

— Руки коротки, Билли, цыпленочек мой.

Билли Бонс зарычал, воспользовался ослаблением бдительности со стороны державших его моряков, которые решили, что ножные кандалы окажут умиротворяющее воздействие, и попытался достать до горла Израэля Хендса.

— Тихо! — гаркнул Сильвер — Мистер Хендс, отставить.

— Есть, сэр! — отозвался Хендс, но за спиной Долговязого Джона криво ухмыльнулся Билли Бонсу.

— Вниз его, но осторожно! — приказал Сильвер шестерым, державшим Билли. — Мистер Хендс, захватите цепи и молоток и прошу с нами.

Бонса поволокли вниз — эти придурки, по спинам которых он походя гулял линьком. Про осторожность они теперь и вовсе забыли, задевая телом Билли все, что можно задеть, и ударяя его обо все, обо что можно стукнуть. В конце пути его швырнули на камни балласта, как угольщик кидает мешок угля. Железяки на ногах Бонса прикрепили цепью к скобе в корпусе судна, после чего его оставили сидеть с фонарем неподалеку.

Зрелище Билли Бонс представлял неприглядное, жалкое. Весь в крови, в синяках, одежда разорвана, косица развалилась, а из порвавшегося носка торчал большой палец ноги. Этот палец особенно развеселил всех присутствовавших. Они разразились гомерическим хохотом.

— А ну, заткнулись! — приказал Сильвер. — Займитесь своими делами. — Он нахмурился. Беда в том, что они уже пять дней торчали на якоре и ждали, пока Флинт покончит со своими захоронениями, и дел-то практически никаких не было. Еще хуже то, что вся команда видела, как Сильвер выставил себя дураком, авторитет его пошатнулся, и былой прыти в исполнении его приказаний не наблюдалось. Сильвер вздохнул печальным мыслям и попытался сосредоточиться на том, что было под носом.

— Ну, значит, мистер Бонс… — сказал Сильвер, оставшись наедине с арестованным. — Жаль, конечно, что пришлось с тобой так… по что поделаешь. Надо было меня слушать, а не Флинта. Ты же знаешь, что ему нельзя верить. Чем он тебя околдовал? Надуть-то он тебя надует, но что он тебе предложил?

— Спроси свою задницу, — буркнул. — Билли Бонс, беззаветно преданный хозяину, променяв-

шему его на девицу.

— И это все; что ты можешь сказать? А ведь мы не одну милю прошли вместе. Неужто ты мозгами пошевелить не в состоянии? Ведь мы оба на мель сели.

— Пошел в жопу!

— Билли, я тебя еще раз спрашиваю. Ты знаешь Флинта лучше, чем любой из нас, Что он задумал?

— Не знаю. И не скажу.

— Ох, Билли, и дурак же ты!

— Ну хоть это узнал. И будь доволен.

— Билли, а что если я попрошу поговорить с тобой Израэля и еще кого-нибудь?

К большому удивлению Сильвера Бонс ухмыльнулся.

— Кишка тонка.

— Ты уверен?

— Ага.

Разговор был окончен. Более Сильвер ничего от Билли не услышал и медленно направился наверх. С костылем он управлялся ловко, но подъем-спуск по трапу давался одноногому с трудом. Динь-динь! — брякнула рында. Семь часов берегового времени, уже стемнело. Он глянул на берег. Костер горит, доносится приглушенное

расстоянием пение. «Шестерка счастливцев» капитана Флинта…

Сильвер повернул голову в сторону огней «Моржа». Там Селена. При мысли о ней его охватило отчаяние. По окончании совета каждая команда вернулась на свой борт. Селена осталась у Флинта. Но он настоял, чтобы Сильвер — взамен!!! — взял с собой Билли Бонса. Селену Сильвер больше не видел, а Бонс прилип к нему, как дерьмо к подошве… Кроме одного дня, когда он проваландался на «Морже».

Что он там делал? Что ему нашептал Флинт? Зачем Флинту нужно, чтобы Бонс был на борту «Льва»? Что делает Флинт на берегу с шестью матросами и восемьюстами тысячами фунтов? Сильвер вздохнул. Не обращая внимания на Израэля Хендса, во главе теплой компании ожидавшего результатов беседы Сильвера с Бонсом, он отправился в свою кормовую каюту и вытащил бутылку рому.

Плохое время настало для Долговязого Джона. Может, и худшее за всю его жизнь. Он оказался перед лицом полного провала. И это тогда, когда он не перестал еще горевать по утраченной ноге. Сильвер принялся загибать пальцы — в уме. Пункт первый: нашел женщину, которую любил,

оскорбил ее и потерял из-за недоверия. Пункт второй: потерять ее — больнее, чем попасть под нож хирурга Коудрея. Пункт третий: не сумел раскрыть глаза Билли Бонсу. Четвертый: не смог убедить команду не дать Флинту захоронить сокровища. И, наконец, пятый: если все это бормотание по углам еще чуть затянется — прощай, капитан Сильвер.

Так за размышлениями да за бутылкой прошел час, другой… Потом раздался стук в дверь.

— Капитан… — послышался голос Израэля Хендса.

— Отстань! — огрызнулся Сильвер, но дверь раскрылась, и вошли трое: Хендс, Слепой Пью и Сарни Сойер. Хендс и Сойер держали шляпы в руках, Пью вцепился в свой козырек. Закивали, как флинтов попугай. Руки к виску, ножкой топнули — прямо военный салют. И застыли, уставившись себе в ноги. Что ж, в кормовой каюте «Льва» не встанешь, гордо выпрямившись — макушку разобьешь. Но они вообще как будто в церковь вошли, торжественные… И напряженные.

Не понравился им вид пьяного Сильвера, неряшливо растянувшегося в кресле и закинувшего ногу на стол. Там же лежала пара любимых пистолетов. Долговязый Джон выглядел особен-

но неопрятно в аккуратной кормовой каюте, орнаментированной золотыми лиственными гирляндами и ярко освещенной свечами из пчелиного воска в застекленных фонарях. Все трое моряков были испуганы, потому что понимали, как Сильвер мог управиться со своими пистолетами.

Сильвер поднял на них красные глаза.

— Ну что? Делегация?

— Капитан, — открыл рот Израэль Хендс — Прошу прощения, но что сказал Билли Бонс?

— Ничего.

— Капитан, можно, я его сам спрошу? Гандшпугом.

— Или огоньком ему палец подпалить, — подключился Слепой Пыо.

— Нет. Вы Артикулы подписали.

— Но мы разделились, капитан, — возразил Израэль Хендс — И Артикулы нарушены.

Сильвер вздохнул, выпрямился, убрал пистолеты и попытался изобразить хозяина судна.

— Мистер Хендс, попытайся послушать внимательно. Если эта честная компания раскололась… Что, к сожалению, возможно… То Билли Бонс нам нужен вдвойне. Напоминаю, что он один может вывести нас в Саванну. Так что и без Артикулов

не надо ему кости ломать, пальцы жечь или иначе как уродовать, а надо его беречь, как матушка любимое дитя бережет.

Трое делегатов ахнули. Об этом они не подумали.

— Да, — продолжал Сильвер — И кто-то это хорошо разъяснил Билли Бонсу. Сам бы он до этого не дотумкал, мозгов не хватило бы, несмотря на знание арифметики да секстанта. Как вы думаете, кто ему это разъяснил?

— Флинт, — сразу откликнулся Слепой Пью.

— Верно, — подтвердил Сильвер и опрокинул в глотку еще стакан. Пью пихнул Хендса в бок.

— Капитан, — начал Хендс по второму заходу — Мы, это… верно ты сказал… дили… делегация.

— Да ну?

— Точно, капитан.

Сильвер не удивился. Он этого ждал. Наелись они им. Черную метку принесли.

— Ну, давайте, раз пришли, черт бы вас драл.

— Капитан, команда, значит…

— Ну?

— Капитан, надо сказать…

Ба-банг! Ба-ба-бабах. Бабах-бах! С берега донеслась дикая пальба. Выстрелы были хорошо слышны сквозь отдраенные иллюминаторы.

Глава 32

5 сентября 1752 года. Остров. Сумерки

Флинт был на седьмом небе от радости. Сокровища захоронены, и он лишь один знает, в каком месте. Конечно, счастливая шестерка приблизительно представляет, где их искать. Флинт глянул на их тупые морды. Сидят, придурки, припаяли задницы к песку, ждут приказов. Безмозглые твари, да к тому же неграмотные. Дай он им свой блокнот, они даже не смогут ничего разобрать в его записях. Но деревья да скалы они запомнили, благослови господь их невинные сердца.

Однако это ничего не значит. Ничегошеньки. Джо Флинту на это плевать. Здесь, на острове, он свободен, как никогда и нигде прежде. Вечно мешали ему какие-то ограничения: законы короля Георга, Артикулы Джона Сильвера… даже присутствие непробиваемого Билли Бонса действовало стесняюще. Но здесь… Здесь он один с этими шестерыми. Никто ему не помеха. Флинт с каждым днем становится все сильнее, с каждым днем крепнут его ум, изобретательность, воображение, творческая сила.

Он пощекотал попугая, тот заерзал на плече, потерся о голову хозяина. Флинт посмотрел на водную гладь, на замершие на якорной стоянке парусники, еще видимые в тропических сумерках, хотя солнце на западе уже тонуло за горизонтом.

«Ну, ребятки мои, — прошелестело в голове Флинта, переводящего взгляд с „Моржа“ на „Льва“ и обратно, — бдите там и блюдете? Молодцы, молодцы».

Звякнула рында на «Морже».

— Ага, — сказал Флинт.

Чуть позже отозвалась рында «Льва». Песок из склянок двух часов никогда одновременно не высыпается.

«Одна склянка первой вахты, — подумал Флинт. — Что в этих широтах означает пору заката».

Он повернулся к «везунчикам», как они о себе думали. Ведь им выпало великое счастье сопровождать его на берег, Флинт улыбнулся сияющей улыбкой, а солнце тем временем скользнуло за горизонт, впустив на остров ночные страхи.

— Ну-ка, ребятки, костерок соорудите, да побольше. Время подзакусить, попируем на славу. Галеты и окорок, квашеная капуста и соленая

селедка!

— И ром, капитан?

— А как же! — Он шутливо дернул за нос ближайшего к нему матроса. — Грог для всех, заслужили.

Они радостно заорали, принялись прыгать и толкаться, как школьники по окончании уроков.

— Расшалились ребятишки, — пробормотал Флинт скосившемуся на шалунов попугаю.

Двое были от Сильвера: Роб Тэйлор и Джеймс Камерон. Остальные — с «Моржа»: Фрэнки Скиллит, Генри Говард, Питер Эванс, Иен Фрезер. Итого шестеро. Счастливая шестерка. Везунчиками считали их и остальные, обделенные жребием, и Флинт сам чуть не запрыгал, думая об их удаче и счастье, вспоминая унылые физиономии тех, которым не повезло, кто не вошел р группу захоронения.

«Группа захоронения! — подумал Флинт. — Точнее не скажешь, черт подери. Золотые слова». И он поразмышлял над вечной истиной: ничто не сравнится с остроумием трезвой реальности.

Флинт с довольным видом наблюдал, как моряки разожгли громадный костер, гораздо больше, чем надо, как они насаживали на прутья куски соленой свинины и рыбу, как вышибли дно бо-

чонка с капустой. Он оглядел небольшой уютный лагерь, перевел взор в сгустившуюся тьму, чернильную, безлунную. Матросы сияли багровыми, разогретыми костром физиономиями, отпихивая друг друга от наиболее удобных местечек возле огня, жаря мясо и передавая друг другу кружку рома… Флинт засмеялся.

— Пятнадцать человек на сундук мертвеца… — затянул он.

— Йо-хо-хо! И бутылка рома… — отозвались они.

Капитан махнул рукой, и они продолжили пение.

Флинт принял кусок свинины, переданный одним из полупьяных подчиненных, откусил, прожевал, проглотил, чуть не поперхнувшись со смеху. Ему вспомнился Большой совет, вспомнилось, как все эти олухи под руководством Слепого Пью проголосовали за то, чтобы единственным человеком, посвященным в секрет захоронения сокровищ, стал не кто-нибудь, а… капитан Флинт! Ему даже не нужно было ни с кем спорить, никого убеждать. Флинт жевал сочную свинину, жир со слюной потек по подбородку, но все внимание капитана поглощала борьба с одолевавшим его смехом. Он безмерно собой наслаждался, а что

еще будет!

Справившись со свининой, Флинт отер глаза от слез, подбородок от жира, присел на песок у костра, скромно отхлебнул из кружки и стал весельчаком номер один. Он гоготал громче всех, рассказывал матросам, какие они лихие парни и как они покатят по Лондону в своих каретах, с каждого боку по бабе, как будут заседать в палате лордов…

— Г ы-ы… В палате лондов… в Лордоне… С бабой сбоку… — вторили заплетающиеся языки.

— Капитану Флинту — виват! — заорал Иен Фрезер.

— Виват! Виват! Виват! — отозвались остальные пятеро, а за ними и лесное эхо.

Это снова рассмешило Флинта так, что он свалился в песок, чуть не похоронив в нем своего попугая. Говард забыл о репутации злобной птицы и бросился ее спасать, за что был жестоко поклева н, покусан и поцарапан к великому увеселению членов «захоронной» группы.

Флинт овладел собой, отряхнулся и выпрямился на фоне черного бархата тропической ночи. Он прислушался к жужжанию насекомых и к рокоту прибоя, доносящегося из-за леса, от береговых скал и прибрежных рифов.

— Тихо, тихо, цыплятки мои, — дружелюбно проворковал Флинт. — Не вижу причины для чествования.

Но эти дураки не унимались.

— Боже, храни к… ик… капитана! — завыл Роб Тэйлор, морячок-сморчок, росточком кроха, пьянеющий первым в любой компании, потому что в теле его места для выпивки не хватало, она сразу ударяла в голову.

— Понял, Роб, спасибо, — кивнул Флинт Тэйлору, стараясь сохранять серьезный вид. Получалось это с большим трудом, ибо сложно удержаться от хохота, глядя в глупые собачьи глаза Тэйлора. Да и остальные не лучше. Ничего не стоило завоевать их преданность за несколько дней на берегу. Дай набить брюхо до отвалу — и они твои рабы до гроба.

— Кхм! — Флинт прочистил глотку и принял еще более серьезный вид. — Ребята! Завтра, покончив со всем этим, мы отложим лопаты и кирки, начнем делать замеры.

Сказанное Флинтом было полной чушью, ибо все требуемые пеленги и дистанции он уже занес в свой блокнот. Черт! До чего трудно удержаться от смеха при виде их мигом посерьезневших физиономий…

— Так что отдохните как следует, как вы и заслужили. — Флинт врыл ногти в ладони, чтобы боль убила рвущийся наружу смех. — И ничего ночью не бойтесь, мы вахту выставим, как всегда. Хотя вряд ли сейчас тут есть чего бояться… — Флинт озабоченно уставился в ночь.

Слова его и поведение произвели желаемое воздействие. Шестеро озабоченно буравили взглядами окрестности, выглядывая там неведомо что. Никто из них на этом острове ранее не бывал.

— Я это место знаю, ребята. Высаживались мы здесь. Хорошая якорная стоянка, добрая вода, дерево отличное для ремонта, да и козу подстрелить можно на мясо. — Флинт выдержал паузу, переводя взгляд с одного на другого. — Но чуть ли не каждую ночь мы теряли по человеку.

Флинт полностью овладел собой и играл морячками, как мальчик солдатиками.

— И главное — черт знает, кто их убивал! Часовых, конечно, выставляли. Удвоили охрану, потом снова удвоили… — флинт передернул плечами, как будто бы его одолевал страх. — Все, что мы поняли, ребята — не люди это были. Не дикари даже. Что-то хуже. — Он махнул рукой в сторону леса. — Одни говорили, что это волосатые обезья-

ны, которые живут в самой чаще и выходят по ночам. Другие, вроде, видели… что-то еще…

Все замерли, позабыв о мясе и о роме. Ужас охватил бывалых мореходов, им захотелось на борт, к товарищам по команде. Там они чувствовали себя дома, морские опасности были им понятны, там они храбрецы. А здесь, черт знает, чего бояться. Чего-то неизвестного… А то еще и сверхъестественного.

— На корабле короля Георга, — продолжал Флинт, — добрая морская пехота, бывалые солдаты. И однажды ночью рота дала залп — что-то черное заметили они, что-то ползло к нашему лагерю. Но наутро там ни капли крови, ни волоска не нашли. После этого иные принялись серебро искать, чтобы в пули добавить.

— Н-на кой? — клацая зубами, спросил Тэйлор.

— Ну, Роб… Я думал, ты знаешь. Серебряная пуля может убить то, чего свинцовая не одолеет. Ну, там, ночные твари… нечистые, дьявольщина всякая, нежить… все такое, понимаете.

Они понимали. Страх пробежал холодком по спинным хребтам, приподнял волосы на затылках. Флинт пожал плечами и вздохнул.

— Что было — забылось, быльем поросло, парни. Так что не думайте об этом, пейте, ешьте,

веселитесь. Кто знает, что с нами станется завтра…

Он широко и лучезарно улыбнулся, уселся и снова принялся увлеченно жевать, Но у остальных аппетит пропал.

— Капитан… — заикнулся Говард.

— Ну?

— Как… Как это…

— Что — это, Генри?

— Как их… убивали?

— Да заткнись ты, Генри! — рассердился Фрезер.

— Да, да, заткни пасть, — поддержали Тэйлор и Эванс.

— По-разному — протянул Флинт, склонив голову к плечу, как будто вспоминая неприятные картины. — Чаще всего душили.

— А еще? — настаивал Говард, не в силах оставить тему.

— Ох, Генри… — Флинт с печальной отеческой улыбкой покачал головой. — Не стоит об этом. Всегда тихо, часто гадко… Вправду, не стоит об этаком, — Тут он сделал вид, что вдруг заметил, что жует в одиночестве. — Ребята, вы уже наелись? Завтра работать, надо подкрепиться. Ешьте, пейте на здоровье!

Но веселость улетучилась, шестерку везунчиков давил страх, им казалось, что лес кишит темными тенями. Моряки, как известно, народ суеверный, суевернее старых бабок деревенских, с глубокой древности так повелось. Их легче легкого запугать какими-нибудь байками. Образованием они не отягощены, жизнь их полна опасностей, море в любой момент разгневаться может, сглотнет, как корова тлю вместе с травой. Да и навидались они всякого, чего иная сухопутная крыса двуногая и вообразить не способна. Верят моряки в змеев морских, в русалок да сирен, в призраков и духов, и заблудшие души погибших матросов взывают к ним из разинутых клювов чаек. Со всем этим они живут.

Флинт оценил глубину бездны ужаса, разверзшейся в воображении шестерых кроликов, и снова чуть не испортил дело смехом. Они сгрудились в кучу, принялись проверять оружие. Говард, возясь с пистолетом, сбил затравку и из-за дрожи в пальцах едва смог перезарядить. Эванс, пробуя нож, поранил большой палец. Фрезер и Тэйлор обнялись, чтобы морально поддержать друг друга, а Скиллит жевал ногти и поскуливал, как щенок.

— Говард, твоя вахта первая, — сказал Флинт. —

Две склянки стоишь, Генри — Он махнул рукой в сторону берега, где ярдах в пятидесяти от костра, невидимая в темноте, осталась их вытащенная на песок лодка. — Часы в лодке, сходи, возьми.

Говард уставился в направлении лодки, представляя себе затаившееся там неведомое чудовище и уже ощущая его когти на горле. Разумеется, стоя у костра, ничего он там увидеть не мог.

— Генри, живее, — сурово молвил Флинт. — Никто там не прячется, нечего бояться. Я и то вижу, а у тебя глаза моложе моих, зрение острее.

Говард простонал, уставился в песок, замер и более не шевелился. Не сдвинулись с места ни Эванс, ни Фрезер и Тэйлор, ни Скиллит и Камерон, которых Флинт поочередно пытался отправить к лодке за склянкой — получасовыми песочными часами. Не помогли ни приказы, ни увещевания, ни лесть. Они ломали руки, кусали губы, кривились и пыхтели, но с места не двигались. Флинт обложил их в три этажа и поднялся.

— Выдры вы болотные, а не моряки. Камбала придонная. Капитана за склянкой погнали. Я готов держать пари на тысячу фунтов, что ничего там нет, потому что всегда оно ближе к заре появлялось, а сейчас едва солнце закатилось. Так что уж часа четыре точно нечего бояться.

Флинт плюнул в песок и решительно зашагал к берегу. Тут же взорвался жалкий патетический хор:

— Не надо, капитан!

— Капитан, стой!

— Не уходи!

— Не оставляй нас одних!

Флинт воздел глаза к темному небу и исчез во тьме. Некоторое время слышны были его шаги.

Вскоре все смолкло, и шестеро принялись напряженно вслушиваться. Не раздавалось ни звука. Мгновения складывались в минуты. Нарастала напряженность.

— Куда он сгинул? — не выдержал Тэйлор.

— За это время до лодки и обратно можно десять раз обернуться, — прикинул Говард.

— Может, заблудился? — предположил Фрезер.

— А вдруг его… это… того… — Эванс не мог заставить себя довести фразу до конца. Помянешь черта, а он тут как тут.

— Заткнись! — вскинулся Скиллит — Ничего страшного. Ну, сбился с пути, тьма кромешная. Зыкнуть, он на голос и выйдет. — Он набрал в грудь воздуху и заорал:

— Эгей, капитан! Флинт, эге-гей!

Флинт не откликнулся. Прибой да мошкара.

Но вдруг…

— Что там? — вдруг спросил Тэйлор.

— Где? — переспросил Говард.

— Там! — Тэйлор вытянул перед собой дрожащий палец.

— Ничего не вижу, — сказал Камерон.

— И я ничего, — добавил Эванс.

— И я… — начал Фрезер, но тут же подскочил — Вон оно! Слышу!

Еще б не услыхать! К ним приближалось что-то тяжелое, шаркающее и тяжко дышащее. Как будто какое-то исполинское животное. Оно было не слишком близко, однако все его отчетливо слышали.

— Кто молитву знает? — спросил Тэйлор, мать которого когда-то посещала церковь.

— В жопу молитву! — крикнул Говард. — Оружие к бою!

Заклацали курки пистолетов. «Оно» как будто услышало и поняло, шум смолк. Несколько минут они вглядывались в темноту, вытянув перед собой тяжелые пистолеты морской службы. Но тут раздался тихий стон с совершенно другой стороны. Как будто какое-то живое существо страдало от невыносимой боли. Они резко развернулись, прицелились туда. И опять звук смолк… чтобы

снова донестись с другого направления..

— Кости мои в мельницу! — проворчал Тэйлор. — Их там хоть задом ешь.

— Спина к спине, ребята, живо, спина к спине! — растормошил всех Говард.

Матросы заняли круговую оборону.

Ощущение физического контакта с единомышленником, спаянности перед лицом общей опасности подбодрило их. Но очередной звук с нового направления произвел совершенно иное воздействие.

— Окружают! — запаниковал Фрезер.

— Что бы это могло быть? — вдруг заинтересовался Эванс.

— И знать не хочу! — отмахнулся от него Говард. — Отбиться бы… мать их…

Говард вибрировал от страха, как крылышки птички колибри, и, когда тьма взвыла снова, не выдержал.

Ба-банг! Оба его пистолета полыхнули огнем, пули вылетели абы куда.

Ба-ба-ба-бах-бах-бах! Последовали его примеру остальные.

Сразу после пальбы перепутанные пираты принялись перезаряжать пистолеты. Они толкались, — просыпая порох и роняя пули, торопи-

лись успеть выстрелить до того, как сумеречные существа свалятся им на головы.

— Эй, что за пальба! — раздался вдруг знакомый голос. — Отставить! Кто приказал открыть огонь?

— Капитан! — закричал Говард.

— Капитан Флинт! — заорал Фрезер.

— Слава тебе, Господи! — возопил Тэйлор.

— Иисусе Христе! — всхлипнул Камерон.

— Спасены! — зарыдал Эванс.

Из тьмы неспешным шагом выступил капитан Флинт с двойной стекляшкой песочных часов в руке.

— Какого дьявола вы открыли пальбу? — строго спросил Флйнт. — Чья это идиотская идея? Бы что, захотели меня пристрелить?

Но они ничего не слышали. Лихие головорезы, не раз смотревшие в глаза смерти от клинка, пули и стихии, валялись в ногах у Флинта, собаками терлись о сапоги, хватали его за ладони, только что на руки не просились, как дети малые.

— Капитан, эти чудища здесь ползали!

— Стадами, капитан!

— Чуть не набросились!

— Ей-богу, ко всем чертям!

— Хм… — нахмурился Флинт — А я ведь совсем

рядом был, в полусотне шагов. И ничего не слышал. Что-то здесь не то, парни.

— Тебя долго не было, капитан.

— Что? Долго? Я прямо к лодке прошел, взял склянку и прямым ходом обратно.

— Дьявол! — воскликнул Эванс, — Тут дело нечисто, капитан, потому что тебя сто лет не было.

— Нечисто тут… — откликнулись остальные. Флинт тяжело опустился на песок рядом с ними и поскреб затылок.

— Что ж, ребята, — сказал он, поразмыслив. — Происходят вещи, которых человеку не понять, это ясно. Но мы с вами не дети, и нас не запугает то, что боится встретиться с нами лицом к лицу. А оно ведь боится, так ведь, Генри? — повернулся Флинт к Говарду и положил руку ему на плечо.

— А, да… — не слишком уверенно пробормотал Говард.

— И ты, Питер Эванс. И ты, Роб Тэйлор, и ты, Иен Фрезер… Если оно, это самое, чем бы оно ни было, не появилось, значит, оно вас больше боится, чем вы его.

Флинт сказал это с такой убежденностью, так смело, что пираты приободрились, страхи их рассеялись. Снова Флинт показал, что в нем все

задатки доброго офицера… наряду с другими, разумеется.

— Ладно, поразвлекались, и будет, — деловито сказал Флинт. — Говард, твоя вахта первая, потом Тэйлор, потом Фрезер, потом Эванс. — Он вручил Говарду часы. — Питер, подкинь топлива в костерок, а ты, Иен, проверь заряды и затравки. Роб, ты парень разумный, спокойный, поспи маленько, и я с тобой за компанию…

С этими словами Флинт улегся возле костра, предоставив свою шляпу попугаю в качестве гнезда и натянув воротник на уши. Он закрыл глаза и, как всем казалось, уснул сном спокойным и безмятежным.

Народ его, несколько успокоенный, слабо поулыбался и приступил к исполнению порученного. Справившись с поставленными задачами, все, кроме Говарда, уморенные дневной работой, вечерней пьянкой, а пуще всего — пережитыми ужасами, свалились и захрапели. Говард клевал носом над получасовой склянкой и изо всех сил пытался отогнать сон.

Остальные — как казалось, не исключая и Флинта — спали сном праведников.

Говард тер глаза, головой мотал, прыгал, разгуливал вокруг костра, считал звёзды и монеты

рисовал на песке. Даже стишки попробовал вспоминать… Но не справился с собой Говард, смежил веки и заснул беспробудно.

— А-а-а-а-а! — завопил вдруг кто-то. — А-а-а-а-а! Эй, на палубе!

Говард попытался разлепить веки — получалось плохо. Голова гудела с похмелья. Попытался вывалиться из подвесного своего гамака — вообще ничего не вышло, потому что лежал он на песке, а не в койке. Он приподнялся на локте, огляделся.

Костер выгорел до серых, подернутых пеплом, черных и пока еще переливчато мерцающих красных углей. Флинт и Фрезер продирали глаза, а Тэйлор выл и вопил чуть подальше, у края леса. Он пялился на неподвижную фигуру, уткнувшуюся физиономией в песок.

— Ребята! — вопил Тэйлор. — Питер! Питера они…

Все подскочили к телу Эванса, и Флинт перевернул его на спину. Бедняга Питер Эванс, самый молодой из них, оставшийся без родителей во младенчестве и воспитанный в сиротском доме Корама… Бедняга Питер Эванс, никому в жизни зла не желавший… аж до четырнадцати лет, когда впервые в жизни прирезал человека.

— Дьявол! — прорычал Флинт.

Говард подался вперед и через плечо Флинта заглянул в лицо Эванса. Он ахнул, ноги его похолодели, как будто кто-то окатил их ледяной водой. Смерть Говард встречал в разных обличьях, вроде бы уж и нечему дивиться. Но здесь она, смерть, совсем другая. Питер Эванс лежал с выпученными глазами, стремившимися покинуть опухшую посиневшую физиономию, — в шею его врезалась длинная тонкая скрутка прочной древесной коры, закрепленная сзади, где ему бы ее ни в жизнь не достать.

— Чтоб меня нафаршировали! — зло бросил Флинт. — Та же история. Так же и в прошлый раз начиналось. — Он выругался и свирепо уставился в джунгли, как будто желая проткнуть взглядом убийц Питера Эванса. Затем злость его приобрела ядовитый оттенок, и он обвел взглядом пятерых оставшихся.

— И какой же это разгильдяй заснул на вахте, позвольте спросить? — почти ласково осведомился он.

Охвативший Говарда, стыд выдал его.

— Ты, Генри Говард? — недоверчиво спросил Флинт — Вот уж от кого не ожидал… По законам короля Георга тебе положена тысяча без одного,

не то сразу на рею. Но у меня сейчас каждый на счету… Так что пусть тебя совесть твоя судит.

Говард сгорал от стыда и раскаяния. Он мучился, сознавая свою ответственность, стонал, вздыхал. Он ломал руки и тихо плакал. По простоте душевной Говард полагал, что хуже этого ничего и быть не может. Но он ошибался.

Глава 33

5 сентября 1752 года Борт «Льва», трюм

Билли Бонс сиял от счастья. Да, он чувствовал себя счастливейшим из смертных в этом сыром трюме, хоть и задница его затекла от сидения на балластных булыгах, Счастьем наполняла Бонса причастность к мудрости Флинта, к его чудесной способности предвидеть будущее.

— Итак, Билли, цыпка моя, — обратился к нему Флинт в ходе их последнего свидания, когда пригласил Билли вниз якобы для поисков золотого. — Итак, ты притащил с собой свой старый сундук.

— Точно, капитан. Как приказано. — Билли ухмыльнулся. — Но этим-то, Сильверу и его шавкам, я сказал, что надеюсь остаться на «Морже», потому и сундук волоку, вот как.

— Эти олухи, конечно, тебя обсмеяли. Пусть смеются. А вот для тебя подарочек. Мое собственное изобретение. Схорони его в своем сундуке, даже если придется выбросить Библию, молитвенник и свидетельство о конфирмации.

— Чего? — С юмором у Билли всегда было ту-

говато.

— Не «чего», а «что, сэр». СЭР! Ты когда-нибудь запомнишь это коротюсенькое словечко, мой цыпленочек?

— Чего, сэр! Что, сэр! Да, сэр!

— Ну, ладно. — Флинт открыл ящик и вытащил громоздкую конструкцию из сетей и пробки. — Держи это наготове днем и ночью, мистер Бонс.

— Чего ради, капитан? — спросил Билли, дрожа, поскольку догадывался, для чего эта конструкция служит.

— Точнее — кого ради.

— Чтоб мне не потонуть, Капитан?

— Молодец, мистер Бонс. А вот еще два подарочка. Каждый мал, каждый в тряпице, потому что спрятать их надлежит на твоей драгоценной персоне, в уголках столь священных, что ни одному здравомыслящему олуху не придет в голову идея сунуть туда лапу при обыске.

Билли аж вспотел от натуги, силясь понять, что к чему.

А Флинт едва сдерживал смех.

— Прошу прощения, капитан… Где это?

— В твоих штанах, мистер Бонс. Между твоим членом и яйцами мы прикрепим это с помощью клейкой липучки нашего доктора. Я почему-то

сомневаюсь, что кому-нибудь захочется туда лазить.

— О-о!

— О-о, сэр, — подсказал Флинт.

— О-о, сэр!

— Вот-вот. А тряпочку-оберточку ты оценишь, поскольку оба эти предмета снабжены колкими углами. Вот один из них, — Флинт извлек на свет темную стальную полоску длиною с палец.

— Кусок напильника, капитан.

— Отлично, мистер Бонс. Так и есть. А для чего, можешь догадаться?

— Нет, капитан.

— Цель его, мистер Бонс — распилить твои ножные кандалы.

— Ножные ка… Кандалы, капитан?

Билли Бонс достиг предела. Он старался понять. Пытался услужить. Но его хозяину, кажется, доставляло большое удовольствие все время его дразнить.

— Да, мистер Бонс. Ножные кандалы. Которые рано или поздно навесит на тебя наш общий друг мистер Сильвер.

Билли Бонс вздохнул с облегчением. Флинт, кажется, оставил океан фантазии и порулил к прочным берегам фактов.

— Сильвер, конечно, падла, но почему, капитан?

— Все объясню, мистер Бонс, все своим чередом. Потому что он не осмелится тебя укокошить, но и оставить на свободе побоится.

Все предсказания Флинта сбылись. Сильвер донимал Билли Бонса, пытаясь выведать план Флинта, и, наконец, Бонс не выдержал и бросил вызов Долговязому Джону при всей команде. Он не выполнил приказ. Поэтому и сидел тут в ножных кандалах и в компании крыс.

Его обыскали, но именно так, как и предсказал Флинт. Искали оружие или что-то стоящее. Содрали серебряные пряжки со штанов, забрали табачок и складной нож, шляпу и сюртук. Но туда никто не полез. Билли Бонс тряхнул головой в религиозном почтении к гению Флинта, Билли, как и все другие, видел, что во Флинте есть что-то жуткое, но, в отличие от иных прочих, Бонс его за это боготворил.

И вот он пошарил в штанах, схватил покрепче, собрался с духом и рванул, что было силы. Он взвыл от боли, на глазах выступили слезы, пластырь оторвался, прихватив клочки грубых черных волос.

— Ых-х…

Билли Бонс разжал ладонь, поглядел на две упаковочки, еще теплые от прежнего местопребывания. Развернул одну, рассмотрел напильник, попробовал пальцем грубый край и пригнулся к кандалам. Ему велено было начать работу сразу, но оставить кандалы с виду целыми, надпилить так, чтобы без труда сломать в нужный момент. И тогда в дело пойдет второй маленький подарок Флинта.

Глава 34

6 сентября 1752 года. Южная якорном стоянка. Борт «Моржа». Предполуденная вахта (около восьми утра берегового времени)

Мистер Юин Смит, исполняющий обязанности первого помощника на «Морже», отличался столь бросающейся в глаза жеманностью и манерностью, что товарищи по команде поначалу опасались поворачиваться к нему спиной в узких темных закоулках. И юнгам советовали держаться от него подальше.

Но вскоре матросы на его счет успокоились. Опыт показал, что в этом отношении его можно не опасаться, а во всех других… что ж, они и сами не ангелы. Конечно, моряки заметили, что мистер Смит всегда в первых рядах, когда надо'1 что-то поделить, но в последних — хотя глотку драл не хуже других, — когда нужно с саблей и пистолетом прыгать на палубу чужого парусника.

Наконец, наглядевшись на его манерность и напыщенность, немалую ученость и седины — он оказался старше всех в команде — и подозревая, что Юин тайком молится по ночам, моряки

присобачили ему кличку: «пастор». Смит этого прозвища терпеть не мог, тем быстрее усвоили его остальные.

К сожалению, эта кличка оказалась теперь под запретом, ибо, возвысив мистера Смита в его нынешний ранг, Флинт недвусмысленно дал понять, что каждый, называющий первого помощника «пастором», навлечет на себя немилость капитана. Те, кто, видимо, не расслышал Флинта, сыграли партию-другую во «Флинтики» и щеголяли теперь перевязанными руками да лечили синяки у мистера Коудрея. Остальные научились на их примере и употребляли запретное слово, лишь когда капитана не было рядом.

А что поделаешь, эта кличка сама на язык просится. Ведь «пастор» и впрямь когда-то был… ну, неважно, кем именно — пока аппетит до юного женского тела не увел его на кривую дорожку. И теперь стоял он в большой черной шляпе и длинном синем сюртуке у румпеля пиратской посудины, наводя подзорную трубу на берег и пытаясь понять, что там еще задумал Флинт. Рядом с «пас…», то есть с мистером Смитом, остановился доктор Коудрей, тоже при подзорной трубе — и он заинтересовался, что там, на берегу. Туда же уставились с бака и шканцев и многие другие

члены экипажа, хотя иные и без всяких подзорных труб. Они изучали пляж и обменивались результатами наблюдений.

Тут до них донесся еле слышный вопль: «Эй, на палубе!» А затем все разглядели, как Флинт и моряки, отправившиеся на остров вместе с ним, волокли по песку чье-то тело.

— Что скажете, мистер Смит? — спросил Коудрей. Смит покосился на хирурга и позавидовал его легкой соломенной шляпе и просторным хлопчатобумажным штанам. Как раз по погоде наряд у доктора, хорошо ему! А Смит прел в тяжком сукне да толстом фетре.

— А вы, сэр?

— Затрудняюсь, сэр.

— Пальбу все слышали, — пожал плечами Коудрей. — Полагаете, в команде захоронения возникли какие-нибудь… э-э… трения?

— Кхе-кхе… — произнес мистер Смит, про себя же подумал совсем другое. «Гм-м-м», — подумал он про себя. Мистер Смит знал намного больше, чем можно рассказать Коудрею. «Гм-м-м», — повторил он свою глубокую мысль и принялся рассуждать о том, что ему предложил Флинт. Вот только суждено ли ему до этого дожить? Так и не додумавшись до чего-то определенного, мистер

Смит заметил какое-то беспокойство на палубе и увидел, что наверх поднялась Селена. Мысли Юина тут же направились на это весьма аппетитное создание в длинной рубахе и свободных штанах. Смит заметил, что у черной девицы хватило ума напялить намного больше одежонок, чем раньше. Теперь тело прикрыто полностью. Да только чем замаскируешь молодость и гибкость… А одежда… Что ж… Лишнее развлечение — обертки с конфетки сдирать. А там… Дух захватило у Смита при мыслях, что у Селены «там», под одежками. Мистер Смит был похотлив.

Селена избегала встречаться с ним взглядом. Она подошла к Коудрею.

— Мисс Селена! Доброе утро, дорогая, — приветствовал ее доктор.

— Доброе утро, мистер Коудрей, — улыбнулась Селена.

«Гм-м-м», — подумал Смит, Селене нравился хирург. Смиту это было неприятно.

Он снова окинул девицу взглядом, и память подсунула ему картины счастливых чеширских денечков. Неплохо ему жилось, церквушка у него была ничего себе, да и паства обширная и зажиточная. Сыновей и; дочерей прихожан он готовил к конфирмации. Конфирмацию проводил

его светлость епископ чеширский, кузен, друг и благодетель мистера Смита.

Ах, какое было времечко! Мальчиков он чохом запихивал в класс, оттарабанивал им что-нибудь быстрым аллюром и прогонял. На кой они ему черт! Но девочки… Ах, девочки… Их он готовил по специальной программе у себя дома.

Мистер Смит погрузился в воспоминания о гладкой коже, шейках, плечиках и иных выпуклостях и впадинках. Юин вздохнул, вспоминая, как он их щекотал, как они смеялись, как приходили каждый день, напутствуемые мамашами: «Веди себя хорошо/ слушайся пастора!» Они и слушались. Смит приручал их постепенно, шаг за шагом. Ушки щекотал, грудки, лодыжки… потом бедра… И наконец, сидя в своем любимом кресле со спущенными штанами, «по-отечески» принимал девочек на ручки. А они прыгали, разинув рты и задыхаясь:

— О-о, о-о, о-о, о-о…

Но не все коту масленица. Слишком много животов вздулось в результате столь своеобразной подготовки к конфирмации, слишком много девиц в слезах рассказывали родителям одну и ту же историю. Возмущенным опровержениям Смита перестали верить. С помощью епископа-благоде-

теля и Святой церкви, не любившей скандалов, он сменил приход… И еще не раз сменил, потому что во втором и в третьем повторилось то же самое. И еще бы повторилось, да послал ему черт этого здоровенного Вервика, у которого была одна дочка-пышечка и шесть здоровенных сыновей, да еще куча друзей-мужланов. И пришлось преподобному Смиту, выражаясь на культурном наречии, рвать когти, то есть покинуть дом через черный ход, когда в переднюю дверь уже ворвались эти дружки… Да еще и угостили его дробью в филейные части пониже спины… До сих пор зудит под кожей, сидеть крайне неудобно, отсюда и жеманность в движениях, предмет грубых шуток здешних товарищей по команде.

— Мистер помощник! — слегка поклонилась Селена Смиту. Он не сразу осознал, что к нему обращаются. На этот раз она говорила с ним, и сначала ему это понравилось.

— Гляньте, — сказала она тихо и кивнула в сторону команды. Пираты вдруг потеряли интерес к происходящему на берегу, собрались в затененной части палубы, расселись на пушках, на ящиках, на палубе, жевали табак, оживленно болтали, скалили зубы — и все смотрели на нее.

— Вам надо с ними поговорить, — сказала она.

Смит посмотрел на матросов и облизнул губы, показав мокрый красный язык. Отвратительная привычка.

— Эти добрые ребята свое дело знают, — елейно произнес Смит.

— Скажите им. Всем, даже юнгам. Скажите, что Флинт рядом, на берегу, и он скоро вернется.

— Его пять дней уж как нету, мисс, — ухмыльнулся один из пиратов, сидевший достаточно близко, чтобы ее услышать. Он повернулся к товарищам. — А ночыо-то вряд ли просто так стреляли, ребята? Может, капитан больше и не вернется, а?

Все дружно заржали. Нет, они не желали Флинту смерти; Ни в коем случае. Но не прочь были бы остаться на некоторое время без капитанского надзора, чтобы сделать то, о чем уже давно мечтали. Они чуть ли не разом поднялись и, не спуская глаз с Селены, медленно двинулись к штурвалу.

— Пасссстор, — просипел один.

— Па-а-а-а-астор, — пропел второй.

— Пасторрррррр! — прорычал третий.

Коудрей схватил Селену за руку.

— Уходите вниз. Немедленно. И не появляйтесь, пока не вернется капитан.

Она нахмурилась.

— Там жарко. Смолой воняет.

— Боже милостивый! Вниз! Живо!

Коудрей потянул ее к люку. Селена покосилась в сторону толпы, и ей расхотелось упрямиться. Хирург стащил ее в люк и отвел к кормовой каюте.

— Зайдите и запритесь. — Он прислушался к шумам на палубе. Там спорили и ругались. Коудрей вздохнул. — Прелестно! Лучше не бывает! Дайте-ка мне эту штуковину, — он показал на мушкетон с толстым бронзовым стволом, закрепленный в стойке среди остального оружия Флинта. Она протянула ему мушкетон, но не сразу отдала. Сначала заглянула ему в глаза.

— Доктор…

— Что?

— Спасибо.

Коудрей вздохнул.

— Делаю, что могу, сударыня.

— А где ваши умные слова? Латынь…

— Мадам, не гремя для латыни.

— Скажите что-нибудь… На счастье.

— Ох, Бог ты мой… Ну… Forsan et hue c mcminisse hivabit.

— Что это вы сказали?

— Вергилий. «Настанет время, когда эту ситуа-

цию приятно будет вспомнить».

— Да, — сказала она и поцеловала его в щеку.

Это действие вызывало в груди мистера Коудрея разного рода эмоции; и не только в груди, но и в чреслах. Ведь хирург тоже человек, к тому же мужчина. Однако поскольку он определил себе роль отца-опекуна и храброго защитника, то решил не выходить из роли. Ремесло хирурга требует решительности и категоричности.

— Гм… Бедняжка… — Он похлопал ее по руке повыше локтя. — Я постою тут, пока все не уляжется, — он мотнул головой вверх, откуда доносился шум, — потом принесу вам поесть-попить, чтобы можно было пересидеть, не вылезая. А там, глядишь, и Флинт вернется. Он все быстро приведет в норму. А пока запритесь и сидите смирно.

— А где ключ?

— Бог мой, откуда мне знать? Ищите, ищите.

Он захлопнул дверь и привалился к ней спиной. Поглядел на свое оружие, гадая, заряжено ли. Потом подумал, на что он годен. Боец из него никудышный, слушать его тоже никто не станет. Если они разъярятся, ему и секунды не продержаться. Ну, может он на них заорать, храбрость выказать… мушкетоном пригрозить. Вдруг ис-

пугаются, а может быть, и нет. А не испугаются, так… и его жизнь ее не спасет. И запертая дверь им не помеха. И тогда только Бог в состоянии помочь этой бедной негритянке.

Сейчас все фактически зависело от «пастора» Смита, существа, по мнению мистера Коудрея, неопрятного и развратного, а для команды в высшей степени неавторитетного. Коудрей не мог понять, с чего это Флинту вздумалось доверять этакой жабе столь ответственный пост. Лучше бы своему попугаю поручил, больше б толку было.

Глава 35

6 сентября 1752 года. Остров. Вечер

— Вот она! — сказал Флинт и опустился на колени, чтобы подобрать рубаху, которая шевелилась сама собою. Рубаха оказалась скатанной в рулон, рукава связаны узлом. Флинт поднял этот рулон, продолжающий дергаться. Что-то живое находилось там, внутри.

— Наш ужин! — усмехнулся Флинт и отложил рубаху в тень.

Иен Фрезер непонимающе заморгал. Он, конечно, заметил, что Флинт без рубахи. Под сюртуком у него сверкала голая грудь с того самого момента, как он отправился определять место для измерения пеленга. Команда захоронения возилась с маркером. Вернулся Флинт без рубахи. Фрезер сразу заметил, но промолчал. Другие тоже, ясное дело, не слепые. Но и они ничего не сказали… С Флинтом лучше не высовываться. Не то бед не оберешься.

— Вот мы и пришли… Пердун, — сказал Флинт. — Подъем на Подзорную Трубу до половины. Это местечко я отметил во время разведки. —

Флинт указал на солидного размера скалу, с дом величиной. Погруженная в землю скала торчала на фут плоской макушкой размером примерно десять на двадцать футов. — Отлично подойдет, Пердун.

— Так точно, капитан, — отозвался Йен Фрезер, настолько привыкший к своей гнусной кличке, что с готовностью на нее откликался. Во всяком случае, автоматически употреблявшие ее товарищи Йена давно уже толком не осознавали ее обидного смысла. Однако Флинт, как казалось Фрезеру, словно смаковал это словцо, как будто наслаждался им.

— Нравится тебе это место, Пердунчик? А вид-то какой отсюда!

Фрезер огляделся. Воздух чист и ясен. Затхлые болота Южной бухты и прилегающие к ним тропические джунгли в четырех милях отсюда и на тысячу футов; ниже. Здесь открытая местность, куда более приятная: привыкшему к свободному круговому обзору мореходу. Цветущий ракитник, рощицы мускатного ореха и несколько оттеняющих все это могучих сосен.

Флинт с наслаждением вдохнул чистый свежий воздух, потянулся, пощекотал маковку попугая и улыбнулся Пердуну Фрезеру — единственному из

всей группы, требующему особого внимания. Йен пристально смотрел на Флинта, но, встретившись с ним взглядом, опустил глаза. Да, Фрезер умнее их вместе взятых, давно бы уж в унтеры вышел, кабы не его неудержимая страсть к рому… да легендарная вонючесть, определившая прозвище.

— Хватить сачковать, Пердунище! Наши ребята там, внизу, пашут, как невольники на плантации, а мы тут с тобой прохлаждаемся.

— Есть, капитан! — Фрезер прищурился, пытаясь разглядеть группу из четырех человек, установивших в отдалении рею в качестве маркера. Развязав мешок, Фрезер извлек из него и разложил на скале компас, блокнот и остальное содержимое. Самым большим из выложенных предметов оказался компас в прочном деревянном корпусе, обычно используемый в баркасе «Моржа» и почти не уступающий размером главному судовому компасу, установленному в нактоузе.

— Так вот, Пердунок, — изрек Флинт, постучав ногтем по компасу. — Другие на нашем месте принялись бы складывать пирамиды из камушков, метки на деревьях вырезать, надеясь найти их в том же виде, когда вернутся. Мы не такие. Мы используем неподвижное и непотопляемое. —

Флинт топнул по могучей скале и опустился на колени, снимая пеленг на то место, в котором они зарыли золотые монеты.

Но тут Флинт нахмурился. Он отложил карандаш и блокнот с записями. Вскочил. Сдвинул шляпу на затылок. Поскреб лоб, глядя на место захоронения золота, такое далекое, но ясно обозреваемое с их скалы. Потом поднес руку к глазам и вперил свой орлиный взор в Южную бухту, где замерли на якорях «Морж» и «Лев». Положим, много-то отсюда не высмотришь, и Флинт тяжко вздохнул.

Краешком глаза он заметил, что Фрезер уловил перемену настроения начальства и насторожился. Неплохо, неплохо. Пусть понаблюдает, понапрягает мозги. Флинт закусил губу и принялся нервно вышагивать по скале. Остановился, открыл рот, как будто собираясь что-то сказать Фрезеру, Мотнул головой, снова зашагал. Опять остановился, покосился на группу захоронения.

— Нет-нет, — пробормотал Флинт, — Только не они. Генри, Джеймс и Франки… Нет. И не крошка Роб.

— Э-э… — силился что-нибудь сообразить Фрезер. Лондонский театр «Друри-Лэйн» потерял в лице Флинта выдающееся дарование. Вот и сей-

час он произвел впечатление на публику.

Лицедейство продолжалось. Флинт подскочил как ужаленный.

— Фрезер, друг… Прости, парнище. Я просто…

— Что, капитан? — спросил обеспокоенный Фрезер. Да и как не взволноваться — физиономия капитана посерела, а в глазах жемчужинами сверкали настоящие крупные слезы.

— Йен, не хотел я тебя волновать. Думал, дождусь, пока вернемся на судно, к товарищам. — Он снова нахмурился. — То есть к тем из них, кому можно доверять.

— Доверять, капитан? Кому?

— Заговор, Йен! — трагическим полушепотом возвестил Флинт.

— Заговор?

— Да, да! Ты же не полагаешь, что бедняга Питер Эванс помер за здорово живешь…

Фрезер не сразу сообразил, что он в данный момент полагает, но послушно выдавил:

— Нет… Нет, капитан.

Собственно говоря, о смерти Эванса он как раз задумывался. И о подозрительных ночных звуках размышлял. И даже пришел к кое-каким заключениям.

— Я всегда видел, что ты парень сообразитель-

ный, Йен, поэтому и решил тебе довериться. Я сколачиваю новую команду, которой смогу доверять. Пусть эта команда будет даже намного меньше прежней.

— Ну? — Фрезер мгновенно сообразил, что даже такую большую сумму, как восемьсот тысяч фунтов, лучше делить на меньшее число долей. Эта практическая мысль вымела из его сознания всякие подозрения относительно благородных намерений капитана. Никаких сомнений не осталось в голове Фрезера.

— Да, Йен — Флинт вытащил из кармана бутылку, а из бутылки пробку. Глотнул Крякнул. Ноздри Фрезера зашевелились, губы пересохли. День казался все прекраснее.

— Держи, друг! — Флинт протянул ему бутылку. — Присядь со мной на эту добрую скалу, освежись благородным напитком, а я тебе все расскажу.

И вот капитан Джо Флинт и Йен Фрезер по прозванию Пердун уселись на просторный камушек, провели полчаса за бутылкой, содержимое которой перекочевало в глотку Фрезера, и Флинт разъяснил другу Йену свои заботы, раскрыл коварные происки предателей. Суть монолога Флинта сводилась к следующему: все на борту

«Льва» и большинство на «Морже» — подлые твари, готовые всадить кортик в спину капитану и отобрать себе все паи честных мореходов, джентльменов удачи, береговых братьев. За эти подлые намерения их самих следует лишить паев… И поделить добычу не на сто сорок семь частей, а на двадцать пять.

Сияющий Йен Фрезер по прозвищу Пердун поднялся на нетвердые ноги и отошел к кустам облегчить мочевой пузырь. Голова и все тело приятно гудели, ром резво бежал по жилам

— Господь б-благословит тебя, капитан… И покарает остальных-х… — заплетающимся языком произнес Фрезер под звонкое журчание янтарной струи.

— Спасибо, друг, — прочувствованно отозвался Флинт и махнул рукой в сторонку. — Раз уж ты поднялся, принеси-ка мою рубаху, мы зажарим этого кролика да поужинаем свежим мясом, Свежатинка, друг!

— Д-да, д-друг! — с необычайной смелостью вдруг сорвалось с языка Фрезера. Он застегнул штаны и поковылял в указанном Флинтом направлении.

— Кролик? Странный какой-то кролик.

— А ты открой да глянь. Здесь кролики не та-

кие, как у нас в Англии.

Пьяный Фрезер никак не мог сладить с завязанными рукавами. Он подхватил кролика и понес к Флинту. Уронил, засмеялся. Флинта это тоже рассмешило. Рубаха дергалась, издавала странные звуки.

— Ч-ч-чего это? — удивился Фрезер. Попугай Флинта отлетел в сторонку. Он видел, что хозяин затевает любимую игру, и не хотел в ней участвовать. Флинт даже не заметил его реакции. Фрезер тем более.

— Кролик, милый, кролик. Плюнь на узлы, возьми нож да и взрежь рубаху.

— Как, капитан! Рубаха ведь…

— Плюнь на рубаху. У нас скоро пол-Англии будет, что нам рубаха!

— И то верно! — Фрезер подивился собственной глупости, вытащил из-за пояса здоровенный нож, отличный нож, отточенный, с острым кончиком. Но хозяин ножа оказался в таком подпитии, что не смог даже рубаху вспороть толком.

Хлопая глазами, Фрезер уставился в кривую дыру.

— Во… кроль-то… странный какой-то…

— Сунь руку в дыру, вытащи его, — посоветовал Флинт.

— Д-дак, точно, — сказал Фрезер, засунул руку в рубаху и почти сразу же закричал:

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!!!;

— Черт дери меня заживо! — отозвался Флинт. — Знаешь, Пердун, а ведь это и впрямь, пожалуй, не кролик.

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!!!

— Я, кажется, даже могу предположить, кто там, в рубахе.

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!!!:

— Это, пожалуй, змея.

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!!!

— Гремучая.

Но Йен Фрезер Флинта не слушал. Он беспорядочно носился туда-сюда, в соответствии с прозвищем производя задним проходом всевозможные созвучия, а на правой руке его повисла, крепко сжав челюсти, змея пяти с половиной футов. Она издавала хвостом характерный звук, по которому, аналогично Фрезеру, и получила свое прозвище.

— Может, ты бы голову ей отхватил ножом, — предложил Флинт, когда Фрезер пробежал мимо него в южном направлении.

Флинт даже подхватил нож и протянул его Фрезеру рукоятью вперед, чтобы тот сумел схватить

оружие, пробегая обратно. Фрезер послушно вцепился в нож, но ловкости не хватало, левой рукой он владел не слишком умело. Зато разозлил он змею порезами и уколами до белого каления. Ядовитые зубы ушли в руку Фрезера до предела.

Наконец, Фрезер выдохся и, всхлипывая, рухнул на камень. Змея по-прежнему висела на его руке.

— Помоги! — взмолился он. — Помоги, капитан!

— Даже и не знаю, чем тебе помочь, друг. Змея, как мне кажется, сама отвалится, когда ей надоест.

Змея, в конце концов, так и поступила. Но к тому времени Фрезер уже хрипел, лежа на спине с закрытыми глазами; рука его посинела и вспухла.

Змея хотела было убраться восвояси, но Флинт присел над нею и принялся забавляться. Он подсовывал ей одну руку, а когда она пыталась его цапнуть, молниеносно хватал другой рукой сзади чуть пониже головы. Змея — быстрое животное, но Джо Флинт еще быстрее, К тому же змея не была сумасшедшей, она не смеялась..

Попугай тоже не хохотал. Он наблюдал за Флинтом, который, насладившись, бросил змею на скалу и расплющил ее дурную голову сапогом.

После этого Флинт решил позаботиться и о Фрезере. Он подобрал нож Пердуна… Попугай квакнул, закачался на ветке и, наконец, издал глубокий протяжный стон, столь же жалкий и печальный, сколь и стон любого человеческого существа.

Глава 36

5 сентября 1752 года. Борт «Льва». Южная якорная стоянки. Первая вахта (около 10 вечера берегового времени)

— Пистолеты; мистер Хендс, — сказал Сильвер. — Можно сказать, залп. Выстрелили вместе, как будто по команде.

— Да, капитан — отозвался Хендс.

— Да, капитан, — повторил Сарни Сойер, боцман. — Прикажешь шлюпку спустить? Надо же разобраться.

— Нельзя, — сказал Сильвер. — Ты же клялся. Все вы клялись.

— Кгм… — поперхнулся Сойер.

— Как же, — продолжал Сильвер, — «Морж» и «Лев» друг друга стерегут. Кто лодку спустит, начинает войну. Я не рвусь начать войну на ночь глядя.

— Капитан, — морща лоб, вкрадчиво завел Израэль Хендс. — Я вот не понимаю… Пистолеты. Дюжина разом. Это как же? Что, напали на них? — высказал он то, о чем думали и другие. — Напали и… одолели?

Эта мысль ужасала безмерно, ибо означала потерю сокровищ, доставшихся какой-то неведомой силе.

— Нет! — Сильвер захлопнул большую телескопическую подзорную трубу, с помощью которой пытался одолеть тьму. На палубе все привалили к береговому борту, кто-то вскарабкался на ванты, пытаясь разглядеть, что там, у костра, происходит. Огонь полыхал по-прежнему. Однако более ничего не было видно. И не слышно ничего, кроме бесконечного шума прибоя.

— Почему нет, капитан… — спросил Израэль Хендс. — Прошу прощения.

— Да, да, почему…

— Слушайте меня, ребята… — Сильвер перевел дыхание. Много он хотел им сказать, во многом желал убедить…

Выстрелы как будто прочистили сознание Сильвера, придали ясность мыслям. Теперь он понял, что происходило. В нем еще сохранялись следы прежнего уважения к Флинту, призрак прежней дружбы, не позволявший сделать решающего шага и увидеть истину. Поэтому следовало сообщить свои соображения этим людям, и пусть они сами придут к нужным заключениям.

— Мы, ребята, в дерьме по уши, без всякого

сомнения, верьте мне. Но все добро сейчас на берегу, и как раз там, где Флинт его зарыл. Никто до них не добрался.

Раздался гул облегчения. Это уже лучше!

— И я вам сейчас что-то скажу. Молчать и слушать, на палубе!

Все обратились в слух. Семьдесят один мужчина и трое юнг. Но в ночи не к чему было прислушиваться.

Море спало, остров стих. Ну, водица похлюпывала у борта, да от «Моржа» изредка доносилось какое-то бряканье. А так — только прибой беспокоился.

— Слышите? Все тихо. Даже если бы «Морж» нарушил клятву и спустил шлюпку, как бы они умудрились это сделать незаметно от нас? Да этих раздолбаев в Портсмуте было бы слышно с их гуканьем да гиканьем.

Команда встретила это соображение капитана одобрительным гулом.

— Иные у нас верят, что кто-то высадился на остров и напал на наших. Но я вас спрошу, всех и каждого, кто из вас слышал о бое без клацанья, грохота, воя да воплей, кто?

Снова одобрительная реакция команды. Они толкали друг друга, кивали, ухмылялись. Сильвер

с его сомнительным ораторским даром внушал им уверенность в себе, освобождал от страхов и сомнений, а заодно утверждал свои позиции их естественного вожака.

— Нет, ребята, никто на них не нападал. И они друг с другом не дрались. — Он ткнул большим пальцем в костер на берегу. — Залп был, а не перестрелка. Когда дерутся, стреляют друг в друга, прицелившись, приложившись, но не по команде же!

Опять же прав был Сильвер.

— И скажу я вам то же, что и раньше говорил. Это Флинт выкинул очередной финт. Не знаю, что он задумал. — Сильвер выдержал паузу. — Но скажу вам, зачем.

Эффект это произвело сильный. Все разинули рты, глаза чуть не на лоб повыскакивали. Наступил момент истины.

— А вы еще не поняли, зачем? Да затем, чтобы все добро досталось ему одному, Флинту.

Темная людская масса издала глубокий стон. Они последовали за Сильвером по своему выбору, но они верили и Флинту. Всех их очаровал Флинт. Да и Сильвера тоже, кто перед ним устоит! Из ста сорока семи человек никто не проголосовал против захоронения сокровищ, никто, кроме

Долговязого Джона Сильвера.

Команду охватил стыд за собственную глупость. И жалость к себе, обманутым и обокраденным. Не один Билли Бонс восхищался Флинтом. Теперь же восхищение во мгновение ока обернулось ненавистью к этому же человеку.

«Так-то, ребята, — подумал заметивший эту перемену Сильвер. — Что поделаешь, мерзавцем оказался ваш разлюбезный». Он чувствовал, что в руках его снова сосредоточивается власть над этими людьми.

— Что ж, ребята, нам еще многое предстоит сделать, если хотим розы нюхать, а не дерьмо. — Сильвер повернулся к Израэлю Хендсу. — Мистер пушкарь!

— Да, капитан.

— Испанская девятка, значит, в трюме… Лучшая пушка на судне.

— В трюме, капитан. Смазана и спеленута.

— Все принадлежности в порядке?

— В лучшем виде, все там же, с нею, капитан.

— Сколько надо народу, чтобы поднять и собрать?

— Гм… Девять фунтов, двадцать шесть центнеров все-таки..

— Народу сколько надо?

Хендс покряхтел, попыхтел..

— Лучше две дюжины, капитан, тогда можно будет все сладить быстро и без шума… Прошу прощения, ведь, должно быть, без шума надо?

— Точно, мистер Хендс.

— Значит, две дюжины народу, капитан, тройной блок на грот-штаге[62] для подъема да плотницкую команду, порт переделать. — Израэль Хендс ткнул в ближайшую четырехфунтовку. — Эта-то мышьи норки низковаты да узковаты будут.

— Отлично, мистер Хендс. — Сильвер оглядел команду, не понимающую, к чему клонятся все эти военные приготовления. Долговязый Джон понимал, что следующие слова ему придется подбирать с великим тщанием. Он помолчал, подумал и указал во тьму.

— Ребята, там, рядом, стоит «Морж», на котором мало у кого из нас нет старых приятелей.

Опять все с ним согласились, ибо так оно и есть.

— Но случается, что надо видеть мир таким, каков он есть, а не таким, каким бы хотелось его видеть. Вот сейчас как раз такое время.

---

[62] Примечания: 62

Грот-штага — канат от верхней части мачты или стеньги.

Никто не возражал.

— А правда в том, ребята, что «Морж» у Флинта в кулаке. И вся его команда тоже. — Сильвер выдержал паузу, ибо следующий шаг был нелегок. — Если Флинт хочет загрести все под себя — а я знаю, что он этого хочет…

Гул прошел по палубе.

— …то ему нужны судно и команда, чтобы все вывезти. И он наврет своим на «Морже», что хорошо бы разделить добычу без этих, на «Льве», чтобы убедить их.

— Суки!

— Ублюдки!

— Воровские морды!

«Ишь, разошлись, верные друзья… уже забыли, как только что хотели мне черную метку всучить», — думал Сильвер, глядя на разошедшийся экипаж.

— Тихо, тихо! — прикрикнул Сильвер, — Не нужно шума, вас за сотню миль слыхать. Все чинно, спокойно, без паники.

— Есть!

— Мистер боцман! — обратился Сильвер к Сарни Сойеру.

— Здесь, капитан!

— Подпружинь трос и выведи пружину на кабе-

стан, чтобы можно было развернуться пушками, куда понадобится. Только тихо, без шума.

— Есть, капитан!

— За работу, ребятушки! — заключил Сильвер свое выступление. — И еще раз повторяю: тихо, без гиканья.

— Капитан, — обратился к нему Хендс, когда народ разошелся по своим делам.

— Что, мистер пушкарь?

— Неужто придется драться с «Моржом»?

— Надеюсь, что нет, но лучше быть наготове.

— Есть, капитан!

Израэль Хендс сохранял серьезный вид, но сердце его прыгало от радости. Он снова стал «мистером пушкарем», что означает — он больше не «мистер помощник» и вахту стоять ему не надо. А хлопот у него теперь хватит. Его красавица сейчас покинет трюм. Он понимал, что ошибся, намереваясь установить ее на «Льве» курсовой пушкой. Некуда ее воткнуть на носу. Такая ошибка для мастера-пушкаря непростительна. К счастью, никто на нее не обратил внимания, на эту ошибку. И пушка займет достойное место. Слава мудрому пушкарю Израэлю Хендсу!

Конечно, без длинной испанской пушки у «Льва» не было ни малейшего шанса победить

«Моржа». С восемью-то четырехфунтовками против четырнадцати шестифунтовых! «Морж» может просто оставаться вне дальности выстрела четырехфунтовок и раздолбать «Льва» в труху. А попробуй-ка с девятифунтовой, сунься! Насквозь прошибет!

Израэль Хендс, улыбаясь, как счастливое дитя, направился наблюдать за работами по подъему пушки. В отличие от большинства других членов экипажа он всем сердцем надеялся, что пушке его предстоит работа.

Глава 37

6 сентября 1752 года. Южная якорная стоянка. Борт «Моржа». Четыре склянки предполуденной вахты (около десяти утра берегового времени)

Мистер Смит, исполняющий обязанности первого помощника, и без того прел в своем синем сукне, а тут пот бежал по телу потоками.

Смита заела ревность, когда этот Коудрей уволок Селену под палубу, как волк ягненка, а она за ним чуть не вприпрыжку побежала. Его жгла злость на палубную шваль, нагло скалившую зубы. И это ему, стоявшему на квартердеке у компаса и руля, можно сказать, как жрец в храме у алтаря, воплощение власти на судне!

Мистер Смит огляделся, ища поддержки. Нет, он ее не нашел. Он насупился. На судне имелись младшие офицеры, которым положено его поддерживать. Квартирмейстер, оружейник, боцман прежде всего, Аллардайс. Но они наплевали на свой долг. Скалят зубы так же, как и команда, да еще называют его «пастором». Им срочно понадобилась черная девчонка, и горе тому, кто

заступит им путь!

Кошмар! Возмутительно! Нестерпимо!

Главное же — смертельно опасно. А этого «пастор» Смит почему-то не сообразил. Слишком надеялся он на свой авторитет и не думал о том, что станет с ним, если дотянутся до него руки палубной команды. С чего бы ему бояться этой своры дебилов, если на него распространяется покровительство капитана Флинта? Он избран капитаном, выделен из общей массы…

Флинт встретил его милейшей улыбкой.

— Приятно побеседовать с ученым мужем, — заворковал капитан, подхватив Смита под ручку и увлекая по палубе у всех на виду.

— Вы, милейший, как бы наш казначей? — осведомился Флинт.

— Да, сэр!

— Так точно, сэр! — поправил капитан с мягкой улыбкой./.

— Так точно, сэр! — повторил Смит.

— Казначей… Отлично, но мне понадобится навигатор, штурман.

— На замену мистеру Боксу, сэр?

— Совершенно верно, мистер Смит.

Юин почуял выгоду ситуации.

— Какие у вас отношения с Пифагором, мистер

Смит?

— Прекрасные, сэр!

— А с Эвклидом?

— Отличные, сэр! И с Ньютоном, знаете ли… Производные, там… то-се…

— Я сразу понял, что вы математический гений, мистер Смит.

— О, сэр…

И вот мистер Смит получил синий сюртук и большую шляпу с полями, а также опустевшую каюту мистера Бонса. Он пользовался запасным квадрантом капитана Флинта, лично его обучавшего, и уже в нескольких сотнях миль от флинтова острова смог уверенно выйти на курс, основываясь на собственных вычислениях.

— Отлично, мистер помощник, — похвалил Флинт, когда Смит показал ему позицию судна на карте за несколько дней до подхода к острову. — Что ж, солнце над ноками рей, народ ужинать собирается. Прошу вас, мистер помощник, присоединиться ко мне, разделить стаканчик-другой в моей каюте.

— С удовольствием, капитан!

Пыхтя от гордости, Смит шествовал за Флинтом. Юнги несли за ними инструменты, и вся команда видела, как он, Смит, следует к капитану

в гости, запросто, на стопочку-другую.

— Ваше здоровье, сэр! У вас задатки отличного штурмана, — нахваливал его Флинт.

— Ваше здоровье, капитан! — ответил Смит, краснея от похвал. А Флинт все улыбался, улыбался, улыбался....

— Значит, вы могли бы найти мой остров? — спросил Флинт. — Могли бы выйти из Бристоля и дойти до него?

— Было бы судно, да команда, да карты, сэр, — с достоинством кивнул Смит. — Смогу, сэр. Полагаю, что смогу.

Он не без оснований гордился своими талантами и этого не скрывал.

— Что ж, тогда ваше будущее обеспечено, мистер Смит, — сказал Флинт, показав волчий оскал.

И действительно, будущее Смита Флинт уже определил. Как и любой здравомыслящий мореход, Флинт понимал необходимость в запасном навигаторе. К несчастью, Билли Бонс был занят в другом месте. А без Билли? Что, если Флинт вдруг заболеет? Что, если некому будет держать судно на курсе? Что станется тогда с бедным Джо Флинтом?

Посему следует потратить время и выучить

мистера Смита. Но как только на горизонте покажется берег Англии, будущее этого джентльмена тут же и решится без всяких вариантов. Однако пока до этого далеко. На повестке дня еще один вопрос.

— Мистер Смит, — задушевным тоном завел Флинт еще через несколько стаканчиков. — Мистер Смит… Или, может быть, я могу взять на себя смелость назвать вас именем, данным при крещении? Юин, так? А я для вас Джозеф.

— О, сэр! — задохнулся безмерно польщенный Юин. Он облизал губы мокрым языком и уставился сквозь маленькие круглые очки такими кроваво-туманными глазами, что Флинт снова едва удерживался от хохота. Лишь неимоверным усилием Флинт смог сохранить серьезность.

— Юин… Я хочу обратиться к вам за советом… По весьма личному вопросу. Настолько интимному, что даже не знаю, как начать.

— О… Джозеф… — Смит вытащил платок и протер потное лицо. Любопытством он не был обделен, сызмальства стремился сунуть нос в дела ближнего своего, даже если не имел возможности на дела эти повлиять либо извлечь из чужих обстоятельств какую-либо выгоду для себя.

— Эта… моя негритянка…

— Что с ней?

Флинт покачал головой, попыхтел, повздыхал, поднял и поставил на место стакан, потупил взор, изучая полировку столешницы…

— Что, что? — сверлил Смит капитана, а под столом буравил штанину напрягшийся при упоминании о лакомом кусочке женского тела похотливый отрог организма «пастора».

— Видишь ли, Юин, — преодолел наконец свою скромную натуру Флинт, — у нее такие… аппетиты… нет-нет, ничего особенного, во всяком случае для ее народа, но она требует от меня… и… и…

— И что?

— Ну, никаких сил не хватает, — вздохнул Флинт, осмелился жалостливо глянуть в выпученные глаза собеседника и снова едва не потерял над собой контроль. Пришлось ему наказать себя под столом, вонзить ноготь большого пальца левой руки в указательный палец правой, чтобы не прыснуть невинным детским смехом.

— Видишь ли, дорогой мой Юин, я нахожу, что разнообразие, частота и э-э… экзотичность желаний этой дамы превосходит возможности одного мужчины, по крайней мере, одного белого мужчины. Посему… Юин, я попросил бы вас… Как единственного на борту джентльмена, вы же

понимаете… человека образованного…

— Да, да, да! — задышал Смит, казалось, близкий к семяизвержению в мозг.

— О, дорогой друг… Бы меня спасаете, — нежно улыбнулся Флинт.

— Когда? Сию минуту спасу!

— Гм… Еще стаканчик, мистер помощник?

— Да, Джозеф!

Флинт хихикнул, затем отечески покачал головой.

— Пусть лучше пока я буду «капитан», до поры до времени.

— Так точно, капитан!

— Ах, мистер Смит… Если б вам были ведомы все тяготы вождя…

— ???

— И горечь предательства, мистер Смит…

— Предательства? — Мозг Смита, затуманенный алкоголем, искал смысл в новом повороте разговора.

— Нас предали все на «Льве» и большинство команды «Моржа».

— Не может быть!

— Еще как может. Захоронение сокровищ — это уловка, чтобы их спасти.

— Спасти для кого? — Уж дура ком-то Смита

никак не назовешь.

— Для тебя, дорогой. Для меня. И еще для нескольких верных товарищей, которым можно доверять.

— Нескольких?

— Чтобы до Англии добраться, хватит. Скажем, дюжина.

— Дюжина?

— Точно. Восемьсот тысяч разделить на восемнадцать.

— Восемнадцать?

— Двенадцать, да мы с тобой.

— Но это ведь четырнадцать?

— У нас, дорогой мистер Смит, тройные доли.

— Господь спаси нас и помилуй!

— И как только разделаемся с предателями, дорогой друг, я вручу тебе ключ от салона и эту черную задницу и сниму с себя обузу.

— О-О-О-О-О… — простонал Смит.

— До этого, однако, надлежит выполнить некоторые необходимые действия. Ты, дорогой первый помощник, должен быть моими глазами и ушами на «Морже», потому что мне предстоят дела на берегу. Ты должен сохранить для меня судно, спасти от Джона Сильвера и от предателей на «Морже», А потому слушай меня внимательно

но...

Глава 38

7 сентября 1752 года. Остров. Холм Подзорная Труба. Ближе к вечеру

Фрэнки Скиллет полз очень, очень тихо, по-крабьи, как и положено опытному скауту. Левой рукой он ощупывал дорогу, нож свободно, но прочно держал правой рукой, готовой к действию.

Фрэнки предпочитал нож за тишину. Не любил он шума. Поэтому снял с себя перевязь с серебряной пряжкой и саблей. Сбросил и пояс с пистолетами, жилет с карманами для патронов и кремней. Даже прекрасные кожаные сапоги стянул с ног. И красный шелковый платок с головы. — это, конечно, не из-за шума, а чтобы не привлекать внимания ярким цветовым пятном.

Остались на Фрэнки одни лишь свободные хлопчатобумажные штаны, завязанные на поясе.

Он аккуратно сложил одежду и снаряжение в месте, стеречь которое им поручил Флинт, и бесшумно пополз вперед, босой, по пояс голый, с обнаженной головой, лишенной волос.

Волосы Фрэнки сбривал, чтобы голова не перегревалась.

«Где ты, Джимми, малыш? — думал Фрэнки. — Иди к своему другу Фрэнки. Иди ко мне и получи, что тебе причитается».

Мягко, бесшумно спускался Фрэнки Скиллет с вершины холма Подзорная Труба. Он настолько захвачен был возложенной на него миссией, что не замечал красот природы, потрясающего вида, открывающегося со склонов, не обращал внимания на свежесть чистого воздуха и величественное благородство рельефа. Фрэнки сконцентрировался на кустах, в которые удалился Камерон, дабы опорожнить кишечник.

— Ы-ых! — донеслось из кустов родовспомогательное пыхтенье Камерона.

«А-а-а, вот ты где, — сообразил Фрэнки Скиллет. — Рожай, рожай, милый. Пыжься, тужься. А я тебе помогу».

Он ускорил темп продвижения, обогнул закрывавший его куст, пополз по открытой местности, осторожно отодвигая в сторону сухие сучки. Хорошо полз Фрэнки Скиллет, особенно для моряка. Индеец-гурон или браконьер, конечно, услышали бы его перемещение, но Джимми Камерон… Где ему! Особенно со спущенными штанами и

звенящей от напряжения прямой кишкой.

— Ыкх… У-ых-х-х… — старался Камерон. Усилия его, наконец, принесли желанный результат, и он издал облегченное: — О-о-о-о…

«Ф-фу!» — Скиллет едва сдержал недовольный возглас. Вонь камероновых выделений ударила ему в ноздри, ибо очень, очень близко подобрался Фрэнки Скиллет к другу Камерону. Вскочить, проткнуть и готово! Но… пока неудобное для ножа положение. Камерон надрал пучок травы и сосредоточенно вытирал им задницу. Вот он закончил, встал, натянул штаны….

Скиллет гукнул и прыгнул… Отлично прыгнул, да зря зашумел. Камерон, правда, и без того обернулся, дабы бросить гордый взгляд на плоды усилий своих, как сделал бы на его месте любой муж, праведный или неправедный. Правое плечо Камерона ушло вперед, благодаря чему от ножа улизнула спина, и это несколько подпортило ситуацию. Лезвие царапнуло позвоночник, прорезало мышцу, но лишь задело пульсирующие магистрали, по которым кровь стремится к почкам — любимую цель благородных убийц, нападающих сзади.

— С-сука! — крикнул Камерон, сцепившись со Скиллетом.

Оба рухнули в едином движении, продолжая траекторию атакующего Скиллета, и принялись кататься по земле, совершенно изничтожив аккуратную пирамиду, выложенную Камероном. Большая часть составляющего ее вещества оказалась на противниках. Они подкатились к кустам, смяли их и очутились на открытом пространстве, среди песка и камней.

Тут Джимми Камерон приложил все усилия к тому, чтобы дотянуться левой рукой до голенища правого сапога, где хранил нож, ничуть не уступавший лезвию Скиллета. Правой рукой Джимми сжимал горло подлого противника.

Скиллет, в свою очередь, извивался и отбивался, всеми силами пытаясь освободиться. Но Камерон был сильнее, так что не вырвешься — верный конец.

Скиллет уже задыхался, однако умудрился выдернуть шею из объятий слабевшего Камерона. Рванувшись к Камерону, он клацнул зубами и отхватил кончик камеронова носа. Камерон завопил, гниль его дыхания окатила физиономию Скиллета. Тот выплюнул откушенный кончик носа и всадил колено в пах Камерона Свобода!

Скиллет вскочил на ноги, задыхаясь, дрожа всем телом от возбуждения и пережитого ужаса.

Камерон поднялся сначала на руки и колени, потом с трудом встал.

— Глянь, что наделал, сука, — хрипел Камерон, нащупав рукоять торчащего из его спины ножа. Из глаз его текли слезы, смешиваясь с соплями и кровью из носа. — Только глянь…

— Так тебе и надо, дубина! Тебе и всем си льверовым подонкам.

— Смотри! — Камерон вытянул вперед руку, испачканную кровью. — Я ведь кровью истеку. Твоя работа, сука…

— Отличная работа! — крикнул Скиллет.

Камерон рухнул на колени, чуть не ткнулся лицом в землю, но смог удержаться, выставив вперед руки. Он поднял голову и уставился на Скилетта.

— Скотина!

Скиллет засмеялся, успокаиваясь. Он видел, что Камерону конец, поэтому храбрел на глазах.

— Что, спекся, скотина? — усмехнулся Скиллет. — А я-то боялся, что промазал — Он шагнул ближе, вплотную, и ударил босой ногой по физиономии поверженного врага — Получай, придурок! — Гордо выпрямившись, Скиллет обозрел скрючившуюся у его ног фигуру. — Отпрыгался…

Камерон потянулся к ноге Скиллета, как будто

пытаясь ее схватить. Скиллет засмеялся и отскочил. Камерон снова выкинул вперед руку. Скиллет засмеялся громче. Камерон опять… Черт! Не к ноге он тянулся.

— Чтоб тебя!.. — крикнул Скиллет. Он не заметил, что меж двумя камнями дожидался своего хода пистолет.

— Подарочек тебе, друг, — просипел Камерон, взводя курок. Он поднял оружие, но рука не слушалась, не могла осилить веса вовсе не тяжелого пистолета, ствол дрожал, клонясь к земле.

Скиллет отпрыгнул, раскинув руки для удержания равновесия, вправо, влево, ухмыльнулся.

— Давай, давай! — подбодрил он полумертвого врага. — Тебе и в грот-то не попасть.

— Ох, браток… — простонал Камерон, опуская руку. — Плох я.

— Ничего, Джимми, потерпи. Скоро хуже станет.

— Помоги, друг. Кончаюсь я.

— Так тебе и надо!

— Света не вижу, Фрэнки. Подойди ко мне.

Фрэнки подошел. Простоват был Фрэнки Скиллет, Попался на удочку. Не совсем еще ослаб Джимми Камерон, да и свет он пока что видел. Следующим высказался пистолет.

— БАНГ! — сказал он очень громко, проворно вздернутый Джимми Камероном, всего в трех футах от скиллетова пуза.

— Ха! — выдохнул Камерон. — Тебе теперь, небось, не лучше?

Скиллет не упал, но выстрел отбросил его на два шага. В ушах звенело, штаны тлели, ниже пупка чернела обуглившаяся дырка. Он сунул туда палец, взвыл в тоскливом ужасе, упал на спину, уселся, снова взвыл, заплакал, застонал, призывая мать, продавшую его, пятилетнего, пятнадцать годков назад щетинщику на Пудинг-лэйн. Деньги нужны были ей на выпивку.

Камерон устало ухмыльнулся и откинул пустой пистолет. Он глянул на товарища по команде, подумал, что не мешало бы докончить… Видит око, да зуб неймет. Не дотянуться. Скиллет сидел в двадцати футах, нянчась со свежей раной.

— Теперь готов и ты, придурок. Хана тебе.

— И тебе тоже.

— Ублюдок.

— От такого слышу.

Прошло некоторое время, гнев их утих, уступил место жалости к себе.

— Глоток водицы бы… — протянул Камерон.

— И мне бы…

— Наверху фляга…

— Я б сходил… — всхлипнул Скиллет.

— Я тоже.

Солнце опускалось, близилась ночь. Камерон заговорил снова.

— Слышь, Фрэнки… Зачем ты это, а?

— Что?

— Ножом…

— Кэп велел.

— За что?

— Ты человек Сильвера…

— Ну и что?

— Вы, суки, хотели все добро прибрать и оставить нас на «Морже» с носом.

— Чушь собачья! Никто на «Льве» об этаком не помышлял.

— Кто сказал?

— Я говорю. И любой скажет. И Долговязый Джон тоже.

— Хм… А кэп…

— Сука твой кэп! Я тебе скажу, кто вчера орал.

— Ну?

— Фрезер орал. Когда мы ставили рею. Фрезер.

— Брось…

— Фрезер! Этот сука Флинт его прикончил.

— Ну?..

— А кто еще? Не мы же.

— Ну, эти… там… из лесу.

— Бред собачий. Знаешь, что Фрезер мне сказал?

— Ну?

— Он сказал, что этот шум… Это Флинта фокусы. Это он выделывался ночью.

Снова смолкли. Вспоминали, что они слышали о Флинте. Хорошего-то ничего, собственно, и не слышали. Сознание туманилось, они слабели, стонали, раны ныли, жгли, и наступление темноты почему-то убеждало, что никаких таинственных ночных существ в лесах и в помине не было.

— Фрэнки…

— Ну…

— Чего это мы тут охраняли?

— А я знаю? Флинт сказал стеречь холм.

— А что, если он вернется?

— Дьявол! Что, если он хочет загрести все добро?

— Черт!

— Чтоб меня…

— Надо валить отсюда, парень. Он нас мигом прикончит, коль не уберемся.

Камерон и Скиллет начали спуск с холма Подзорная Труба. Ползком, конечно, как же еще.

Зубами скрипели от боли, помогали друг другу, как и положено братьям по доброму ремеслу, подбадривали, не давали обессилеть. Они даже попытались что-то сделать друг для друга. Скиллет вытащил нож из спины Камерона, а Камерон отрезал этим ножом штанину от брюк Скиллета, чтобы завязать дырку от пули.

Однако вытащенный нож лишь усилил кровотечение, а повязка со скиллетова брюха быстро сползла и потерялась от трения о землю.

Но все же спуск часто легче подъема, да еще и по козьей тропе, так что они покрыли добрую сотню ярдов до полной темноты и услышали, наконец, в отдалении бодрый голос приближающегося к ним человека, распевающего знакомую песню в такт уверенным шагам

Пятнадцать человек на сундук мертвеца!

Ио-хо-хо, и бутылка рома!

Удивительно, насколько этот голос приободрил Камерона и Скиллета. Нет, не ящерицы они, чтобы на брюхе ползать. Героическими усилиями, помогая друг другу, они поднялись на ноги. Держась друг за дружку и зажимая раны, они удвоили скорость, хотя теперь двигаться прихо-

дилось вверх по склону.

На удивление далеко удалось им уйти, прежде чем бодрый певец их догнал.

Глава 39

6 сентября 1752 года. Южная якорная стоянка. Борт «Льва». Две склянки предполуденной вахты (около девяти часов берегового времени)

Испанская пушка Израэля Хендса изготовилась к действию. Осталось только зарядить да запалить.

— Отличная работа, мистер пушкарь, — похвалил Сильвер. — Отличная работа, мистер боцман.

— Рад стараться, капитан! — ответил каждый из них.

Сильвер удовлетворенно кивнул и оглядел палубу «Льва», на всем пространстве которой, девяносто футов на двадцать, кипела бурная деятельность, лишенная всякого смысла. Концы сращивались и разъединялись, комингсы люков отдирали ломами с жутким скрипом и приколачивали обратно со страшным грохотом тяжелыми молотками. Плотницкая команда распиливала старые деревяги на дюймовые кубики, сея по ветру опилки. Спускали и поднимали топсели. На корме тренировалось отделение

мушкетеров. Они изображали приемы заряжания, целились в воздух и воодушевленно орали:

— Ба-бах!

Не было на свете более занятой команды по эту сторону ворот Бедлама.

— Все путем, разрази меня гром, — проворчал Сильвер, — Пусть хоть сам царь Соломон попытается найти иголку смысла в этом стоге сена. Хоть он там и отличил цветы настоящие от искусственных при помощи пчел.

Сильвер прогрохотал со своим костылем к борту, вытащил подзорную трубу и уставился в сторону «Моржа».

— Этим обалдуям, должно быть, наш цирк уже приелся, — сказал боцман, одарив Израэля Хендса ободряющим толчком под ребра. Хендс ухмыльнулся и ответил тем же.

— Должно быть, так, мистер Сойер, — подтвердил Сильвер. — Вряд ли кто сюда и смотрит. — Он еще раз обозрел бесполезную активность своей команды. — А теперь, ребята, принимайтесь за настоящую работу, которая не показухи ради и о которой на «Морже» знать ни к чему.

Сильвер всегда склонен был командовать, поручая работу и не мешая ее выполнять. Он научился этому, наблюдая, как руководят людь-

ми Ингленд и Мейсон, но, главным образом, и сам чуял «нутром», что такой стиль дает хорошие результаты. Человеку лучше работается без надсмотрщиков. Надо только правильно людей подбирать. Сильвер знал, что Сарни Сойер добрый боцман, а Израэль Хендс добрый пушкарь.

А что до небольшой ошибки Израэля Хендса с испанской пушкой, ошибки, о которой он не любит вспоминать… Что ж, эта ошибка могла бы и судно спасти… Коли бы до драки дошло. Джон Сильвер думал и об этом. Он вообще много о чем размышлял. А сейчас хотел проверить, все ли толком сделано.

— Мистер боцман, идите первым.

— Есть, капитан.

Следуя за Сойером, Джон Сильвер и Израэль Хендс прошли по палубе, забитой работающими матросами. Люди приветствовали капитана и уступали дорогу весело и дружелюбно — обстоятельство для капитана весьма приятное, особенно если знаешь, что бок о бок с этими людьми придется драться с более сильным судном.

Сойер провел их на нос, где через клюзы проходили два якорных троса — прочные трехпрядные пеньковые тросы, каждый в своем направлении, один в левый борт, другой в правый. Каждый

шестидесяти сажен длиной и тянется к кольцу якоря, лежащего на дне.

Вместе тросы дают «Льву» устойчивость к действию приливов и отливов, весьма сильных в Южной бухте. С одним якорем судно болталось бы маятником, скреблось бы тросом по дну и протирало бы его с каждым приливом и отливом.

— Вот, капитан, — показал Сойер на канаты. — Мы завели один через передний пушечный порт левого борта и на кабестан. — Он показал на приземистый деревянный барабан, — И так же точно по правому борту. И теперь, как бы ветер и прилив ни крутили, мы всегда можем повернуть посудину туда, откуда грозит опасность.

— Отлично, мистер боцман — Задача была не из сложных, но Сойер в боцманах не так давно, и ему нужно знать, что капитан проверит и поддержит. — А «пастор» Смит последовал нашему примеру?

— Куда там, капитан! — Сойер покосился на «Моржа». — Как я видел в трубу, старый «пастор» все больше глоткой работает, орет на команду. Да эта крыса сухопутная свою задницу в зеркале не отыщет.

— И то верно, — согласился Сильвер. — А теперь, мистер Хендс, посмотрим, как наша ис-

панская синьора поживает. И почему ее квартира здесь. — Сильвер показал на второй пушечный порт в правом борту, в середине палубы, где испанская пушка выделялась среди остальных пушек, как мастифф среди спаниелей. По крайней мере, выделялась бы, если бы ее не затянули брезентом подальше от чужих глаз.

— Есть, капитан! — сказал Израэль Хендс и начал разъяснения: — В открытом море, с Флинтом на борту, «Морж» зашел бы с носа, а то и с кормы… скорей всего, с кормы.

— Точно! — кивнул Сильвер. Корма — слабое место любого судна. Там сплошь стекло вместо дуба. — Значит, следовало поставить испанку на корму?

— Не-е, капитан, потому что тогда был бы один мой выстрел на их семь, мои десять фунтов против их сорока двух. Нет!.. Прошу прощения, но стряхнуть «Морж» с кормы — твоя забота, капитан. «Лев» наш — зверь быстрый, куда прытче «Моржа», но зад нам подставлять никак нельзя.

— Точно, мистер Хендс, твоя правда… почему тогда не поставить пушку на носу, там-то дерева хватает, и нос бы я на него навел запросто.

Израэль Хендс моргнул, вздохнул и закусил губу…

— Нет, капитан. Никак нельзя. Места на носу нету никакого, и это верно, как в Библии.

— Точно, мистер Хендс, нет там, на носу, места, И забудем о носе. А вот почему она здесь стоит, на бимсе?

Израэль Хендс заулыбался.

— Перво-наперво, капитан, мы не в море. И Флинта на судне нету, и никакого маневра здесь даже и Флинт бы не умудрил, в бухте-то. Так что может случиться дальний огонь, стволы задравши, или ближний — по абордажным лодкам. И четырехфунтовки насеют им шрапнели да картечи, а длинная пушка корпус проткнет.

— Точно! — грохнул хор голосов. Команда внимательно слушала разъяснения Израэля Хендса. Работа или нет, береговые братья не матросы короля Георга, и каждый из них свободная личность, которой интересно то, что означает его жизнь или смерть

— Отлично, мистер Хендс. И заряд ты, конечно, выбрал.

— Точно, капитан. Вот, здесь. — Он показал на вынесенный из трюма ящик, стоявший рядом с испанской пушкой. — Доны-то не такие лопухи в литейном деле, как у нас в Англии любят о них приврать. Я просмотрел весь их запас и

отбраковал никак не больше, чем каждое пятое. Кругленькие, как попка младенца, гладкие, как титька молочницы. — Он глянул в сторону «Моржа». — И скажу я, не сходя с места, что, коль дойдет до того, здесь, на якоре, без всякого рысканья и с доброй командой… засажу я ему по самое то, и может он свои шестифунтовки сунуть себе в задницу!

— Ур-р-ра-а-а! — заорала команда, и нашлось много желающих похлопать Израэля Хендса по плечу.

Сильвер выждал, пока все успокоятся.

— Отлично, мистер Хендс. Отлично, мистер Сойер.

Сильвер замолчал, оглядел команду, заговорил снова.

— Бот еще что, ребята. Есть среди вас кто-нибудь, кто сомневается, что Флинт нас всех надул?

— НЕ-Е-ЕТ!

— Ну, а эти, там, — Сильвер махнул рукой в сторону «Моржа». — Они ведь не все подонки Флинта подноготные. И не все дураки. Иные и задумывались. Флинт уж четыре дня на берегу. Четыре дня ушло у него на работу, для которой и двух много. И те, на «Морже», слышали ту же пальбу, что и мы, и те же вопли слышали, и все,

что у них теперь есть, это «пастор» Смит.

Матросы посмеялись, почесали затылки.

— Капитан, — сказал Израэль Хендс. — Ты к чему клонишь… Да что нам о них думать? Мы можем их в труху разнести. Можем потопить. Чего нам об них голову ломать-то?

Сильвер помотал головой.

— Слушайте, ребята. Мы когда-то были с ними товарищами, один за всех. Дрались вместе, выпивали вместе.

— Долговязый Джон! — взмолился Хендс, сразу понявший, чего добивается Сильвер. — Не надо…

— Перед тем, как дойдет до драки, надо дать им шанс, — продолжал Сильвер. — Мы подписали Артикулы. Мы все их подписали, мы и они. И не голосовали за их отмену.

Команда молчала.

— Джон, Джон… — умолял Хендс.

— Я возьму лодку, — гнул свое Сильвер, — отправлюсь к ним. И перед тем как выбить друг другу мозги, попытаюсь… Я дам им шанс снова стать нашими товарищами.

— Это черная девица тебя тянет, Джон, — прошептал Израэль Хендс так, чтобы никто более не слышал, держа Сильвера за руку, — Не хочешь, чтобы ее задело в бою?

— В задницу девицу! — возмутился Сильвер. — С девицей покончено. Я об Артикулах беспокоюсь потому что если мы их нарушим, то кто мы такие? Тогда мы воры, бандиты и пираты.

Глава 40

6 сентября 1752 года. Южная якорная стоянка. Борт «Моржи». Четыре склянки предполуденной вахты (около десяти часов берегового времени)

Смит, бывший пастор и начинающий штурман, уже висел над бездной. Смерть его, весьма немилосердная и неприятная, дышала ему в затылок, но он этого пока не почувствовал. Не видел он и множества рук, потянувшихся к ножам. Слух его, однако, воспринял угрожающее жужжание, состоявшее сплошь из неуставных и весьма непочтительных выражений.

— Пшёл на…

— Сгинь, с-с-сука!

— Отдай черную бль-ь-ь…

— Флинта нет, теперь наша очередь!

— И тебе оставим ляжку, коли будешь паинькой! — развеселил негодяев какой-то доморощенный остряк.

Смит гневно топнул. Вздернул подбородок. Шагнул к ограждению квартердека, схватился за него обеими руками и принял позу невинно

оскорбленного благородства.

Не впервой ему это было. В точности так же вел он себя в Англии, когда его обвиняли. И до поры до времени у Смита получалось выходить сухим из воды главным образом потому, что он обладал способностью верить своему вранью. Он мог убедительно обвинить шестнадцатилетнюю девицу в бесстыдном разврате. И сам себе верил, хотя помнил и ужас, испытанный ею, когда его рука впервые влезла к ней под юбку.

Пастор Смит был на это способен, потому что лицемерие его было не из обычных. Лицемерием он обладал линейным, трех палубным, многопушечным, с окованным медными листами дном. И с отборной командой на борту. Хотя так и остался крысой сухопутной.

Еще обладал Пастор Смит громовым голосом.

— Стоять, бесстыжие собаки! — проорал он.

Мачты дрогнули от его вопля. Отлично получилось. И команда замерла. Все они прошли школу Билли Бонса и инстинктивно связывали такого рода рык с тяжелыми кулаками.

— Молчать, на палубе! — зыкнул снова приободрившийся Смит и чуть все не испортил. Зря он палубу помянул. Слово-то верное, но пасть не та. Морское слово не к лицу жирному пастору. К

счастью Смита, моряков это рассмешило. Раздался гомерический гогот.

— Пентюх! Га-га-га!

— Боров! Гы-гы-гы!

— Фермер! Ох-хо-ха-ха-ха!

— Па-а-а-астор-р-р-р!

— Пастор, пастор, хошь пиастр?

Тут уж не до ножей. Вместо рукоятей моряки схватились за животики и размазывали кулаками слезы по грязным физиономиям. Наржавшись вволю, они приступили к восстановлению дыхания.

Смит воспользовался паузой и приступил к проповеди, к евангелию по Флинту, Он возгласил слово Флинта, волю его и заповеди, призвал к благоговению пред именем его и пригрозил ужасным гневом его в неотвратимый день его; возвращения… И воздастся грешникам по делам их!

Для пастора Смита это была повседневная бодяга, но у наивных бандитов и убийц холодок прошел по загривкам и спустился к задницам. Ибо они поняли мозгами своими куриными, что каждое слово проповедника — истина. И истина эта сразила их, бедных. Когда Смит отгремел, он увидел перед собой стадо мирных овечек.

Без сомнения, столь сильными проповедями Смит за всю жизнь паству не одаривал. И не мудрено, ибо сельские прихожане Смита никогда Бога не видывали, не ожидали встретить Его и в церкви в воскресенье, Флинтовы же цыплятки изведали гнев Его на собственных шкурах и знали, что Он может воплотиться с кроткой улыбочкой и безмерной подлостью в душе.

Пираты содрогнулись, католики перекрестились.

После проповеди исполняющий обязанности первого помощника «пастор» Смит благословил свою паству, направив их по делам, каковые на судне в данной ситуации сводились к обмену впечатлениями и жеванию табака. Но, во всяком случае, гроза миновала.

«Ф-фу! Слава Господу, избавился», — Смит почувствовал облегчение и эйфорию, он гордился собой больше, чем когда Флинт вознес его до чина первого помощника. Смит прошелся павлином взад-вперед, вытащил трубу, осмотрел берег и перевел трубу на «Льва», где экипаж занимался черт знает чем, но на берег, похоже, не собирался, так что причин для беспокойства пока не наблюдалось. Затем в голове его возникла новая мысль. Конечно, он только что грозил этим мужланам

местью Флинта. Он мог бы порассуждать и над тем, в какие формы способна вылиться месть Флинта. Капитан вполне мог проявить недовольство тем, что некоторые договоренности выполнены чуть раньше. Но Флинт-то еще не вернулся… А вдруг он вообще не вернется? Шаловливая фантазия разыгралась.

Смит повернулся, спустился в люк, подошел к каюте Флинта, где с мушкетоном в руках трясся мистер Коудрей — и вовсе не от ужаса.

— Слава богу! — воскликнул Коудрей. — У меня сейчас пузырь лопнет! Нате! — Он сунул свой самопал в руки Смиту и понесся в лазарет, к комфортному оловянному горшку. — Молодец, «пастор»! — крикнул он на бегу. — Каждое слово слышал, здорово, ей богу! — И был таков.

«Пастор» Смит остался один в полутьме перед дверью Флинтова салона. Ткнулся в филенку — заперто.

— Кто там?

«Пастор» облизнулся.

— Это я, моя дорогая, — елейно пропел он.

— Уходите!

Смит улыбнулся и вынул запасной ключ. Флинт доверил ему ключ в залог грядущего. Смит вставил ключ в замочную скважину, отпер, вошел и

закрыл дверь.

— Ф-фу! — Ну и жарища тут, внизу! На Селене была лишь рубашка. Шея и ноги ниже колен открыты. На Смите каждый волосок зашевелился.

— Ай-я-яй, ай-я-яй! — Он снял шляпу, сюртук.

— Чего вам? — спросила, она, прекрасно понимая, что ему надо. Они начали маневрировать вокруг стола. Смиту это быстро надоело.

— Слишком жарко для таких игр! — Он засмеялся, вытащил стул и уселся, глядя на нее. — Выучила ли ты катехизис, дорогая? — Смит Снова рассмеялся своему остроумию. Так всегда начинались контакты с ученицами в Англии, в добрые старые времена. Смит вытер лоб и глаза рукавом рубашки, облизнулся, снова встал. Он в одну сторону — она в другую. Да уж, слишком быстра.

Смит хмыкнул, хрюкнул, издав мелкий смешок. Он, собственно, пока и не очень спешил, ее поймать. Наслаждался тем, что видел. Черное тело в белой флинтовой рубашке подсвечивалось сзади, просто загляденье. Изгибы, переливы, колыхания… Божественно! А как бюст прыгает при движении!

Смит еще раз засмеялся и посерьезнел. Он уселся, откашлялся и не спеша приступил к делу.

— Итак, дорогая моя, должен тебе, сообщить,

что мы с капитаном Флинтом обсудили твое будущее.

— Что? Впервые слышу.

— Естественно. — Смит излучал уверенность авторитета, всегда знающего, как следует поступать другим и что для их блага требуется. — Но тебе приятно будет услышать, что пора твоей неудовлетворенности миновала. Я счастлив сообщить, что твои жизненные потребности не останутся более ненасыщенными. — Смит медленно провел языком по губам. — Тебе будут оказаны все услуги, столь необходимые женщине твоей расы.

— Что-то я не пойму, какого дьявола тебе от меня надо.

Как только Смит все разъяснил, в то же мгновение с ее стороны полетели в него всевозможные предметы разной величины и разной степени твердости, не прибитые гвоздями и не закрепленные каким-либо ИНЫМ способом.

Трах! Бах! Бух!

— Сучка! Дрянь! Рвань!

Разозленный Смит выскочил из-за стола и понесся за ней, выкрикивая угрозы. Селена побежала от него, зацепилась об опрокинутый стул и рухнула, Смит упал на нее, ощутил под

собой дразнящее трепыхание, рванул рубаху и узрел нечто еще более соблазнительное… Однако засмотрелся. В физиономию Смита врезалась пятка, как большая королевская печать. В голове его раздался гул, как будто грохнул колокол на церкви его прихода. Смит даже не видел, куда бы ей, мерзавке, за такое поведение вмазать, глаза застлала пелена слез.

— Чтоб ты сдохла, сучка черномазая!

— Издохни сам!

Смит кое-как поднялся, утер нос выбившейся из штанов рубахой. Жара стояла страшная, он устал, запыхался. Годы-то уже не те… Похоть отступила, оголившийся фронт защищало лишь лицемерие. Смит прокашлялся и принял позу оскорбленной невинности.

— Такова благодарность за мое стремление оказать посильную ПОМОЩЬ:

— Вот я Флинту расскажу, он тебе окажет помощь.

Смит струхнул.

— Не вижу смысла беспокоить капитана из-за столь мелкого недоразумения.

— Не видишь?

— Э-э… Не вижу.

Она ухмыльнулась, Смит надулся, опустил гла-

за. А то он не понимал, что безумием было с его стороны пытаться наложить лапу на оговоренное имущество до срока, без разрешения Флинта. Но не смог сдержаться, Нестерпимую тягу испытывал он ко всему женскому, любого возраста, даже нежного детского. Смит застонал.

— «Пастор»! — раздался грубый голос снаружи.

Бум! Бум! Бум! — грохнул в дверь увесистый кулак.

— «Пастор», твою мать! Лодка со «Льва». Сильвер!

Глава 41

7 сентября 1752 года. Остров. Холм Подзорная Труба. Ночь.

Флинт озадачился. Попугай вернулся. Летел, как будто сова, только орал он не по-совиному.

Флинт привык к периодическим отлучкам попугая. С его ли наблюдательностью это не заметить и не понять! Что ж, у каждого свои маленькие странности, у людей, у попугаев… Но в этот раз что-то не так. Обычно птица взлетала на рею, которую здесь, на острове, с успехом заменяла ветка какой-нибудь сосны. Флинт вгляделся во тьму. Трещали кузнечики, грохотал прибой, мерцали звезды… А вот и он, снова злющий, как мстительная фурия из античных мифов.

Налетает и налетает, паскудник, вопя и щелкая клювом. А с чего? Всего-то Флинт разобрался со Скиллетом и Камероном. Пощекотал их кончиком сабли, этак на дюйм втыкал, не глубже, погонял лентяев, чтобы заставить побегать. Ну, поныли они, один мамочку вспомнил… Флинт уже запамятовал, который именно. А второй выбрал занятие поинтереснее, стал клясть Флинта

на чем свет стоит. Камерону вдруг вздумалось самому копыта откинуть, как раз когда Флинт со смехом разъяснял Скиллету, что ему приглянулись камероновы уши и что он, Флинт, их себе на память отрежет, прежде чем Камерона на тот свет проводить.

С ушей все и началось. Затихли Скиллет и Камерон, попугай вернулся на Флинтово плечо. И тогда он попытался, ничего дурного в виду не имея, накормить попугая камероновым ухом. Да какой там накормить, только попробовать дал! С этого уха птица, должно быть, и тронулась умом. Бешеными оказались уши у Камерона.

— И-и-и-и-ки-ки-ки-ки-ки!..

Вот он, опять орет, летит и в глаз метит. Гад, как бровь рассадил! Флинт разнервничался. Конечно, можно его и саблей… Или из пистолета. Но птица — его товарищ. Попугай нужен Флинту живым, а не чучелом.

— И-и-и-и-ки-ки-ки-ки-ки!..

Опять! Ой! Вот скотина! Флинт не выдержал, понесся прочь, закрывая голову руками. Вниз по козьей тропе, в лес, где попугаю не разгуляться.

А в лесу стояла непроглядная тьма, ни зги не видать. Звезды сверху остались, над древесными кронами. Душная, вонючая тьма тропического

леса, где все гниет и все питается гнилью, от гигантских деревьев до всякой ползучей дряни: личинок, букашек, сороконожек, тысяченожек, слизняков и пауков разного размера, иные и с ладонь попадаются. Гнусное место. Наконец-то нашел Джо Флинт ночлег столь же мерзостный, как и сточная яма его собственного разума.

Ничего, вполне сносный ночлег. И никуда от него не денешься. Вглубь, в джунгли двигаться невозможно, пути не видать, а обратно ненамного светлее, да и этот летучий дьявол не пускает. Флинт поморщился, сел под деревом, привалился к стволу спиной, положил на колени саблю и пистолеты и велел себе спать, успокоив себя тем, что леопардов да пантер на острове не водится… Он не встречал, во всяком случае… А змей Флинт не боялся. В дневное время.

Уже засыпая, он услышал над собой хлопанье крыльев. Попугай тоже устроился на ночь неподалеку. Последняя мысль его весьма утешила: по крайней мере, рядом друг.

Глава 42

6 сентября 1752 года. Южняя якорная стоянки, Борт «Моржи». Семь склянок предполуденнои вахты (около половины двенадцатого берегового времени)

Конечно, где бы тягаться «пастору» Смиту с Сильвером, если бы Долговязый Джон стоял с ним рядом на палубе! Но Сильвер сидел на банке жалкого ялика, команда «Моржа» глядела на него сверху вниз, а «пастор» Смит величественно вышагивал по палубе.

Как и раньше Билли Бонс, Смит восхищался даром предвидения Флинта. Капитан предупреждал, что Сильвер может попытаться совратить команду «Моржа» и приказал ни при каких обстоятельствах не допускать Долговязого Джона на борт.

— Как только он ступит на палубу — пропал ты, мистер Смит! Команда за ним пойдет. Он на голову выше тебя как физически, так и умственно. — Флинт чуть помолчал и добавил: — И духовно.

И когда Сильвер подошел к «Моржу» на ялике

с шестеркой гребцов, Смит наотрез оказался дать разрешение, сославшись на клятву, данную на Артикулах.

— Нет, сэр. Мы поклялись, сэр!

— Я не из-за этого захоронения вовсе.

— А для чего же еще, сэр?

— Хочу потолковать об этом засранце Флинте!

— Во-во! Сам себя выдал!

— Чушь собачья! — разозлился Сильвер и обратился к команде; — Ребята, вы меня знаете?

Прилипшие к фальшборту матросы зашевелились. Да кто ж не знает Долговязого Джона! Все его знали. Все были в курсе, что он за береговое братство, за равные доли для всех. Он товарища не бросит — даже такую паскуду, как Слепой Пью. Болтать-то об этом все мастера, но Сильвер в это верит и этим живет. Знали они Сильвера, знали и Флинта. И «пастор» Смит испуганно заморгал.

— Не слушайте его! — завопил он.

— Да пошел ты!.. — гаркнул кто-то.

— Заткнись!

— Давай, Долговязый Джон!

— Говори, капитан!

Капитан! Они его назвали… капитаном! «Пастор» Смит похолодел.

— Я вам хоть раз соврал? — продолжил допрос

Сильвер. — Вилял когда-нибудь? Кто-нибудь может такое припомнить?

— Ни в жись, Долговязый Джон!

— Никогда!

— НИКОГДА!!!

Долговязый Джон и из лодки справился бы. Он убедил бы их, еще несколько слов — и он вырвал бы их из хватки Флинта. Но удача отвернулась от Сильвера. Воодушевленный успехом, он вскочил, ялик вильнул, и одноногий рухнул на руки своих гребцов.

Смешно? Еще как. Они и заржали. «Пастор» схватил со стойки ядро и запустил его в ялик.

— Вон! — заорал он. — Не сметь приближаться!

Конечно, он промазал и побежал за вторым. Нашлись еще любители пошвырять по цели, позабавиться, добить упавшего, а как же без этого…

Ядра зашлепали по воде, иные падали рядом с лодкой, брызгали на гребцов. Те выглядели дураками, смех с «Моржа» гремел все громче.

— Стойте, идиоты! — вопил разозленный Сильвер. — Слушайте меня, кретины!

Но момент был упущен. Сидевший загребным Израэль Хендс велел отваливать подальше. Он не хотел, чтобы ядро пробило дно. Течение про-

волокло ялик мимо борта «Моржа», и тут они услышали голос:

— Долговязый Джон! Долговязый Джон! Забери меня отсюда! — Держась за раму, Селена вывесилась наружу и махала платком..

— Селена! — крикнул Сильвер — Мистер Хендс, давай под корму!

— Нельзя, капитан! Потопят.

И потопили бы. «Пастор» Смит овладел ситуацией, поминая слово и волю Флинта. На корму «Моржа» уже набежала толпа с ядрами в руках. Те же люди, которые только что готовы были следовать за Сильвером, выкрикивали в его адрес оскорбления.

— Тогда давай поближе, не подходя вплотную.

— Есть, капитан! Эй, живоглоты! — заорал Израэль Хендс гребцам. — Правая вперед, левая назад!

Ялик развернулся на месте и рванулся к корме судна…

— Навались! — заорал Сильвер, подруливая поближе, пока ядро не плюхнулось в воду на расстоянии вытянутого весла.

— Селена, плавать умеешь?

— Да!

— Плыви к нам! Прыгай и плыви!

— Эй! — заорал «пастор» Смит. — Он хочет спереть девицу!

Команда ответила свирепым рыком.

— Фитиль! — заорал Пастор, срывая брезент с кормовой вертлюжной пушки. — Вы, там! — он махнул в сторону второй такой же пушки. — Живо, вторую к бою!

Мгновенно две двухфунтовых пушки уставились на Сильвера и его лодку. Дистанция двадцать пять ярдов, каждая пушчонка набита картечью.

Пастор с дымящимся фитилем в руке пригнулся к пушке.

— Убирайся, Сильвер! Не то отправишься в ад! — заорал он снова.

— Джон! — кричала Селена. — Помоги!

— Не могу, милая, — вздохнул Сильвер. — Назад, Израэль.

Ялик направился ко «Льву». Сильвер смотрел в сторону «Моржа», пока можно было разобрать маленькую фигурку негритянки. Потом отвернулся.

— Что ж, ребята. Теперь все решат горячий свинец и холодная сталь.

Глава 43

8 сентября года. Южная якорная стоянка. Борт «Моржа». Одна склянка послеполуденной вахты (около половины первого берегового времени)

На целых полтора дня «пастор» Смит и думать забыл о женском теле.

Он оказался способен на такой подвиг, ибо стал теперь отличным моряком и обстрелянным боевым офицером. Во всяком случае, в своих собственных глазах. С одной стороны, после триумфа над Сильвером команда относилась к Смиту если и не с уважением, то хотя бы без презрения, которое ранее приходилось скрывать из страха перед Флинтом. С другой стороны, «пастор» получал возвышенное наслаждение от математических упражнений, постоянно практикуясь в вычислении широты и долготы.

Посему мистер Смит расхаживал с гордым видом, воображая себя человеком действия, крутым парнем, джентльменом удачи. Он видел себя вернувшимся с огромным состоянием в цивилизацию. Кто помешает ему предпринять

какое-нибудь честное и прибыльное морское путешествие, стать собственником сначала большого судна, а потом и большой плантации в Ист-Индии, королем коммерции, набобом-миллионером!

Вот этот восточный маршрут и пустил его помыслы по привычной греховной стезе. Ибо Ист-Индия навевает экзотические видения, восточную изнеженность, гаремы, набитые напомаженными наложницами. Волей-неволей умишко мистера Смита скользнуло по трапу к корме, где взаперти во флинтовом салоне маялась сочная негритяночка. А этот мерзавец Коудрей все таскает ей туда еду, чтобы она носа не казала наружу. Для себя бережет, паскуда.

Снова накатила на мистера Смита похоть, затмевая страх перед Флинтом. И дождавшись, пока команду одолеет полуденная жара, мистер Смит пополз к корме. Даже башмаки скинул, чтобы шума не поднимать. Шляпу и сюртук — тоже. Он подобрался к двери, вставил ключ. Тихо, не спеша… Щелк! Нежно открыл дверь и скользнул внутрь. Огляделся. Гм. Сильно удивился. Засомневался. Где же она? Куда подевалась? Мебель на месте. Пастор Смит шагнул вперед — и увидел. И мгновенно груз в штанах его потяжелел.

Голая! Она спала без одежды. Роскошная, блестящая, изумляющая… а-ах! Селена спала на широком капитанском диване. За чертовой мебелью, за столом и стульями. Пастор скрипнул зубами. Напрягся, сдерживаясь…

— У-У-У-У-У-УХ!

Нет, не донес.

— Убирайся! Вон отсюда! — крикнула Селена, разбуженная его стоном. Она сначала уселась, затем пригнулась и нырнула за чем-то. «Пастор» не разобрал, за чем именно…

— Ба! — воскликнул «пастор» Смит, опускаясь в кресло и вытирая обслюнявленный рот рубахой. Сюрприз оказался не из приятных. Смит увидел две черные дырочки — дула двух тяжелых пистолетов. На мгновение он даже забыл о голой негритянке, которая эти пистолеты держала.

«Пастор» упрекнул себя за непроходимую глупость. Ведь флинтовы покои сплошь декорированы этим добром. Надо было сообразить. Он посидел, лихорадочно думая, что теперь делать. Селена откинулась к оконной раме, вытянув вперед руки с оружием. Руки ее тряслись. «Очевидно, к такой тяжести эта цаца не привыкла», — подумал Смит.

— Убирайся! Или пристрелю.

«Пастор» ухмыльнулся и помотал головой.

— Сомневаюсь, дорогая. Потому что тогда сбежится сюда вся команда. И кто тебя защитит? — он рассмеялся.

Первый испуг прошел, «пастор» пригляделся к пистолетам. Один даже не взведен, замок болтается. Другой взведен не полностью. Хотя в тени не очень хорошо видно. Он улыбнулся. Вот балда! Она, конечно, видела, за какой конец оружие держат, но и только. Так что ему ничто не угрожает. Надо просто подождать, пока перезарядится его собственное оружие, и тогда он возьмет ее на ручки, как девочек-прихожанок в давние времена… А потом перевернет… А потом… «Пастор» зажмурился. Аппетит у него немалый, обычная норма — три-четыре раза за сеанс. Он ухмыльнулся.

— Пораскиньте умишком, дражайшая. Возможно, вы предпочтете мое нежное обхождение зверству семидесяти бандитов? Я рекомендовал бы вообще не шуметь, не говоря уже о пальбе.

Но она не внимала голосу разума.

— Ублюдок! — крикнула она и нажала на оба спусковых крючка одновременно. Как «пастор» правильно заметил, один курок не был взведен, поэтому Смит и не шевельнулся, Но другой оказался полностью взведенным и выплюнул

сноп искр, заставив мочевой пузырь «пастора» выпустить в штаны некоторое количество жидкости. Экий кисель образовался в трюме доброго Смита!

— Сука! — гаркнул он и прыгнул вперед, на широкий стол, чтобы вырвать у нее из рук оружие. Но она вцепилась прочно, держаться за рукояти ей было удобнее, чем ему за стволы. «Пастор», свалившийся пузом на стол, потерял опору под ногами, так что после короткой возни она выдернула оба пистолета, а одним из них еще и засветила Смиту по лбу.

— У-у-у! — взвыл «пастор», отскочил, чтобы не дождаться второго ствола, и схватился за окровавленный лоб. — Я тебе всю шкуру с задницы спущу! Сдохнешь под кнутом! — А что, подумал он, тоже неплохая забава. Расширяет кругозор, так сказать… Он огляделся, выискивая что-нибудь подходящее для этого высокоэстетичного времяпрепровождения. Но Селена его не слушала. Голая негритянка тряслась, спешно откусывая конец патрона, чтобы зарядить пистолет.

«Пастор» забыл про кисель в штанах и развеселился. Эта процедура ей и понаслышке неведома. О пуле она и не думала. Пуля была закатана в конец патрона, но эта дура даже не знала, что она

там находится.

И пуля полетела в сторону с опустевшей обертки. Да, много вреда принесет такой выстрел…

«Пастор» встал и отряхнулся. Селена вцепилась в шомпол, уронила его, подняла, снова уронила. Схватила другой патрон, разорвала, рассыпала порох по столу и по стволу, по рукояти. Потянулась за третьим. Как плохой кок, посыпающий мукой кособокий пирог.

Конечно же, Пастор оказался прав в своих предположениях. Селена не имела представления о том, как заряжать пистолет. Откуда бы ей это знать? Рабов на плантациях не обучают пользоваться оружием. Как стреляет пистолет, она видела лишь однажды, когда в пивнушке Чарли Нила Флинт удовлетворил Этти Болджера, Да ее и не интересовало оружие, она никогда не просила показать, как это делается. А когда команда «Моржа» «работала», она сидела внизу.

Селена слышала, конечно, что такое порох, кремень, курок… Вот и пыталась на ходу сообразить, что к чему.

— Селена, дражайшая, я был о вас лучшего мнения, — вкрадчиво завел «пастор», подкрадываясь к ней поближе. — Вы меня разочаровали, обратившись к Сильверу. Он конченый тип,

уверяю вас.

— Он в сто раз лучше тебя!

— Если бы вы прыгнули, течение снесло бы вас. Здесь очень сильное течение.

. — Заткнись!

Селена завершила сложную процедуру. Она вскинула пистолет и направила его в лицо «пастора» Смита.

— Стреляю!

— Чем, дорогая? Стреляют пулей, а пули у вас нет. И полка без пороха.

— Убью!!!

«Пастор» мрачно ухмыльнулся. Снял очки.

— Слушай, хватит нести чушь. Я тебя сейчас выпорю, а потом оттрахаю, а ты будешь паинькой, если не хочешь, чтобы тебя рыбки кушали. Поняла?

Она нажала на спуск. Ничего.

— Надо взвести вот это. — «Пастор» протянул палец и коснулся кремня. Она смачно щелкнула кремнем.

— А вот эту хреновинку надо притянуть к этой фиговинке, — учил Смит, указав на огниво.

Еще панический щелчок.

— Ну, а теперь пали на здоровье. — И Смит коснулся потным носом дула пистолета.

Щелк! Кремень выдал положенные искры, но выстрела не последовало.

— А-яй! — «пастора» понесло. Бравируя, лихой воин захватил зубами дуло пистолета, а правой ладонью сжал левую грудь Селены. О-о-о-о! Как будто гальванические силы пронзили его руку, мгновенно добежав до штанов и зарядив его лучшего друга электрической энергией.

Щелк! Щелк, щелк, щелк! Селена отводила курок и безрезультатно нажимала на спуск.

«Пастора» распирало блаженство. Он сжал и вторую грудь. Ах, добрые старые времена!

Щелк! Щелк! Щелк! И ничего. Ведь замок нуждается в доброй щепотке пороха на полке, чтобы поймать искры от кресала и послать вспышку через крохотную затравочную дырочку к главному заряду, который и отправляет пулю по назначению. Но ни требуемой щепотки, ни пули не было в пистолете Селены.

Однако пороху-то Селена не пожалела. Добрая часть трех патронов попала-таки в казенную часть ствола, где и скопилась кучей. Смит же своим несерьезным поведением, тряся ствол, когда болтал да содрогался от смеха, помог нескольким крупинкам вывалиться из затравочного отверстия на полку, где они, эти крупинки, и поймали

искры, когда Селена очередной раз нажала на спуск.

Щелк! — прозвучал курок. Клик! — раздался кремень. Вжжж! — полетели искры. Вуфф! — крупинки; И — БУММ!!! — порох в стволе.

А пороха там было столько, что и пуля не нужна.

Физиономия Смита распахнулась, как кочан капусты. Кровь, разнесенные в мелкие клочки язык и щеки разбрызгались по каюте, поток раскаленных пороховых газов рванулся внутрь, круша трахею, бронхи и легкие, пищевод и желудок, мозг и уши. Из ушей, носа и жуткой каверны, образовавшейся на месте рта, повалил дым. Шипело жареное мясо пасторовой головы.

Но он не упал. Качаясь, Смит поднял скрюченные пальцы к тому, что только что было лицом. Глаза его вылезли из орбит. Месиво, в которое превратились легкие, извергло фонтан крови и слизи в попытке заставить отсутствующие голосовые связки издать крик. После этого он рухнул на спину, судорожно дергаясь, извиваясь, пенясь и булькая. На ногах он продержался лишь несколько секунд, но и это было чудом.

Селену от этого зрелища вырвало. Она отползла в угол, подальше от колотящего по палубе пят-

ками и локтями Смита. Долго он умирал, долго и тяжко. Шума все описанное происшествие произвело столько, что нашлись желающие поинтересоваться, что же там, на корме случилось.

— «Пастор»! Кто палил? — В дверь стучали кулаками и сапогами. — Селена! Какого хрена! «Пастор» у тебя?

— Тащи лом, ломай люк, — пророкотал другой голос. — Или она его порешила, или он ее. Давай, живей!

Когда от двери посыпались щепки, Селена сделала то, что она хотела сделать, когда Долговязый Джон звал ее в лодку. Она прыгнула в воду и поплыла.

Глава 44

8 сентября 1752 года. Остров. Буксирная Голова. День.

— Книга мученичества Фокса! — чуть не пропел Флинт, наставительно задрав указательный палец к небесам. — Бот достойный друг моей юности, постоянный товарищ и советчик мой. — Он мечтательно вздохнул и тряхнул головой. — Подарена мне достойнейшим батюшкой на тринадцатилетие. Б этом возрасте, согласно Моисееву закону, мальчик становится мужем, а книга, мною помянутая, если верить моему паскудному батюшке, являет собою непоколебимый бастион славной нашей веры протестантской и сияющий меч в борьбе с антихристом, епископом римским. — Флинт повернулся к аудитории: — Подлинные слова этого козла, моего папаши. Что скажете на это, ребята?

— М-м, — ответили ребята.

Флинт вздохнул и запечалился, вспоминая о доброй старой книге.

— Лондонское издание 1701 года. Б двух томах инфолио, с сотнями ксилографий. Прекрасные

иллюстрации, детальнейшие, проработанные. Что скажете?

— М-м.

— У нас еще две книги были в доме. Знамо дело, Библия. И «Пути пилигримов». — Флинт нахмурился. — Но, знаете, ребята, я с ними не связывался. Моя книга — «Фокс». И много часов я над ней просидел, счастливых часов. — Он расплылся в лучезарной улыбке. — Ну, признаюсь, я не столько ее читал, сколько картинки в ней рассматривал.

М-м.

Флинт укоризненно покачал головой.

— Вы не поверите, что я там видел, как я прозревал, как учился. Ах, сколько изощренных пыток существует на свете, вы не представляете! На какие только жестокости не способен человек во имя веры, какие страсти перенесли благословенные мученики! И все эти страдания запечатлены в книге Фокса с величайшей достоверностью. Козлы и дыба, кол и испанский сапог, щипцы и щипчики, крюки и крючочки, Декапитация,[63]

[63] Примечания: 63
Аскапитация — обезглавливание.

иммурация,[64] экс-сангвинация[65] — слова-то какие — заслушаешься! А вытягивание кишок! — Он прищурился. — Гм… Вытягивание кишок. Видели когда-нибудь? Вороточком, потихонечку, полегонечку… Лебедочкой. Что скажете на это, ребята?

Ребята на это ничего не сказали. Они и раньше не пустословили, Роб Тэйлор и Генри Говард, потому что рот каждого до отказа забивала тряпка, а выпихнуть ее изо рта не представлялось возможности — она удерживалась другой тряпкой, прочно завязанной на затылке, И развязать ее тоже не очень просто, ибо ноги и руки скованы прочными узлами. Сидели ребята смирно, рядышком, под деревом, и глядели во все глаза на железную лебедку, которую Флинт захватил с собой, как предполагалось, для использования при захоронении сокровищ. Они исправно таскали лебедку по всему острову, и ни разу она не пригодилась. Однако сильно опасались ребята, что сейчас Флинт собирается ее, наконец, использовать по только что упомянутому им назначению.

---

[64] Примечания: 64
Иммурация — замуровывание живьем,

[65] Примечания: 65
Экс-сангвинация — введение в кровь различных веществ.

— Книга Фокса учит, что в каждом человеке больше пяти саженей кишок, — поведал Флинт, — И я часто задумывался, так ли это.

Повисло молчание.

Флинт встал с валуна, обошел крохотный лагерь, в котором Роб и Генри, поощряемые дружелюбным Флинтом, так надрались утром, что к полудню свалились с ног.

— Бот мы с вами теперь, ребята, на Буксирной Голове. Картография моя, я и название дал, три года прошло с тех пор. — Он обвел вокруг рукой, как будто демонстрируя им Буксирную Голову. — И знаете, ума не приложу, с чего я ее так обозвал. — Он засмеялся и огляделся. Прекрасное местечко, свежий, бодрящий воздух. Отличный обзор, море просматривается. Как и на Подзорной Трубе, здесь деревьев немного, вид не закрывают — высокие деревья, узловатые, но не сосны, а что-то тропическое.

Флинта восхищало разнообразие здешней природы. Вот здесь, на Буксирной Голове, совсем другой мир, не джунгли Южной бухты, но и не альпийские луга Подзорной Трубы, Прибой гремел громче, потому что море билось о подножие Буксирной Головы, о россыпи скал под отвесным обрывом. Сильный ветер Южной Атлантики за-

носил брызги на самую плешь Буксирной Головы, здесь всегда влажно.

Прекрасный, благородный ландшафт. Однако небезопасное место. Высокий обрыв, крутой. Человек, переваливший черёз край, не рискует пораниться. Три сотни футов падения — и целым и невредимым врезаешься в острые скалы, мгновенная смерть.

Обрыв находился в двадцати футах от дерева у которого Флинт усадил Тэйлора и Говарда.

— Так, а где эта проклятая птаха? — спросил Флинт у самого себя и вскинул голову. — Ага, вот она, — Попугай квакнул, нахально вскинул голову. Смотрел он на Флинта с такой наглостью, какой его хозяин не потерпел бы от человека.

— Скотина! — пробормотал Флинт. Ему не хватало этого попугая. Он чувствовал себя так же, как после первый ссоры с Джоном Сильвером. Флинт нахмурился, Нетипичные ощущения, черт побери!

«Да тьфу на тебя!» — подумал он, но не смог заставить себя отвернуться от птицы. Когда он отнял попугая у той двуногой обезьяны, как его… он сделал это, соблазнившись импозантным видом птицы и представив, как выигрышно будет с нею смотреться. Да, еще его привлек словарь

попугая, в особенности матерный его раздел. Уже потом он понял, насколько эта птица умна и сообразительна. Очень умна. И слова использует не абы как, а в контексте ситуации.

Уронит Флинт что-нибудь и сразу слышит:

— Остолоп! Остолоп!

— Отвали! — говорит попутай, если кто-нибудь ему не по нраву.

— Salvel[66] — приветствовал он по-латыни Коудрея.

— Бу-у… Бу-у… — передразнивал костыль Долговязого Джона.

— Я даже не знаю, мужик ты или баба, — обратился Флинт к попугаю примирительным тоном. Недоставало ему этой птицы. Единственное Живое существо, остававшееся с ним постоянно, днем и ночью, привязанное к нему… теперь, правда, похоже, больше, нет.

— Но почему? — недоумевал Флинт, не в состоянии понять того, что сразу сообразил бы любой из тех, кого он огульно зачислил в тупиц. Птица к нему даже ненадолго вернулась, когда он утром вышел из джунглей к месту встречи с Тэйлором и Говардом. Попугай ждал его, Он описывал круги,

---

[66] Примечания: 66
Salvel (дат.) Привет тебе!

высматривая Флинта.

— Ах ты, мерзавец, — ласково встретил его Флинт. Птица спустилась к нему на плечо, нежно ткнулась клювом в ухо. Флинт чуть не задохнулся от счастья, Но как только он попытался погладить попугая, тот заорал и метнулся ввысь. Флинт недоумевал. Уши Скиллета он выкинул. Может, запах остался?

— Да дьявол его задери. Пора за дело — решил Флинт. Он снял шляпу и сюртук. Вытащил пистолеты из-за пояса и из карманов. Отложил саблю и достал небольшой сверток с инструментами, прихваченными для этой оказии. Закатывая рукава рубахи, усмехнулся, глядя на разрушения, учиненные Пердуном Фрезером.

— Итак, милостивые государи, мистер Тэйлор и мистер Говард, кто первый?

Оба застонали, задергались. Инстинкт заставлял их прятаться там, где это не представлялось возможным. Они старались сделаться лгеныне, незаметнее, оказаться не под рукой Флинта — в общем, каждый стремился не стать первым.

Попугай заверещал и захлопал крыльями.

— Тэйлор, — решил Флинт, схватил Тэйлора, меньшего, более легкого, за пояс и поволок к лебедке.

— М-м-м-м-м! М-м-м-м-м! — промычал Тэйлор, и попугай взлетел.

Флинт уселся на ноги жертвы и сильным ударом в лицо опрокинул его наземь. Оглушенный Тэйлор замер, лежал беспомощный и обреченный. Зато Говард вовсю извивался, напоминая неуклюжую гусеницу; он пытался уползти, увеличить расстояние между собой и кошмаром. Флинт покосился в его сторону, усмехнулся и решил сосредоточиться на Тэйлоре.

— Давно ли ты в театре был, мистер Тэйлор? — справился Флинт. — В прекрасной драме «Герцогиня Мальфийская» есть такая реплика: «Удушение — смерть тихая». Метко подмечено. Можно было бы, конечно, всех вас тихо-тихо удушить, пока вы почивали, но на это любой дурак способен.

Флинт развернул сверток.

— А это… — Он взял в руку один из хирургических ножичков мистера Коудрея и взрезал рубаху на Тэйлоре сверху донизу. Затем вытащил плотницкие клещи, большую иглу и прочную льняную нитку.

— Весь фокус в том, чтобы найти конец. Так я полагаю.

Тэйлор пошевелился.

— М-м-м-м-м!

— Начнем отсюда, — сказал Флинт и осторожно взрезал живот мученика.

— М-М-М-М-М-М-М-М!!!

Попугай свалился камнем, бесшумно и без предупреждения. Сначала в макушку Флинта впились когти. Тут же за ними последовал клюв, обнаживший черепную коробку коммодора. Флинт завопил.

— А-А-А-А-А-А-А-А! — заорал он и, защищаясь, вскинул руки. Попугай мгновенно переключился на его пальцы, из них тоже брызнула кровь.

— А-А-А-А-А-А-А-А! — Флинт вскочил и принялся бешено отбиваться от изверга, рвавшего в клочья его драгоценное тело.

— Ух-х-х! — он оторвал от себя птицу, швырнул ее наземь и занес над нею ногу, чтобы расплющить мощным ударом каблука. Но попугай уже взлетел и снова спикировал па Флинта.

Коммодор прыгнул к оружию, выхватил саблю и взмахнул, отхватив кончики перьев крыла увернувшейся птицы. Попугай метнулся к его глазам. Флинт завизжал и снова ударил саблей. Опять полетели перья.

Ба-бах! Раздались один за другим оба больших поясных пистолета. Уронив их, Флинт выпалил

из малых. Все четыре выстрела промазали, но попугай учел предупреждение, отлетел и уселся на вепсе, бешено крутя головой и стеная.

— Смотри, что ты натворил! — в бешенстве вопил Флинт, задрав голову к попугаю. — Посмотри, что ты со мной сделал!

Алая кровь струилась по его лицу, на лоб свисал кусок скальпа. Флинт орал от боли и возмущения, протестовал против жестокости этого мира. Ибо Джозефа Флинта за всю его гнусную карьеру ни разу не коснулись ни пуля, ни клинок. Он видел кровь и жестокость, с легким сердцем сеял смерть и страдания, убивал и уродовал других, но сам никогда не был ранен. А как это больно!

— Скотина! Грязная свинья! — плача, кричал он попугаю и искал, на ком бы сорвать зло. Кроме Тэйлора и Говарда, никого рядом не оказалось. Можно сказать, что им крупно повезло, если иметь в виду, что собирался вытворить с ними Флинт. Теперь же он просто скинул их б обрыва, одного за другим.

Глава 45

8 сентября 1952 года. Южная якорная стоянка. Днем.

Плавала Селена, как выдра: быстро и легко. На плантаций Делакруа дети рабов отлично Держались на воде. Едва научившись ходить, плескались они в местном ручье; ныряли и визжали. Даже госпожа Делакруа приходила к ручью с дочерью, чтобы полюбоваться купающимися младенцами, прелестными в своей невинности. Так Селена встретила мисс Юджини. Она и плавать учила молодую госпожу.

Плюх! Селена вошла в воду ногами, погрузилась с головой. Надводный мир с его звуками и красками на время исчез, сменился изумрудным безмолвием. Но вот голова Селены показалась над поверхностью. Отфыркиваясь, она рванулась прочь от «Моржа», куда угодно, только подальше.

Сзади донеслись вопли. А если они по ней из пушек… Или лодку спустят. Селена набрала воздуху и нырнула, поплыла под водой. Когда Селена вновь поднялась на поверхность, она увидела

скопление пиратов на корме, как в салоне Флинта, так и на палубе. Злые, рожи красные. Орут, кулачищами размахивают, у иных и пистолеты в руках.

Паф! Паф! Как будто комки грязного хлопка отделились от вытянутых пиратских лап. Селена была уже далеко от судна, но сохраняла спокойствие не по этой причине. При звуках выстрелов ей представился пистолет во рту Пастора и то, что за этим последовало. Она содрогнулась, отгоняя кошмарную картину, и тут же, не теряя времени, снова втянула воздух и скрылась в воде. Когда она вынырнула снова, «Морж» уже казался далеко-далеко. Она принялась поворачиваться, оглядываясь и выбирая направление. Губы ощущали морскую соль, вселенная сплюснулась, стянулась к уровню ее погруженного в воду подбородка.

Куда? Только не на берег. Там Флинт. И конечно, не на «Морж»… Снова приходится убегать от белого мертвеца. Вряд ли пираты проявят больше желания войти в ее положение, чем сыновья господина Фицроя Делакруа. Тем более что в этот раз она не просто «послужила причиною смерти», а убила своими руками, умышленно. Остается «Лев». Выбор не сложен. И доплыть нетяжело.

Обогнуть по широкой дуге «Моржа» и прямо к болтающемуся рядом «Льву», к Долговязому Джону. Пустяк, ведь она может весь день провести на плаву.

Но она тут же обнаружила, почему так быстро удалилась от «Моржа». Бухту омывало сильное течение, сносившее ее скорее, чем она могла плыть. Селена попыталась его одолеть, но почти сразу поняла, что занятие это бессмысленное и ни к чему, кроме пустой траты энергии, привести не сможет. Она перевернулась на спину и отдалась потоку, почти не шевеля руками и ногами и удерживая голову над водой.

Тепло, мирно, спокойно… Солнце печет, вода охлаждает, тишь да гладь… Давно не было такого мира на душе у Селены. Она настолько расслабилась, что даже заснула… во всяком случае, погрузилась в дрему. В голову лез Флинт… Потом его сменил Сильвер. Она дремала, забыв о времени…

Селена очнулась, когда пятки ее заскребли по песку. Она оттолкнулась от дна ладонями и уселась. Тело потяжелело, парение исчезло. Селена неуклюже поднялась на ноги, огляделась. До «Моржа» и «Льва» что-то около мили. Пляж, обжигающий подошвы раскаленным песком,

изогнулся полумесяцем, окаймленный густыми пальмовыми зарослями. Там, куда ее занесло, песок истоптан, засыпан углем, повсюду видны отпечатки, оставленные днищами сундуков. Значит, здесь они выгружали свои сокровища Свое «добро». И они не слишком сопротивлялись течению, здесь разгрузились и разбили лагерь.

Нет, не хотелось ей здесь оставаться. Селена, стараясь бежать на цыпочках, подпрыгивая, во всю прыть понеслась через пляж, чтобы поскорее пересечь эту раскаленную сковородку и оказаться в тени. Наконец, она скрылась под деревьями. Селена перевела дух, опустилась наземь и огляделась. Ни еды, ни воды, ни одежды, ни оружия… Никаких инструментов. Она опасливо покосилась на джунгли. Что за звери там, в зарослях? К ней вернулся страх. Другой страх, но все равно неприятный.

Что дальше? Если б она знала… Но она понятия не имела, что делать, ничего и не делала Прошел день, минула долгая холодная ночь. Ничьи клыки или когти Селену не обеспокоили, но мучили голод и жажда. Она слышала, как пираты упоминали ручьи и речки. Они, конечно же, должны стекать к морю. Селена вздохнула и направилась по берегу на поиски воды.

Воды она не нашла, зато обнаружила что-то другое. Она заметила это что-то до того, как оно увидело ее. Не очень далеко от лагеря из песка торчал вверх вкопанный в него шест, который они называли реей. С шеста свисали шнуры для флага. Селена шла вплотную к джунглям, потому что песок здесь слежался; был тверже, чем тот, что ближе к воде. Чуть впереди она вдруг услышала треск, как будто кабан пер напролом.

Селена отскочила за дерево и затаилась. Из лесу появился человек. Шатаясь, он побрел к берегу. Человек подошел к флагштоку, поковырялся там, и наверх пополз большой черный флаг с белым черепом и скрехченными костями. Потом человек вытащил пару пистолетов и выпалил в воздух. Помахал «Моржу», Это Флинт. Селена пала духом.

Но за спиной у него, на перекинутом через плечо ремне, болталась фляга. Селену жгла жажда. Она слизывала росу с листьев, но что это значит в таком пекле? Жажда вытолкнула ее из-за деревьев и погнала по еще не успевшему раскалиться песку.

— Флинт! — закричала она, — Флинт!

Он обернулся, и даже за пятьдесят ярдов вид его ее испугал. На голову намотан окровавленный

платок, лицо черное от запекшейся крови. Он еле стоял, глядя на нее выпученными глазами.

— Селена! — услышала она. Лицо его исказилось бешенством, он выхватил еще пару пистолетов и выстрелил в нее. Она съежилась, но оказалось, что не в нее он палил и не на нее злился. Над их головами кружил попугай. С потоком ругани Флинт бросился на колени, спеша перезарядить пистолеты.

Селена подошла к нему, положила руку наг плечо. Он не обращал на нее никакого внимания, как будто не заметил, как она сняла с его плеча флягу и присосалась к ней. Он занимался; оружием.

— Что случилось? — спросила она.

— Чертов попугай взбесился.

— Почему?

— Вес его знает.

Бум-м-м! — прогремел выстрел с «Моржа». Флинт поднял голову.

— Ага, шлюпку спустили. — Он, наконец, заметил, что она голая. — На-ка, накинь, — Швырнул ей свой сюртук и отвернулся, следя за шлюпкой, но то и дело оглядываясь на попугая, отлетевшего к деревьям.

Лодка зарылась в песок футах в двадцати от кромки берега. Том Аллардайс спрыгнул в воду и

пошлепал к Флинту и Селене. Он с ужасом смотрел на Флинта…;

— Чего, капитан? Чего не так? Где народ? — Вдруг что-то как будто хлопнуло его по лбу изнутри головы, он ткнул пальцем в сторону Селены. — Капитан, эта тля разворотила всю морду мистеру Смиту. Фарш вместо хари, ей-богу, не вру!

— А… — Флинт досадливо поморщился. Не до таких ему мелочей, как какой-то там мистер Смит с его очевидными недостатками. Он покосился на Селену. — Что, этот «пастор» лапы распускал?

— Да.

— Ну и поделом ему. Еще повезло, что меня не дождался. — Флинт отмахнулся, как от мухи, и повернулся к Аллардайсу. — Тьфу на этого сучьего Смита, я от тебя о нем больше слышать не хочу и другим тоже передать не забудь, И живо на судно, греби, твою мать!

Гребцы боялись дышать. Они еще не слыхали, как Флинт орет, такое на их памяти случилось впервые. Всегда он оставался шелковым да бархатным, голос нежный, как мамашин поцелуй, даже когда дробил пальцы, играя во «Флинтики». Новый Флинт пугал еще больше. И они налегли на весла, аж в ушах зазвенело. Уж течение там

или не течение, а шлюпка молнией метнулась к «Моржу».

Селена вернулась в свою кормовую тюрьму, в салон Флинта, загаженный кровью Смита. Она оделась, уселась и пригорюнилась. Что ж, пока Флинт на борту, она в безопасности. Заплыв не удался. Надо терпеть и ждать, надеяться на лучшее.

На палубе мистер Коудрей возился со своими вареными инструментами, промывал и обрабатывал раны, заявляя, что мыло и солнце все вылечат, и подтверждая свои слова латинскими изречениями да звяканьем стальных пыточных принадлежностей.

— Все в порядке, сэр, — сообщил Коудрей через полчаса кройки и шитья на Флинтовом черепе. Он с удовлетворением осмотрел свою работу. И действительно, было чем гордиться; Коудрей знал свое дело. Завершил он перевязкой и напутственным словом:

— Шрамчики небольшие останутся, сэр. Над бровью, на лбу. Но по большей части их закроют волосы, как отрастут.

Флинт слушал невнимательно. Операцию он перенес мужественно, как будто бы и не присутствовал при зашивании собственного черепа. Он

отползал от края бездны. Ночью он чуть туда не соскользнул, а тем более утром. Бывают пропасти и опаснее той, в которую он скинул Тэйлора и Говарда. Много пучин ожидает такого, как Флинт. Но сейчас он убрался от края. Сейчас он в безопасности… так он воображал, во всяком случае.

— Глоток рому не помешает, капитан, — сказал Коудрей, Джобо подошел с бутылкой.

— Нет, спасибо, доктор. Мне нужна ясная голова. Надо с командой поговорить. — Он поднял на Коудрея честные суровые глаза. — Нас предали, доктор.

— Предали?

— Да. Нас предал этот бессовестный мерзавец Джон Сильвер, Он тайком высадил на берег группу и убил всех моих дорогих товарищей, я лишь чудом уцелел.

— Ох…

— Да, так вот… Поэтому мы должны предпринять ответные меры, если хотим спасти свои сокровища, которые он твердо решил украсть и разделить между своими. Они такие же мерзавцы, как и он, его соучастники.

— Вопреки Артикулам?

— Я сам слышал это. Мне удалось спрятаться в лесу, и он не догадывался, что я очень близко. —

Флинт печально склонил голову. — Понимаю, что мы расстались не лучшим образом, но все же я иного мнения был о Джоне Сильвере.

— Господь всемогущий! — воскликнул Коудрей. — Команда, сбор! — крикнул он. — Капитан говорить будет.

Глава 46

9 сентября 1752 года. Южная якорная стоянка. Борт «Льва» Утренняя вахта (около половины восьмого берегового времени)

Девятифунтовое ядро толще шестифунтового всего на полдюйма: четыре дюйма вместо трех с половиной в поперечнике. А весит в полтора раза больше, да заряд пороха у него — ого-го! Летит это ядро со страшной силой, сокрушая борта и палубы. Шестифунтовка хороша для картечи, для цепей, чтобы мачты сбивать, но настоящая судоломка — это девятифунтовая.

— Капитан, стреляем! — умолял Израэль Хендс. — Пора, капитан. Пока они до нас не добрались.

Он присел и приложился к своей любимой испанке, к прицелам по азимуту и дальности, устроенньш сверху и сбоку пушечного ствола.

Сложнее определиться с дальностью. Навести по азимуту проще. Для этого надо совместить с целью верхний паз на казенной части и верхний прицельный паз на кольце вокруг дула пушки.

Но возвышение, то есть угол наклона ствола,

надо рассчитать., учуять, угадать — так это понимать надо.

По зарубкам сбоку на казенной части можно задрать ствол этак на пять градусов. Гадание это осложнялось тем, что Хендс из этой пушки еще не стрелял ни разу. Поставил он возвышение в два с половиной градуса, надеясь, что этого как раз хватит, чтобы ядро врезалось в борт «Моржа», пролетев около четырех сотен ярдов.;

— Капитан, стреляем! — снова принялся за свое Израэль Хендс, раздувая зажатый в руке фитиль.

— Нет, — отрезал Сильвер. — Они всего-то парус подняли…

— Но это против…

— Молчать, команда! — гаркнул Сильвер и забухал ногой и костылем по палубе. Не сладко ему тоже, понятное дело. На нем ответственность. Стрелять или нет? Одно слово — и братья по ремеслу, бывшие товарищи по команде прольют кровь друг друга.

Не только Хендс, вся команда ждала от капитана решающего слова. Судно готово к бою. Палубы засыпаны песком, юнги в любой момент рванутся к пороховому складу за новыми картузами. Пружина левого борта навернута на кабестан, у рычагов которого ждут приказа матросы, гото-

вые направить судно в нужное положение. Занес ногу — шагай!

Сильвер не отрывал глаз от «Моржа». Он изучал его в' подзорную трубу с того момента, когда Флинт дал сигнал. Он видел, как Аллардайс подался в шлюпке к берегу, как вернулся с капитаном — с одним, без «счастливой шестерки». Зато там же оказалась Селена в синем флинтовом сюртуке, и Сильвера снова скрутили сомнения. Он не понимал, что все это может означать, откуда она там взялась, но видеть ее наедине с Флинтом — радость не великая.

Затем «Морж» поднял якоря и часть парусов. Без единого посланного «Льву» сигнала. Сильвер тут же объявил готовность к бою. С подпружиненными якорными тросами «Льву» не приходилось опасаться, что противник его обойдет. Ясно было и то, что двигаться «Морж» может лишь в сторону «Льва», ибо далее вглубь бухты пути не имелось: банки, мели, берег.

Паруса ставить Сильвер тоже не собирался. Конечно, Флинт мог пройти мимо «Льва» и направиться в море, но Сильвер в таком его намерении сильно сомневался. Не решил же он оставить остров Сильверу, чтобы тот спокойно искал зарытые сокровища.

— Что он делает? — в который раз спросил себя Сильвер, разглядывая «Моржа». Юго-западный ветер слегка дышал в топсели и кливер[67] «Моржа», больше парусов Флинт не поднимал; его судно поползло ко «Льву». На остров лениво набегала мелкая западная волна.

— Капитан, капитан, пора! Всадим ему! — снова взмолился Израэль Хендс, заламывая руки. Пожалуйста, капитан…

— Капитан… — подпевали ему канониры.

— Капитан… — зажужжала и палубная команда.

— Что он делает? — как будто не слышал Сильвер, — Маневр!

«Морж» менял курс, поворачиваясь ко «Льву» бортом.

— Ложись! — гаркнул Сильвер. Борт «Моржа» окутался пороховым дымом. Секундой позже раздался гром его пушек.

БУ-БУ-БУ-БУ-БУ-БУ-БУММММ!

Ядра плюхнулись в воду, не долетев до «Льва».

ББУ-У-У-МММММММ! — отозвалась испанская девятифунтовка. Хендс не стал дожидаться команды своего капитана, здраво рассудив, что

---

[67] Примечания: 67

Кливер — треугольный косой парус в передней части судна

услышал ее с борта противника.

Сильвер вскочил на ноги. Расчет девятифунтовой испанки уже тянул, толкал, чистил, заряжал. Пять человек с каждой стороны, и второй пушкарь с пороховым рогом, заправляющий затравочное отверстие. Сильвер ощутил облегчение, как будто тора с плеч свалилась. Полная ясность, никаких больше сомнений.

— Лево! Лево! Лево! — кричал Хендс, выбросив в сторону левую руку, и его люди поворачивали пушку влево.

— Право! — он выкинул в сторону другую руку. У пушкарей свой словарь. Чтобы не путать с судовыми командами «ларборд» и «старборд», они кричат «лево-право». — Лево чуть! — И, наконец: — Стоп! — Ствол замер в направлений окутанного дымом силуэта «Моржа». Оставив тот же угол в два с половиной градуса, Израэль Хендс поднес фитиль к затравке.

ББУУУММММММ! — пушка выплюнула следующее ядро и отпрыгнула назад под восторженные вопли матросов. С командой в десять человек Хендс управлялся куда быстрее артиллерии «Моржа».

— Идиоты, ядро им в задницу! — орал Хендс в ухо Сильверу. — Нечего нас злить! Навались,

навались, ребятушки! — подбодрил он свой пушечный расчет.

— Р-раз! Р-раз! Р-раз! — в такт команде пушка вернулась в исходное положение.

ББУУУММММММ!

Сильвер убрался от пушек, протопал на корму, чтобы лучше видеть, подальше от дыма испанки. Команда «Льва» безудержно веселилась. Моряки размахивали саблями, прыгали и вопили, славя пушкаря и его команду.

ББУУУММММММ!

Сильвер навел на «Моржа» трубу. На этот раз Хендс угадал точно. Над палубой «Моржа» взметнулись обломки, посыпались в стороны матросы. «Морж» дал залп бортом и промазал. Хендс произвел еще два выстрела и снова попал. Сильвер видел, что на «Морже» уже были убитые, что одна пушка его перевернулась и слетела с лафета.

«Что он делает? Что с тобой, Джо? — думал Сильвер. — Ты ведь специально подставляешься. Стреляешь, как во сне». Его подзорная труба выхватила на палубе «Моржа» фигуру — ему показалось, что это Флинт. Капитан «Моржа» вскинул мушкет и выстрелил вверх. То же самое сделали и другие, находившиеся рядом с ним. Затем дым от пушек «Моржа» скрыл продолжение

странной сцены.

— Тысяча чертей! Мы же его утопим за милую душу, он этого хочет? — Сильвер недоверчиво потряс головой. — Что ты затеял, Джо?

Сильвер понял: тут что-то неладно. Флинт не дает стрелять в себя безнаказанно. Долговязый Джон так ни до чего и не додумался, когда почуял запах дыма. Не порохового. Древесного.

Сильвер резко развернулся. В центре квартердека имелся небольшой лючок, устроенный для вентиляции и освещения. Оттуда валил дым, подсвечиваемый снизу багровым светом. Самый жуткий кошмар моряка — пожар на судне.

Глава 47

9 сентября 1752 года. Южная якорная стоянка. Борт «Моржа». Утренняя вахта (около восьми часов берегового времени)

— Открыть огонь! — не приказал, а ласково попросил Флинт, нежно обнимая себя обеими руками. Канониры немедля выполнили приказ, пушки полыхнули, семь ядер унеслись неведомо куда…

ББББУУУММММММММ!

На борту «Льва» что-то полыхнуло и жутко ухнуло. Взорвалось что-то? Впрочем, неважно. Флинт составил мудрый план, который должен сработать безукоризненно, ибо Флинт все предусмотрел. Капитана распирали гордость и уверенность в своем плане. Он едва не лопался от самоуважения…

— Еще пальнем, ребятки! — попросил Флинт. — Погрейте им задницу.

Флинт снова стал самим собой. Чистый, подтянутый, весь обвешан оружием, а повязка… ее почти и не видать под шляпой. От переполнившего его самодовольства даже боль в голове

развеялась по всем сторонам света.

Флинт выпустил себя из объятий, навел на «Льва» подзорную трубу. Они, что ли, тоже палят? Дым надо «Львом» клубится. А вот и Сильвер среди своих оборванцев на шкафуте.

— О, Джон, — ласково промурлыкал Флинт себе под нос. — И пушчонки у тебя наготове, и канониры с фитилями, и якоря подпружинены. А того и не знаешь, милый мой, что беда у тебя под задницей, тупица безногий. И всего-то мне надо уговорить тебя открыть огонь, а самому держаться вне твоего выстрела. Все пойдет как по маслу, не беспокойся.

Флинт неторопливо, медленно улыбнулся, наслаждаясь своей улыбкой, как будто смакуя хорошее вино… Очередная вспышка на борту «Льва» и последовавшее за нею содрогание «Моржа» пропихнуло улыбку в глотку капитана Флинта. Троица раненых завопила жутким адским трио, на палубу свалилось два трупа, один из которых еще подергивался. В чем дело? «Лев» вне дальности выстрела! Флинт дрожащими руками навел подзорную трубу на вражеский борт. От шестифунтовок «Моржа» в такой диспозиции и то проку не будет, что уж говорить о четырехфунтовых мухобойках Сильвера. БББУУУМММММММ!

Это не четырехфунтовка! Это что-то намного большее. А откуда, спрашивается, этот новый пушечный порт на борту Сильвера?

— Нет! — выдохнул в ужасе Флинт. Это та самая испанская любовь Израэля Хендса. Флинта залила краска стыда. Он об этой дряни совсем забыл. Его собственный просчет, не на кого свалить.

В десяти футах от Флинта, как будто взбесившись, подпрыгнула шестифунтовка, сорвалась с лафета, запрыгала по палубе, убивая и калеча людей и рассыпал по сторонам железные осколки и обломки дерева.

— Капитан! — проорал подбежавший Аллардайс. — Капитан, нас лупят! Капитан, разрешите уходить на всех парусах!

Флинт повернулся к Аллардайсу, собираясь согласиться с вполне разумным предложением, но в этот момент боковым зрением зацепился за что-то зеленое на грот-мачте. Флинт затрясся от злости. Вот на кого можно свалить, и по заслугам. Вот кто во всем виноват.

— Дроби мне! — завизжал Флинт и топнул ногой с такой силой, что под повязкой разошлись швы и открылось кровотечение. — Дроби и охотничье ружье! Он вспрыгнул на опрокинутый лафет разбитой пушки, схватился за парусину

бизани. — Вон, вон! — орал он, тыча вверх пальцем. — Вон он, гад! Скотина!

— Чего с ним, а? — опасливо спросил Аллардайс у одного из помощников. — Чего он разошелся?

— Попугай! — объяснил тот. — Капитанский попугай вернулся….

Договорить ему не удалось. Снова раздались грохот и толчок — еще одно девятифунтовое ядро врезалось в «Моржа». Оба матроса пригнулись, прикрыв руками головы.

— Кэп, сэр! — крикнул Аллардайс. — Надо когти рвать!

— Бунт? Я тебе кишки вырву! — взбеленился Флинт, — Не слышал? Дробь мне и охотничье ружье!

Аллардайс, как будто ища поддержки, покосился на помощника.

— Ну! Оглох? — надрывался Флинт.

— Дак… капитан, — Аллардайс молитвенно сложил руки перед грудью. — Христом-Богом… Откуда у нас дробь-то… Да и охотничьих ружей отродясь не бывало…

Флинт сжал горло Аллардайса обеими своими клешнями, принялся трясти его, брызжа в физиономию слюной и кровью из вновь открывшейся раны.

— Тогда возьми мушкет и раскромсай его пулю ножом, или я тебя раскромсаю собственноручно, кишки по мачтам развешу.

Флинт выпустил Аллардайса и повернулся к команде.

— Чего вылупились? Сбейте мне живо эту окаянную тварь!

Он показал личный пример, схватив мушкет и выпалив в злосчастного попугая, тут же перелетевшего на фок-стеньгу.

Команда бросилась выполнять повеление вождя весьма ретиво, но как-то неумело. Все знали, что зеленый попугай — краса, гордость и отрада Флинта. Конечно, попугая ненавидели, но никто не хотел бы похвастаться тем, что сшиб птицу Флинта. Да еще на глазах у хозяина. Однако приказ есть приказ, народ активно пускал пули в небо, ничем иным более не занимаясь. Флинт же уселся на палубу и принялся лихорадочно рубить мушкетную пулю сначала в мелкий свинцовый фарш, а затем и в паштет. К нему присоединились Аллардайс и пара помощников, больше боявшихся Флинта, чем ядер испанской пушки, которые, в общем-то, могут и мимо пролететь.

Однако не пролетали. Еще один подарочек от Израэля Хендса попал в «Моржа», и еще, и еще…

Ядра прилетали с интервалом в две минуты. Могли бы и чаще, да мастер-пушкарь растягивал удовольствие, смаковал деликатес, а заодно и тренировался по живой мишени.

Впору было заключать пари, сколько еще осталось жить «Моржу».

Глава 48

9 сентября 1752 года. Южная якорная стоянка. Борт «Льва». Утренняя вахта (около восьми часов берегового времени)

Гул пушечных выстрелов достиг ушей Билли Бонса; киснувшего на груде балласта в надпиленных цепях. Звук добротный, полновесный, ни с чем не спутаешь. И мощный — аж балласт задребезжал.

— Ага, — промычал Билли и откинул в сторону осточертевшие железяки. Ранее никак нельзя было этого сделать из уважения к кормильцам, доставлявшим ему жратву и выносившим отходы его организма. Мелкие засранцы, которым поручалось обслуживать заключенного, с удовольствием «нечаянно» и немилосердно обливали ноги Бонса и тем, и другим. А вот что с этими ангелочками произойдет, ежели они попадутся ему под руку!..

Билли Бонс поднялся, потянулся, расправил плечи. Две недели тут сидел… Затек, конечно, онемел весь. В железяках разве встанешь… А снять кандалы — еще потеряются… И весь муд-

рый план вождя накроется дырявым решетом.

Бонс разгонял по ногам немилосердно коловшие их иголочки; постанывая, растирал руки и плечи. Выносливым животным был Билли. Мог он, конечно, свою персону и пожалеть, но не больше, чем жалеет себя упряжный вол или ломовая лошадь.

Бонс подхватил железяку, которая удерживала его, закованного, на месте. Кругловатый в сечении корявый полупрут-полубрусок длиной дюймов в восемнадцать, толщиной в три четверти дюйма, почти прямой. Не ахти что, но сойдет. Билли сунул руку в карман и нащупал флинтовы подарки. Огрызок напильника сделал свое дело, теперь пришло время для другого.

Вверху снова рыкнула сварливая испанка, и Бонс невольно задрал голову. Да, «Лев» с «Моржом» затеяли перепалку. Об этом говорил и шум иного рода, приказ Сильвера спустить шлюпки, например. Билли Бонс невольно похвалил своего злейшего врага за это разумное действие. Так поступали на военных судах, чтобы шлюпки не мешали обзору и были готовы, скажем, отвезти в сторонку якорь при необходимости оттянуть корабль, особенно здесь, на мелководье.

Билли сделал шаг, другой, постанывая от боли

в мышцах и ступнях. Идти приходилось в носках по острым камням, которые к тому же расплывались во тьме — фонарь висел неблизко. Бонс хотел прихватить фонарь, но раздумал. Слишком велика поклажа. Он осмотрелся и задумался.

Бонс находился возле колодца, сквозь который шли трубы насосов. Далее был склад пушечных ядер. Балласт занимал лишь часть нижнего трюма, здесь находились также разные тяжелые грузы. Бочки с водой, к примеру. Тесно, темно, сыро… Билли Бонс надул губы и после недолгих размышлений шагнул вперед.

Он обогнул колодец, влез на бочки, затем на полок, тоже уставленный бочками. Отсюда вел вверх трап. Свет фонаря тут уже терялся, так что двигался Бонс на ощупь. Он снова остановился. Сейчас лишь тонкая перегородка отделяла его от кают-компании.

Опять грохнула пушка, радостно завопили луженые пиратские глотки. По палубе стучал костыль Джона Сильвера.

— Погоди, Сильвер… — пробормотал Билли Бонс. — Я не я буду, погоди.

Он принялся шарить в темноте в поисках люка. Здесь где-то… Ага, вот. Он попытался засунуть железяку в щель, чтобы использовать ее в качестве

рычага, но щелка оказалась узковатой. Не беда. Снова в действие пошел напильник. Еще немного… Теперь как раз; Хрусь! Люк держала снаружи какая-то несолидная: деревяшка, со стуком отлетевшая в переборку и запрыгавшая по палубе.

Свет резанул глаза. Две недели в почти полной: тьме — и вдруг яркое тропическое солнце. Свет, даже пробивающийся в кают-компанию сквозь верхний лючок, ослепил. Билли принялся тереть глаза. Палубный переполох столь же сильно ударил по ушам. Среди множества голосов выделялось ритмичное «Право! Право! Право!» Израэля Хендса. Бонс замер. Команда всего в нескольких футах.

ББУУУММММММ!

И сразу восторженный вопль команды. Чему они там радуются?

Билли мрачно осмотрелся и взялся за дело. Кают-компания… Шутка, почти издевка. Это не тот офицерский клуб, которым хвастают многопушечные боевые единицы короля Георга. Тесный отсек, освещенный верхним лючком, с проходом в середине и крохотными, четыре на семь с небольшим футов, каморками офицеров.

Билли принялся выволакивать все из офицерских нор, в особенное™ обращая внимание на

горючие материалы: бумаги, деревянные мелочи. Все это он сваливал в кучу в проходе. Распотрошил матрасы и бросил туда же солому. Подтащил мебель из кормовой каюты.

Из своей конуры Бонс захватил сундук и отправился с ним в трюм. Там он достал из сундука бумагу и галлонную бутыль оливкового масла. Хватило и кучу полить, и провести масляные дорожки во всех направлениях. Разлив и размазав масло, Билли снова вернулся в трюм и занялся последним подарком Флинта; Это бывший карманный пистолет, изящная игрушка со съемным стволом, позволяющим заряжать его с казенной части. Без ствола да без рукояти мало что осталось от этого оружия.

В таком состоянии, заряженный лишь порохом и пыжом, для стрельбы пистолет, конечно, не годился. Зато прекрасная из него получилась зажигалка.

Бонс взвел курок и поднес эту штуковину к куче сухой, не смоченной маслом бумаги. Так Флинт велел.

— Масло труднее зажечь, Билли, мальчик мой, — поучал Флинт. — Сначала вспыхнет сухое, а потом уже, от него, масло.

Билли благоговейно следовал мудрым словам

вождя. Все-то он знал наперед. Бонс вспомнил последнюю беседу с Флинтом на «Морже». Флинт был с ним поразительно откровенен. Честнейший человек! Все остальные слышали от капитана разного рода басни и сказки, скроенные по обстоятельствам и с учетом особенностей восприятия аудитории. Но Бонсу Флинт всегда говорил правду.

— Не собираюсь я ни с кем ничего делить, Билли, цыпка моя. Ни монетки, ни пылинки. — Флинт не скрывал от Бонса, что он и своего верного прихвостня исключает из числа пользователей добычей. Он только рассмеялся и дернул Билли за нос. — Ни на сто сорок семь частей, ни на семьдесят четыре, ни на двадцать пять. Ни даже на две…

Вся добыча принадлежит Джо Флинту. В этом великая истина, и к этой истине причастен Билли Бонс.

— Остается еще уладить вопрос, как я попаду в Англию…

— В Англию, капитан? — удивился Бонс, как всегда, соображая с некоторым запозданием, пытаясь следовать в кильватере мудрой Флинтовой мысли.

— Да, в Англию, мистер Бонс, в Англию. Что-

бы попасть туда, нужна мореходная посудина, а любое судно требует экипажа, никуда не денешься. Хотя бы сокращенного — чтобы довели корабль туда, откуда Плимут видать. А там — спаси Господь их драгоценные души! Но пока руки их тянут фалы, в головах их бродят нечестивые мысли о пиастрах да восьмериках, дублонах да луидорах. Ума не приложу, что мне с ними делать… Ничего, — рассмеялся Флинт, — верь мне, мы с тобой что-нибудь придумаем, дражайший мистер Бонс.

И Билли верил Флинту. Без Флинта он своего будущего не представлял. Жить — значит служить Флинту, об иной судьбе Бонс не помышлял. Он представлял себя любимым слугой Флинта, богатейшего землевладельца, собственника дворцов в городах и сельских имениях, так что и об участи своей не беспокоился.

Уладив абстрактное грядущее, Билли вернулся к реальности. Он нажал на спуск, кремень щелкнул, пламя охватило бумагу, и костер вспыхнул, Бонс чуть выждал, убедился, что пламя не погаснет, и подался вон, оставив люк открытым для тяги.

Он оглянулся, и в лицо ему пахнуло жаром. Кают-компания — лучшее место, чтобы такое

устроить. Тонкие сухие доски переборок, тряпки, парусина… Ему ли не знать! Это, однако, спокойствия Бонсу не принесло. Наоборот. Билли — моряк от венца сальных волос на голове и до грязи под ногтями рук и ног. Он знал, что вытворил такое, за что бог моряков пошлет его душу в ад моряков, и даже Христос ему не заступник.

Преданность Флинту не спасала от когтей вины. Уж Бонсу ли не знать, что такое пожар на судне… Сухопутные крысы по глупости не понимают, как может судно сгореть в такой бездне воды, но моряки знают правду. Корпус сухой, просмоленный, паруса да фалы — все горит адским пламенем, особливо в тропическую жару.

Однако дело сделано, «Лев» обречен, пора и шкуру спасать. Билли Бонс занялся своим пробковым снаряжением. Остальному содержимому сундука подарил тяжкий вздох. Здесь все его имущество… Потом Бонс ощупью направился вперед по темному трюму, проломил пару люков, спрятался возле порохового склада, где работал кто-то из команды и куда поминутно юнги вбегали за пороховыми картузами.

Билли узнал одного из мелких мерзавцев, поливавших его неаппетитной смесью из экскрементов, и с трудом сдержался. Не время обращать

на себя внимание. Он глянул назад, и ему показалось, что он увидел отблеск пламени. Но нет, вряд ли, ведь до кормовой «кают-компании» столько переборок… Понюхал — пока пожаром не пахнет.

Юнга унесся прочь, а Бонс пополз дальше, пробираясь вплотную к носу, чтобы покинуть борт, когда наступит наилучший для этого момент.

— Тебе надо дождаться, Билли, цыпленочек мой, — учил Флинт. — Пожар пойдет с кормы, и, когда все головы повернутся в ту сторону, ты плюхнешься в водичку.

Как всегда Флинт оказался прав.

— Пожар на борту! — донесся до ушей Бонса рык Сильвера. Все его услышали. Даже Израэль Хендс и его пушечная команда прекратили возню вокруг своей испанки. Все сознавали, какая опасность им угрожает..

Билли выполз из укрытия как раз перед фокмачтой, один-одинешенек и, с трудом передвигая негнущиеся ноги, путаясь в пробковой сбруе, направился к борту. Обернувшись, Бонс окинул взглядом палубу, матросов, боровшихся с огнем, заметил и испанскую девятифунтовку, и видневшегося в далекой дымке «Моржа», посмотрел на изгиб берегового пляжа и зелень джунглей, голу-

бое небо и горячее солнце… и наконец… наконец заставил себя взглянуть вниз, в мокрый соленый кошмар под ногами. Всю жизнь он провел вблизи от этой жижи, в лодке или на палубе, но никогда не пытался в нее погрузиться, не желал учиться плавать. Бывалый мореход Билли Бонс боялся воды.

На корме команда напрягала все силы в борьбе с огнем, работали насосы, мелькали ведра и шланги. Никто не смотрел в сторону Билли, скрючившегося на носу, дрожавшего, как юная дева в первую брачную ночь.

Если храбрость и преданность — добродетели (а как же может быть иначе?), то Билли Бонс проявил добродетель. Храбро боролся он с одолевшим его ужасом, беззаветную преданность делу выказал он. Может быть, бог моряков все же скостит ему часть вины за сотворенную в этот день добродетель…

Билли всхлипнул, зажал нос и… прыгнул.

Глава 49

9 сентября 1752 года. Южняя якорная стоянка. Предполуденная вахта (около десяти утра берегового времени)

Селена вышла на палубу и огляделась. На «Моржe» творилось нечто невообразимое. На палубе валялись изуродованные трупы, извивались умирающие, вопили раненые, а Флинт, вооруженный окровавленной саблей, был очень занят тем, что добивал еще двоих членов экипажа, пытающихся от него удрать.

Внизу ее удерживал страх, и наверх она выбежала тоже со страху. Взломанная дверь не запиралась, но Селена так боялась команды, что не отваживалась показываться на палубе, не надеясь даже на защиту Флинта. Уплыть снова? Но она чувствовала себя обессиленной. Когда бабахнули пушки «Моржа», Селена забилась в уголок и сидела там, дрожа от страха. Но этот страх показался ей детским по сравнению с тем, что она испытала, когда вдруг одну стену ее убежища проломило ядро испанской пушки и исчезло сквозь дыру в противоположном борту, пропахав

в полу солидную борозду. Селена взвизгнула и выбежала вон.

— Черная метка? — орал Флинт. — Я вам поставлю красные метки.

С этими словами он полоснул одного из преследуемых саблей по затылку и проткнул грудную клетку второго.

На разбитой палубе «Моржа» валялись остатки пушек, громоздились обломки. О дисциплине забыли, и Флинт, только что убивший двоих, оказался в кольце оставшихся. Человек двадцать столпились вокруг него с топорами, пиками и саблями. Нельзя сказать, что они Флинту угрожали. Напротив, можно утверждать, что они его опасались… даже, пожалуй, отчаянно трусили. Они ерзали, стараясь не оказаться лицом к лицу с Флинтом, ускользнуть в сторону, спрятаться за кучу обломков или забраться на нее, чтобы получить преимущество в высоте.

Обычно когда боятся драться, вспоминают о законе.

— Капитан, ты не имел права их убивать! — крикнул Аллардайс, указав на свежих покойников — Это не по Артикулам!

— Не по Артикулам! — подтвердил: нестройный хор.

— Ты совсем свихнулся, капитан!

— Да, да, да… — прожужжали остальные.

— В попугаев палишь!

— Да, да, да…

— На хрена нам такая забава! Мы джентльмены удачи, а не птицеловы, да!

— Да, да, да…

— Ты должен принять черную метку и не имеешь права трогать тех, кто ее тебе принес!

— Да, да, да…

— Чушь собачья! — гаркнул Флинт, не обращая внимания на стекающую по физиономии кровь. — В Артикулах ни слова о черной метке.

Истинная правда. Флинту это было известно, Аллардайс этого не знал, но читать не умел и возразить не отважился.

— Ну… Ну… Тогда… Это обычай такой! Обычай! Славная традиция! — вспомнил Аллардайс терминологию военного флота, в котором начинал морскую карьеру.

— Традиция? Салага! Козел вонючий! — Терпение Флинта лопнуло. Он бросился на Аллардайса. У того хватило ума отскочить, но трое стоявших рядом решили встретить Флинта оружием. Зря. Во мгновение ока один лишился кисти руки, другой свалился подыхать с перерубленным горлом,

третий упал уже мертвым.

И все, мятеж подавлен. Самых храбрых; способных поднять на него оружие, Флинт вывел из строя, убил или искалечил. Более никаких возражений он не услышал. Лишь стоны недобитых и невнятное бормотание оставшихся невредимыми. Все так же бормоча, они отошли и сгруппировались кучками. Флинт стер с физиономии кровь и пот, заметил Селену и насмешливо поклонился.

— Гляди! — она показала на «Льва». За внутренней сварой они позабыли о противнике и не заметили, что корма его полыхает.

— А-а-а, наконец-то, — пробормотал Флинт, мгновенно сориентировавшись. — Смотрите, ребятишечки! — заорал он команде. — Ваш капитан все предусмотрел. Эти придурки сейчас станут жареным, беконом. А каждый из нас получит двойную долю, так-то!

Такое сообщение вызвало взрыв ликования. Разумеется, трижды виват мудрому капитану и полное ему послушание. Все уцелевшие рассыпались по палубам и принялись приводить судно в порядок.

— Селена, дорогая, — обратился Флинт к негритянке с видом древнего аристократа. — Не будучи

осведомленной в делах мореходных и в искусствах боевых, вы, разумеется, не заметили, что судно наше, хотя и несколько повреждено в корпусе, но в рангоуте и такелаже ничуть не пострадало. Израэль Хендс всегда предпочитал бить ядрами по корпусу, а не цепями по парусам. И это принесет ему погибель сегодня.

И на глазах у Селены Флинт совершил невозможное. Раскуроченный «Морж» превратился в боеспособное судно. Обломки, покойники и все приравненные к ним полетели за борт, ручное оружие перезарядили, Флинт произвел перегруппировку, разбитые пушки заменили целыми, восстановив семипушечную батарею.

— Заряд шрапнелью, дорогая. Точнее, фланелевым мешком с сотней мушкетных пуль. Лучший подарок для команды, покидающей догорающую посудину.

— Долговязый Джон, — обратился к Сильверу Израэль Хендс. — В трюме перед магазином дюжина тридцатифунтовых бочонков пороху. Надо уносить ноги.

— Нельзя. «Лев» потерян, спору нет, но на берегу не сапоги же жевать. Надо припасы снять. — Матросы торопливо загружали скиф продовольствием. Одна загруженная под завязку

шлюпка уже направлялась к берегу.

— Веселей, ребята, веселей! — подбодрил Сильвер команду.

Народ носился как угорелый, а Джон Сильвер старался поддержать дух, наставлял, как и положено настоящему лидеру. Он умудрялся хлопнуть бегущего матроса по плечу и обратиться к нему по имени, он даже пару раз хохотнул, несмотря на то что палуба под ногами уже раскалялась. Никакой самый опытный офицер короля Георга не справился бы лучше.

Не прекращал работать насос, вода из парусиновой кишки толстой струей била в пламя, сдерживая его, сколько можно. Рядом трудилась бригада из дюжины ведерников, выливая на огонь морскую воду из передаваемых от борта посудин. Муравьями ссыпались по трапам и поднимались наверх матросы, нагруженные самым необходимым для погорельцев, загружая добром шлюпки.

— Долговязый Джон, — снова принялся за капитана Израэль Хендс. — Огонь подходит к магазину. Склад я очистил, но бочки с порохом сразу за ним и, знаешь, уже на ощупь горячие. Надо сматываться, Джон!

— Нет, черт побери! Команда семь десятков

душ, их кормить придется, и я хочу забрать все сухари, все соленья и свинину.

— Но порох не попросишь подождать, Долговязый Джон!

Хендс лучше любого другого представлял, что такое двенадцать тридцатифунтовых бочонков пороху. От семидесяти человек не останется и горстки мяса, чтобы одну чайку покормить, если эти бочонки ахнут.

Сильвер огляделся. На палубе делать больше нечего. Народ работает на совесть… Никто из них о порохе не помнит. И не стоит о нем напоминать. У каждого свой предел выдержки.

— Мистер пушкарь, не могу с тобой спорить, ты прав. Спасибо, что вовремя сказал о порохе. — Сильвер хлопнул Хендса по плечу, — Пойдем-ка, займемся с тобой этим.

Хендс вовсе не этого добивался, но показать себя трусом не пожелал.

— Есть, капитан, — кисло откликнулся он, вскинув ладонь к шляпе.

— И захвати молоток с зубилом. Пора эту скотину мистера Бонса выпустить. Не сжигать же его заживо только за то, что он мерзавец. — Сильвер повернулся к команде. — Так держать, ребята! Джордж Мерри и Черный Пес, за мной, мы с ми-

стером Хендсом возьмем кое-какой инструмент.

Они нырнули в задымленный трюм. Он, однако, оказался неплохо освещен. С того момента, как судовые плотники на верфи настелили палубы, не было здесь так светло до этого самого дня. Они продвигались цепочкой, впереди Сильвер, оставивший костыль наверху, ибо на трапах и в лабиринтах трюма проку от него не было. За Сильвером двигался Израэль Хендс, далее следовали Джордж Мерри и Черный Пес.

— Билли, малыш! — крикнул Сильвер, добравшись до закутка Бонса. Но от малыша Билли осталась лишь цепь.

— Куда он делся? — недоуменно спросил Хендс.

— Кто знает, — пожал плечами Сильвер. — Ну, раз его нет, то и не сгорит, времени на него тратить не надо, и на том спасибо.

Он направился далее, к магазину. Доски переборок, огораживающих этот отсек, чернели от жара, на них пузырилась выделяющаяся смола. Жар волосы жег, дым разъедал глаза.

— Пронеси, Господь, — врывалось у Хендса.

— Вместе с порохом пронесет, — усмехнулся Сильвер.

— Вот он, порох.

— Угу.

Бочонки с порохом мирно стояли рядком поверх бочек с водой.

Сильвер шатнулся вперед, оперся бедром о переборку магазина, снял первый бочонок.

— Осади назад, мистер пушкарь, ближе к трапу, и передай этот подарочек мистеру Мерри.

Сильвер не мог передвигаться с грузом в руках, поэтому он опустил бочонок и толкнул его в сторону Израэля Хендса. Деревянная клепка уже нагрелась, а медные обручи казались раскаленными.

— Оп-ля! — Израэль Хендс подхватил опасный груз и передал его Джорджу Мерри.

— Ух ты… — удивился Мерри. — Дак… Разве ж тут инструмент?

Ответ Хендса на удивленный вопрос мистера Мерри прозвучал настолько энергично и вразумляющее, что тот, хотя и не отличался самым светлым умом в команде, все же осознал неуместность дальнейшей дискуссии. Забыв о любопытстве, он принял бочонок и передал его далее Черному Псу. Очутившись на палубе, бочонок проследовал в очередную шлюпку.

Второй бочонок появился сразу за вторым, но далее работа пошла медленнее. Сильверу

приходилось несладко. Израэль Хендс стоял за магазином, Джордж Мерри на трапе, а Сильвер оказался на линии огня, на одной ноге, да еще нужно было тянуться над водяными бочками. Передавая десятый бочонок, он заметил, что ткань его одежды обугливается, а доски магазина вот-вот вспыхнут.

— Долговязый Джон, надо бежать! — не выдержал Израэль Хендс. — Одна щелочка, одна крупинка — и всё!

— Нет-нет, уже почти готово, — хрипел Си ль пер. Он толкнул десятый и потянулся за одиннадцатым. Далеко, черт! Еле достал. Пот капал с физиономии на обручи и шипел, закипая.

— Христом-Богом, Джон… Брось…

— Нет!

Сильвер потянулся за последним. Кроме него этот бочонок никто на судне и достать бы не смог, росту не хватило бы.

— Черт! — вырвалось у него. Из-за бочек с водой прыснул выводок крыс с дымящейся шерстью и обваренными хвостами.

— Джон! — крикнул Израэль Хендс.

— Капитан, «Морж» поднимает паруса, — доложил от трапа Джордж Мерри, получивший свежую информацию с палубы.

— Уфф! — Уши Сильвера лизнуло пламя. Дым от одежды повалил гуще. Он едва удерживал перегретый последний бочонок. Повернулся, чтобы покатить его Израэлю Хендсу… и выронил, упал на него сверху, обнял, пополз с ним к трапу.

— «Морж» к нам собрался, капитан, — сообщил': Мерри….

— . Держи! Этот слишком горячий, — сказал Сильвер. — Вверх и сразу за борт.

— Ой! — Израэль Хендс прикоснулся к бочонку и отдернул палец.

— Есть, сэр, за борт!

— Ай! — вскрикнул и Сильвер. Жар от одежды дошел до кожи. Его спасла шерсть сукна. Любая другая ткань вспыхнула бы.

— Мерри, живей, помогай! — Хендс вцепился в Сильвера, из-за усталости и отравления дымом неспособного подняться. Джордж Мерри, избавившись от бочонка, подхватил капитана с другой стороны. Они вытащили Сильвера на палубу, сняли с него тлеющий сюртук и окатили водой.

— Спасибо, ребята! — пробормотал Сильвер, отфыркиваясь. — Еще одно, прямо на голову… А-ах-х, хорошо!

Они поставили Сильвера на ногу и вручили

костыль, поглядывая на своего капитана с почтительным ужасом.

— Команда-а-а! — заорал Сильвер. Все головы повернулись к нему. Замер насос, остановилась цепочка таскавших ведра. Работа прекратилась, лишь огонь все еще бушевал, пожирая бизань-мачту.

— Ребята! — продолжил Сильвер. — Игра закончена. Каждый сделал все, что мог, я горжусь вами. — Они заухмылялись, загудели, однако он подпил руку, призывая к молчанию. — Сейчас мы покинем «Льва», но я призываю вас попрощаться с нашим славным судном. Трижды ура «Льву»!

— Гип-гип…

— Ур-ра-а-а-а!

— Гип-гип…

— Ур-ра-а-а-а!

— Гип-гип…

— Ур-ра-а-а-а!

«Лев» — первое судно Сильвера, и даже не будь этот парусник столь красив, он все равно любил бы его. Поэтому призыв оказать почтение погибающему судну вырвался из глубины души; он даже не знал, что многие капитаны до него так же салютовали своим судам и многие вынуждены будут последовать его примеру в грядущем.

Был в этом салюте и чисто практический смысл: поднять Дух людей, сплотить команду, чтобы не превратилась она в стадо индивидов, в котором каждый сам за себя.

— Что ж, ребята…' — перешел Сильвер к заключительной фазе обращения. — Кто плавать обучен, плыви, кто не обучен — гребцами. Как на британском флоте заведено: молодежь вперед, затем старички… А теперь… — Он помедлил. С трудом дались ему эта последние слова: — Покинуть борт!

И он пошел по палубе, подбадривая команду. Такой приказ не вмиг выполняется. Сначала за борт полетело все, что способно плавать, что волны могут прибить к берегу. Крышки и решетки люков, запасные реи и стеньги, скатанные в рулоны подвесные койки… Затем двадцать человек из семидесяти одного перемахнули через борт и поплыли к берегу. Не слишком в себе уверенные держались за что-нибудь плавучее.

На борту остались пятьдесят один моряк и трое юнг. На две ходки шлюпки и одну — ялика. Сильвер покинул борт последним. Огонь уже подбирался к грот-мачте.

Сидя на корме лодки, Сильвер глядел на «Моржа». Кровожадного Флинта подвел ветер. Паруса

висели, как белье на просушке. Долговязый Джон навел на вражью посудину подзорную трубу, прошелся от бушприта до кормы… и чуть не выпрыгнул за борт, увидев Селену, бьющуюся в руках Флинта.

Глава 50

9 сентября 1752 года. Южная якорная стоянка. Предполуденная вахта (примерно полдвенадцатого берегового времени)

Флинт изучал «Льва» в подзорную трубу. Хорошо горел «Лев», активно. Но и люди на нем не спали, тоже быстро шевелились. Запустили насос, черпали забортную воду ведрами, грузили свое барахло в лодки. Не нравилась ему вся эта активность. Совсем не нравилась.

В противоположность «Льву» «Морж» вел себя как гнилое бревно. Не двигался! В пушках мирно спали заряды картечи, которыми он собирался истребить команду Сильвера, всю, до последнего человека. Какая жалость! Какой позор! Адский стыд!

Хуже некуда. Сильвер увел всю команду, до последнего дрекового[68] юнги, из-под носа Флинта!

— Что скажешь, бравый капитан? — спросила вдруг Селена, стоящая рядом на квартердеке. — Похоже, снова Долговязый Джои оставил тебя

---

[68] Примечания: 68

Дрек — небольшой складной якорь для шлюпки.

с носом.

— Что-о? С какого это дьявола ты так решила?

— Он надрал тебе задницу. Ухлопал половину твоей команды, а теперь у него в руках остров и все твои драгоценности. Х-ха! И с чего я вообразила, что ты умный?

Она стремилась его обидеть, отомстить за свое унижение, за свои страдания. Тем более что «Морж» подошел ближе к берегу, она могла бы запросто прыгнуть в воду и уплыть. На берегу теперь не Флинт, а Долговязый Джои. Единственная проблема — пушки и мушкеты команды «Моржа».

Глаза Флинта округлились… и побелели. Попугай или Билли Бонс поняли бы, что приближается гроза. Но не было их на борту. А она попала в точку. В самую болезненную точку.

Когда утром взошло солнце, на борту «Моржа» находилась вполне приличная команда, семьдесят три человека. Осталось тридцать четыре. Остальные на попечении мистера Коудрея либо за бортом, покойники. И четверых из них прикончил сам Флинт, о чем теперь сожалел, потому что выступить против семидесяти одного бойца Сильвера с оставшимися силами нечего и думать.

— Сука! — гневно бросил Флинт и занес руку для удара. Но она отпрыгнула, затем вскочила на пушку и чуть было не исчезла за бортом, Флинт успел схватить ее за штаны. Селена вырывалась, пришлось прижать ее к себе. Оттаскивая девушку от борта, Флинт ощутил неожиданное воздействие этой близости. В последний раз он прикасался к женщине в ходе своих в высшей степени неуспешных экспериментов со шлюхами в Портсмуте. Давно это было.0

— Хм… — Флинт дышал тяжело, сердце билось учащенно. — Мы тебя запакуем обратно, девуля. Плотник дверь быстренько починит. — Он улыбнулся и отважился притронуться к ее щеке губами. Мысли придушить эту сучку или перерезать ей глотку уступили место другим, куда менее кровожадным.

* * *.

Берег. Народ выпрыгивал, вытаскивал лодки. Твердая земля под ногами? Как бы не так. Только не для Долговязого Джона. Его кссгыль зарывался и вяз в песке.

— А ведь глянь, капитан — Израэль Хендс махнул в сторону «Льва». — Похоже, что-то останется.

Сильвер обернулся в сторону горящего судна, всмотрелся. От грот-мачты к корме все полыхало, но далее к носу огонь почему-то не распространялся и даже, похоже, угасал.

— Да, кусок носа может и остаться на память. Но на носу в море не пойдешь. Как, много мы спасти успели?

— Свинина, сухари, другой жратвы навалом, капитан. Главное — ром! — успокоил Хендс — Оружие и боеприпасы. — Он ухмыльнулся. — Порох, порох, капитан! Пороху у нас — век не перестреляешь, — подчеркнул он под ржанье команды. — Навигация всякая: карты, компасы и прочее.

Хендс повернулся к зарослям.

— И островок вовсе не плохой. Был я здесь раньше, с Флинтом. Вода есть, фрукты растут съедобные. Козы прыгают. И даже блокгауз где-то построен.

— Эгей! — Поток воспоминаний Израэля Хендса прервал окрик Сарни Сойера, Он шагал рядом с группой моряков, подталкивающих кончиками обнаженных сабель перепуганного до смерти Билли Бонса, опутанного сетью с пробковыми поплавками.

— Во какую рыбку изловили, капитан. Билли

спрыгнул за борт, когда пожар начался, ясное дело. Только как он из кандалов выпрыгнул? И откуда всю эту тряхомудию выудил, очень бы интересно узнать.

Однако интересно это было не всем. Очень многие предлагали сразу повесить Бонса поближе к солнышку на ветку.

— Тихо, тихо! — крикнул Сильвер, пробираясь по песку к Билли Бонсу. — Что за наряд на тебе, Билли? — Джон потрогал сети и поплавки. Бонс только пыхтел. — Такого ведь в момент не соорудишь. Это заранее задумано. И как из кандалов выпрыгнуть. И как судно спалить. Так ведь, Билли, цыпка моя?

Много усилий пришлось приложить Сильверу, чтобы спасти жизнь Бонса. Если б не Долговязый Джон, пришлось бы Бонсу молить небеса лишь о том, чтобы смерть его оказалась как можно менее мучительной. И опять причиной такой странной позиции Сильвера оказалось то же, что и раньше.

— Он единственная квадрантная башка под рукой, — убеждал Сильвер. — Без него нам тут, на острове, с козами, век вековать.

Так Бонс остался в живых.

И еще один член команды «Моржа», прибли-

женный к Флинту, прибился к Сильверу.;

— Попутай, капитан. Весь в дырках, как решето, но, зараза, живучий. — Сарни Сойер предъявил Сильверу птицу, вид которой и вправду оставлял желать лучшего. — Пустить его в суп, что ли? Все-таки Флинтов шпион.

Но Сильвер не дал боцману отведать супа из попугая.

— С чего это? Если мы такую гнусную паскуду, как Билли Бонс, помиловали, то за что казнить бедную птаху? Иди сюда, милый. Мы тебе чего-нибудь поклевать сообразим, водички нальем…

Долговязый Джон снял шляпу и посадил попугая в нее; как в гнездо, в точности, как это делал Флинт Сильверу попугай давно нравился, и он, если не считать Флинта, был единственным, кто мог прикасаться к птице, не рискуя потерять пальцы.

— Нет, Капитан Флинт, — сказал он попугаю. — Мы тебе не свернем шею, не бойся.

А ближе к вечеру, когда, наконец, над Южной бухтой потянуло ветерком, на остров пожаловал Джо Флинт собственной персоной. Ну, не совсем на остров. Он прибыл на катере «Моржа», установив на носу его вертлюжную пушку. Флинт явился с флагом — как парламентер на пере-

говоры. Остановился чуть дальше мушкетного выстрела, ради вящей личной безопасности, но так, чтобы дорораться можно было.

— С чем прибыл, Джо? — приветствовал его Сильвер вопросом, стоя перед своими вооруженными до зубов матросами. — Что расскажешь?

— Да немного… — Флинт улыбнулся. — Билли Бонс с тобой… Что, Билли, сменил хозяина?

Бонс с воем вырвался из удерживавших его лап и понесся к Флинту.

— Пусть бежит! — крикнул своим Сильвер. — Плавать это полено не умеет, а Флинт за ним не пожалует, струсит.

Да, зря Бонс надеялся, слезно умолял и убеждал Флинта, что он его вернейший слуга. Не поверил ему Флинт. То есть сделал вид, что не поверил. Не признаваться же, что и вправду трусил.

— Ну, так что же, Джо? — снова поинтересовался Сильвер.

— Привез тебе надежду, которая тебя согреет ночью.

Сильвер молча ждал, пока Флит покончит с клоунадой и перейдет, наконец, к делу.

— У тебя остров, у меня судно, так?

— Ну…

— И у меня твоя чернушка, которая по доброй

воле остается со мной. Ей осточертел одноногий калека, не способный удовлетворить естественные потребности здоровой женщины. — Флинт засмеялся.

— Ублюдок, — произнес Сильвер себе под нос.

— Джон, не кипятись, — спокойно пробормотал сзади Израэль Хендс. — Заврался хмырь, ему даже собственная команда не верит. Все знают, что она твоя. И тогда, когда мы плавали к поповской морде, она выпрыгнула, чтобы к тебе уплыть, да попалась этому выродку, — Хендс кивнул в сторону все еще заливавшегося соловьиным смехом Флинта и усмехнулся: — А что до него, то я тебе скажу: никто никогда не видал его с бабой.

— Хм… — Сильвер вспомнил о том, что Селена говорила о Флинте. Четко и раздельно, чтобы все поняли, он прокричал:

— Врешь, Джо! Селена видит мужика издали и насквозь. А ты не мужик, и она это знает.

Сильвер чуть было не продолжил. Он мог бы рассказать и о дырочках в переборке. Такое убило бы Флинта в глазах всей команды, стоило вы ему судна и головы. Но, с другой стороны, могло вызвать и месть Флинта Селене. Сильвер не хотел рисковать этим. Ни за какие сокровища.

Однако и сказанного; хватило. Сильвер рассчи-

тал верно. Флинт сник. Он опустился на банку, сокрушенный отпором. Уж он-то понял, что имел в виду Сильвер. Страх кольнул его в позвоночник. Флинт воображал, что никто ни о чем даже не догадывался. Он ведь, вроде бы, проявлял осторожность.

— Пошли назад! — крикнул Флинт гребцам. — Живо!

— Так скоро, Джо? — крикнул Сильвер под гогот своей команды.

Флинт, однако, быстро опомнился. Он снова вскочил и выкрикнул, чтобы оставить последнее слово за собой:

— Я вернусь, Джон, вернусь с полной командой и сниму шкуры со всех вас, с каждого, никого не пощажу! А потом зажарю над костром!

Глава 51

12 сентября 1752 года. Южная Атлантика, Борт «Моржа» Предполуденная вахта

Селена поняла, что Флинт безумен. И безумен как-то по-особенному.

Как он и обещал, дверь кормовой каюты починили и Селену заперли. Но лишь только остров исчез за горизонтом, он выпустил девушку, пригласил на палубу и обходился с нею столь же по-королевски, как и при первом ее появлении на борту. И «дорогая», и «мадам», и «моя нубийская принцесса»…

Но видно было, что Флинт уже не тот. Он мог в любой момент взбеситься, чего с ним раньше никогда не случалось. Для нее он, правда, в такие моменты опасности не представлял — только для команды. Селена полагала, что голову, которую мистеру Коудрею снова пришлось заделывать, Флинт изрядно повредил. И еще она считала, что Флинту сильно недостает попугая, хотя он исчезнувшую птицу ни разу не помянул.

К счастью для Селены команда теперь боялась капитана пуще прежнего, особенно из-за его

непредсказуемых припадков бешенства. На нее отныне и глянуть-то боялись, не говоря уж об усмешках или репликах Только и слышно было робкое: «Так точно, мисс Селена», «Никак нет, мисс Селена», «Будет сделано, мисс Селена», и тому подобное. Так что ей ничто не мешало разгуливать по палубе и залезать куда вздумается.

И Флинт больше не подглядывал в дырочки. Более того, они вдруг оказались заделанными. Селена ведь давно знала, где располагались «половые щели» капитана Флинта. Зато завел Флинт новую моду: он целовал Селене руку, как знатной леди, да обнимал за талию, Казалось, он при этом млел, поэтому она заподозрила, что старая игра велась на новый лад.

Что бы там ей ни казалось, а вот с Джоном Сильвером ей точно не суждено скоро увидеться, да и суждено ли вообще… И это плохо, очень плохо. И ничего ведь не поделаешь. Ждать и надеяться, вот и весь выбор.

Чтобы не терять времени зря, она упросила Флинта научить ее заряжать и стрелять, что ему и самому понравилось. И вскоре Селена стала весьма неплохим стрелком.

Глава 52

12 сентября 1752 года. Остров. Холм Подзорная Труба. Утро

Хоть ходить стало легче, и то слава богу! Плотник приделал к концу костыля кругловатую деревяшку, чтобы Сильвер не утопал в песке или в трясине болотной. На сухой твердой поверхности костыль стал на дюйм выше, да и ладно. И вот Джон Сильвер пустился осматривать остров, проводить инвентаризацию, можно сказать. С макушки острова открывался отличный вид. Но на сей раз он не радовал. Да и воздух не был чистым и свежим, особенно при таком жарком солнце.

— И кто бы это мог быть? — спросил Сильвер, вглядываясь в раздутый, кишащий личинками мух труп, валяющийся под мускатным орехом. — Сдается мне, встретились мы с Джимми Камероном, мистер Хендс.

— Точно, капитан, — подтвердил Израэль Хендс и добавил: — И вон еще Фрэнки Скиллет, подальше, голова глаже задницы и пуля в брюхе. Он, точно, из всей шестерки один бритый был.

Попугай на плече Сильвера квакнул и потерся клювом о капитанов висок.

— Да, навидался ты, бедняга — пробормотал Сильвер и пощекотал зеленые перья. — Ты бы точно смог рассказать, как эти бедные олухи простились с жизнью. Но ладно, ладно, молчи, не растравляй старые раны, мы и сами все понимаем.

Попугай благодарно щипнул Сильвера за ухо. Раны его оказались несерьезными, вот устал он сильно. Особенно духом устал. Через день-другой попугай уже взлетел и опустился на плечо Сильвера, как будто и всегда там сидел. И корм брал теперь только от Сильвера, на остальных косился.

— Итого, значит, четыре, капитан, — по-бухгалтерски подвел итог Хендс. — С Питером Эвансом на пляже и Йеном Фрезером там, — он мотнул головой в сторону большой Флинтовой скалы. — Это же Флинт их, так я понимаю…

— Ну, не мамочки же их родные!

— Бот только где Роб Тэйлор и Генри Говард…

— Души их там же, так что помочь им ты теперь ничем не сумеешь. Ф-фу, вонища! Пошли вниз, мистер пушкарь.

Он заковылял обратно. Спуск дело неудобное.

Пройдя несколько шагов, Сильвер остановился и обернулся.

— Израэль, приятель… А вот скажи-ка мне, что бы случилось, если бы ты, Слепой Пью да Сарни Сойер всучили мне тогда черную метку, тогда, на «Льве»? Может, помирились бы с Флинтом и была б у вас сейчас палуба под ногами…

— Не-е, кэп, не-е! — Хендс истово замотал головой, как дикарь пращой. — Не было никакой метки, не было. Мы пришли, чтобы сказать, что мы с тобой, все до одного. Мы обсудили и решили, что дурака сваляли, надо было против захоронения голосовать. Флинт себя выдал, когда велел «Льву» и «Моржу» следить друг за другом и стрелять, коли другой подастся к берегу, Этот скот науськивал нас друг на друга. Ты все время прав был, и мы хотели прощения просить.

— Да ну?

— Точно, капитан! Не было тогда на борту человека, как и теперь нет на острове, который бы за тобой не пошел, куда ни поведешь. Все остатние зубы даю!

Чтобы не проявить эмоций, позволительных женщине или ребенку, но никак не капитану и боевому командиру, Сильвер стиснул зубы и глянул куда-то в сторону.

Он вздохнул, потер глаза и улыбнулся Израэлю Хендсу. Много работы предстоит в этом заброшенном Богом местечке. Флинт обещал вернуться, и он вернется, коли жив останется. И за. Селену Сильвер не мог не беспокоиться. Да и суждено ли ему снова ее увидеть… Но со всем можно сладить, если с тобой добрая команда. Долговязый Джон снова повернул вниз, на козью тропку, ловко виляя меж камней. Он шел, высокий, на голову выше самого рослого в команде, в синем обожженном мундире с большими латунными пуговицами, в шляпе над красным шелковым платком, впитывающим пот. На боку сабля, за поясом два пистолета, в плечо вцепился когтями большой зеленый попугай.

— Идем, идем, мистер Хендс. Много нам дел предстоит!

Примечание

Юлианский и григорианский календари

В пятницу 15 октября 1582 года просвещенная католическая Европа приняла новый Григорианский календарь, предложенный калабрийским астрономом Алоизиусом Аилиусом и введенный буллой Его Святейшества Папы Григория XIII, в честь которого этот календарь и назван.

Григорианский календарь корректировал ошибку, накопившуюся в прежнем, юлианском календаре, заставлявшую естественные природные явления, такие, как равноденствия, «сползать» все дальше и дальше от года к году.

Введение нового календаре требовало, чтобы после четверга 4 октября 1582 года следовала пятница 15 октября.

Протестантская Европа, включая Англию и ее заморские владения, сопротивлялась всему католическому, в том числе и новому календарю, до тех пор, пока глупость такой политики не стала слишком очевидной.

Наконец, через 170 лет, под негодующие вопли невежд, требовавших: «ВЕРНИТЕ НАШИ

ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ!» — Британия все же ввела григорианский календарь, и за средой 2 сентября 1752 года последовал четверг, 14 сентября.

События, описанные в этой книге, в частности захоронение сокровищ, имели место как до, так и после даты перехода на новый календарь, и, дабы избежать путаницы, все даты даются по юлианскому календарю, по «старому стилю».

Пиратские хроники

Кто из нас не читал «Остров сокровищ»?
Не содрогался от страха, слыша,
как стучит палкой по мостовой Слепой Пью?
Не блестел глазами в предвкушении несметных
сокровищ капитана Флинта? Не вдыхал соленый
морской воздух на палубе пиратского корабля?
Но многие вопросы так и остались без ответа:
Например, откуда взялся попугай капитана Флинта
и кто научил его кричать «Пиастры, пиастры»?
Как Сильвер стал капитаном
и почему он лишился ноги?
Кто такой Билли Бонс
и за что он получил «Черную метку»?

«Одиссея капитана Сильвера» — роман, написанный
в лучших традициях авантюрных пиратских историй.
Молодой капитан Сильвер, пиратствующий
под началом отъявленного мерзавца Флинта,
находит в себе мужество противостоять негодяю.
Под завывание ветра и лающие выстрелы мушкетов
пираты устраивают жесткие разборки.
Здесь и верные друзья, и коварные предатели,
и романтическая любовь,
и безжалостные расправы с изменниками.

АСТРЕЛЬ СПб
ISBN 978-5-17-058233-4
9 785170 582334